

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

4
2025

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
12+

Содержание

Статьи	
П.А. Искендеров. Албания в годы Второй мировой войны (часть IV).....	2
У зарубежных коллег	
А.М. Грудница. Игра в Сципиона: габсбургские интерпретации, адаптация и использование Сципиона Африканского в Европе раннего Нового времени	20
Л. Вольфф. Император Карл V и Верди: политика Рисорджименто, история Габсбургов и австрийско-итальянская оперная культура	58
Международное научное сотрудничество	
Хэ Цзяшу. История переводов «Сань-цзы-цзин» в России в XVIII–XIX вв.	88
Ши Юйсинь. Состояние и тенденции развития когнитивной лингвистики в России и ее исследование в Китае	94
Юе Цюаньсинь. История исследований мотива катастрофы в русской литературе в Китае в 2008–2024 гг.	104
Сообщения	
Цюй Жулань, Лю Ци. Этапы развития системы охраны архитектурно-градостроительного наследия г. Аньян	112
М.М. Имамов, Н.Б. Семенихина. Влияние цифровых технологий на управление проектами в контексте перехода к низкоуглеродной экономике и устойчивым бизнес-моделям	120
Образование: прошлое, настоящее и будущее	
Н.В. Кондрашова. Исследование роли межкультурной коммуникации в преодолении языковых и социальных барьеров среди иностранных студентов российских университетов	136
Хуо Пэнфэй. Влияние русского академического образования в области скульптуры на современное китайское художественное образование	150

ВЫХОДИТ С 1926 ГОДА
ООО «ЖУРНАЛ «ВОПРОСЫ ИСТОРИИ»
МОСКВА

Албания в годы Второй мировой войны (часть IV)

П.А. ИСКЕНДЕРОВ

Albania in World War II (part IV)

P.A. ISKENDEROV

Аннотация. Статья посвящена развитию ситуации в Албании на завершающем этапе Второй мировой войны. Проанализировано развитие внутренней ситуации и отношений страны с другими государствами. Особое внимание уделено укреплению Коммунистической партии Албании.

Ключевые слова: Россия, Балканы, Албания, великие державы, Вторая мировая война, международные отношения, Коммунистическая партия Албании, Косово.

Abstract. The article is devoted to the development of the situation in Albania during the last period of World War II. The development of the country's relations with other states is analyzed. Special attention is paid to the strengthening of the Communist Party of Albania.

Key words: Russia, Balkans, Albania, Great Powers, World War II, international relations, Communist Party of Albania, Kosovo.

Искендеров Пётр Ахмедович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, главный редактор журнала «Вопросы истории».

E-mail: iskenderov.petr@yandex.ru.

Iskenderov Petr A. – PhD (History), senior researcher at the Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of “Voprosy Istorii” history journal.

E-mail: iskenderov.petr@yandex.ru.

В конце 1943 г. обстановка в Албании серьезно обострилась. Немецкие войска зимой 1943/44 гг. развернули крупномасштабное наступление против партизан по нескольким направлениям из Северной и Средней Албании. Его целью было обеспечение широкого коридора для прохода войск вермахта из Греции через Албанию и Югославию в Центральную Европу при одновременной ликвидации албанского и югославского партизанских движений.

К этому времени ситуация характеризовалась тем, что под контролем партизанских отрядов находились в основном внутренние горные районы, а германские силы контролировали крупные города и транспортные коммуникации между ними.

В результате упорных боев с превосходящими численно и в плане вооружения отрядами германской армии партизаны были вынуждены отступить в горы практически по всей территории Албании. В декабре 1943 г. в окружении в районе Черменики к северо-востоку от Эльбасана оказалась часть членов ЦК КПА во главе с Энвером Ходжей и Генштаба НОФ. Ситуация усугублялась установившейся в ноябре нелетной погодой, не дававшей союзникам поставлять с воздуха партизанам оружие и боеприпасы.

В начале января началось новое наступление немецких войск между Корчей и Бератом. Особо ожесточенные бои развернулись за стратегически важный город Пермет, который частям вермахта так и не удалось захватить.

Осложнилась ситуация и в соседней Югославии. Как указывает сербский исследователь Н. Анич, «после капитуляции Италии и в начале 1944 г. немцы предприняли подряд несколько операций, которые известны под названием зимних операций, намереваясь занять Адриатическое побережье и удержать его, восстановить более важные коммуникации, связывавшие побережье с центральными районами страны, разбить группировки НОАЮ (Народно-освободительная армия Югославии. — П.И.) в этой полосе, особенно в Восточной Боснии и Санджаке, откуда грозила опасность положению немцев в Сербии»¹.

Однако к весне 1944 г. военно-политическая ситуация на Балканах и, в частности, в Албании изменилась в лучшую сторону для антифашистских сил. В конце февраля – начале марта 1944 г. Генштаб НОФ был деблокирован усилиями 1-й ударной партизанской бригады во главе с будущим ближайшим соратником Энвера Ходжи Мехметом Шеху. Как пишет российская исследовательница Н.Д. Смирнова, «несмотря на вынужденный откат в горы, самороспуск едва сформировавшихся воинских частей НОА (Национально-освободительная армия. — П.И.), партизанам удалось не только сохранить основной боевой потенциал, но и быстро восстановить его. Этому способствовала хорошо организованная (насколько это было возможно в тех сложных условиях) система военно-политической подготовки партизан, организованная югославскими советниками. В частности, наибольшую известность получили своеобразные курсы повышения квалификации, организованные компартией в марте 1944 г. в местечке Панарит недалеко от Корчи для командиров и комиссаров НОА. Наряду с усвоением основ военного дела вырабатывалась идеология движения»².

Особое место в дискуссиях югославских эмиссаров и руководства КПА занял вопрос о необходимости наличия авторитетной для народа фигуры лидера освободительной борьбы. М. Попович «высказал мысль, которая впоследствии получила статус партийной директивы, о необходимости дать народу вождя, вокруг имени которого можно было бы мобилизовать массы, взяв в качестве примера то, как в соседней Югославии создавался героический образ Тито. В Албании на эту роль он предложил Энвера Ходжу, чем сразу же вызвал возражения со стороны некоторых влиятельных деятелей компартии. Они говорили, что авторитет Тито вырос на основе его известности как военного руководителя, а Энвера в армии не знают. Компромисс нашли: надо “сделать” его “команданти” (командующим), а затем уже создавать из него всенародного лидера. Забегая вперед, надо сказать, что впоследствии и критики идеи (Тук Якова, Нако Спиру, Сейфула Малешова), и сторонники (Лири Гега) были Ходжей устранены»³.

Благоприятное для партизан изменение военно-политической обстановки также напрямую было связано с победами Красной армии на советско-германском фронте. Германское командование было вынуждено перебрасывать дополнительные подразделения с Балкан на Восточный фронт. К этому времени и для западных союзников СССР, и для лидеров антифашистских движений на Балканах становилось все более очевидным, что Красная армия придет с освободительной миссией в Европу. Ведь, по словам российской исследовательницы Т.В. Волокитиной, «советское руководство было убеждено, что фашистская военная машина, а вместе с ней и нацистский режим, должны были быть разгромлены там, где возникли, – в самой Германии»⁴. Кроме того, «советское руководство имело также и четкие обязательства перед антигитлеровской коалицией, закрепленные в Тегеране в 1943 г.»⁵ При этом Т.В. Волокитина справедливо подчеркивает, что «сегодня вряд ли кто возьмется всерьез оспаривать, что научный подход к факту вступления и присутствия Красной Армии в Европе требует изучения всех сторон действий советского государства и его вооруженных сил за пределами СССР в 1944–1945 гг., анализа военной, политико-дипломатической, экономической, международно-правовой и иных составляющих действий Советского Союза и его армии. Не менее важно исследовать конкретную ситуацию в странах Европы, в частности, разобраться с имевшим место хронологическим совпадением и объединением двух разных процессов – освобождением от фашистской оккупации, в одних случаях, и устранением союзных Германии правительств, в других. Все еще не теряет актуальности и проблема соотношения военной необходимости вступления Красной Армии в Европу и политических целей Москвы, связанных с воздействием “советского фактора” на страны региона, решением проблемы территориальных приращений, в том числе и военными средствами, и пр. Эти вопросы ныне в числе тех, что испытывают на себе прямое воздействие политической конъюнктуры и процесса нового мифотворчества...»⁶

В марте 1944 г. на албанской территории функционировали четыре окружных совета, осуществлявшие функции органов новой

власти в освобожденных районах с центрами в гг. Гирокастра, Влера, Берат и Корча и заменившие существовавший ранее административный аппарат префектур, супрефектур и деревенских коммун. В подчинении у советов находились также военные структуры – «партизанская стража» и областные гарнизоны. Формирование последних происходило с августа 1943 г. по решению Генштаба НОА.

Деятельность этих советов не была свободна от существенных ошибок, вызванных в первую очередь неумением и подчас нежеланием выстраивать конструктивные взаимоотношения с представителями всех политических сил, а не только с коммунистами. Как справедливо отмечает Н.Д. Смирнова, «на деятельности национально-освободительных советов отрицательно сказывались такие факторы, как отсутствие навыков административного руководства, неумение согласовывать интересы неоднородных по классовому составу органов власти. Они были призваны защищать интересы всего трудового народа, всех слоев населения, стремившихся к победе антифашистского национально-освободительного движения. Когда же возникали проблемы во взаимоотношениях между коммунистами и некоммунистами, партизанами и гражданским населением и нужно было сделать выбор, то приоритетными оказывались интересы коммунистов и партизан. Таким образом, социальная справедливость нарушалась»⁷.

Национально-освободительные советы располагали весьма широкими полномочиями. Они распоряжались секветированным имуществом итальянских организаций и граждан, отвечали за снабжение частей Национально-освободительной армии и населения освобожденных районов продовольствием и промышленными товарами, боролись со спекуляцией, перераспределяли земельные наделы для обеспечения их наилучшего использования, создавали группы крестьян по коллективной обработке земли (прообразы колхозов).

При наличии таких полномочий – фактически чрезвычайных – на местах закономерно возникали злоупотребления и перегибы. Генсовет и Генштаб НОФ старались оперативно реагировать на наиболее вопиющие факты. В частности, жесткую критику Генштаба вызвало решение местного совета в дер. Божиград в районе Корчи конфисковать скот у крестьян, не являвшихся сторонниками НОФ. В специальном письме Генштаб потребовал немедленно вернуть скот и подчеркнул: «Такие акты недопустимы, скот может быть конфискован только у врагов народа, но нельзя же его забирать у всей деревни лишь по той причине, что деревня не с нами. Вы несете ответственность за то, что деревня не с нами, поскольку именно вы не провели соответствующую политическую работу»⁸.

Зимой 1943/44 гг. ожесточенные бои развернулись и на территории Югославии. Как подчеркивает Н. Анич, «немецкие зимние операции, предпринятые при содействии квислингов, по количеству соединений, масштабности захваченной военными действиями территории, ожесточенности столкновений и обоюдным уроном принадлежат к числу наиболее крупных вражеских операций на югославском поприще»⁹.

С освобождением все новых районов Албании теперь уже от германской оккупации на повестку дня встал вопрос об образовании в стране центрального представительного органа с функциями временного правительства, тем более что аналогичные процессы параллельно разворачивались в соседних балканских странах. В Югославии все более прочные позиции занимал Национальный комитет освобождения (НКОЮ), в Греции в марте 1944 г. представители всех партий Национально-освободительного фронта создали Политический комитет национально-освобождения в качестве прообраза будущего коалиционного правительства.

В Албании по решению ЦК КПА и президиума Генерального национально-освободительного совета 24 мая 1944 г. в г. Пермет был созван 1-й Антифашистский национально-освободительный конгресс, в работе которого приняли участие около 200 делегатов. Они обсудили совместный отчетный доклад Генсовета и Генштаба «О развитии национально-освободительной борьбы албанского народа в связи с международными событиями». Документ представил Энвер Ходжа.

В докладе констатировалось принципиальное отличие текущей национально-освободительной борьбы албанского народа от прежних освободительных восстаний начала XX в. Оно заключалось в появлении на политической карте Албании Коммунистической партии, сумевшей стать выразителем общенародных чаяний. Одновременно новым явлением стало образование в военных условиях национально-освободительных советов, уже ставших «зародышами» новой власти. Что же касается стоящих перед патриотами новых задач, прежде всего в социальной сфере, то они были сформулированы в весьма общей форме как завоевание «подлинной свободы и демократии для всех общественных слоев»¹⁰.

Конгресс в Пермете постановил создать Антифашистский национально-освободительный совет (АНОС) в качестве высшего законодательного и исполнительного органа власти в освобожденной стране. Он должен был созываться на регулярные сессии, в перерывах между которыми соответствующие функции исполнял его президиум. Председателем АНОС стал Омер Нишани, его заместителями – бекташ (священник) Баба Файя Мартанеши, коммунист Кочи Дзодзе, беспартийный Хасан Пуло, секретарями – коммунисты Кочи Ташко и Сами Бахолы. Две трети членов АНОС также составляли коммунисты¹¹.

В свою очередь, указанный совет образовал Антифашистский национально-освободительный комитет (АНОК) в качестве временного правительства Албании. Его председателем стал Э. Ходжа, заместителем председателя – Мюслим Пеза. Членами АНОК (де-факто министрами) являлись либо члены КПА, либо сочувствовавшие коммунистам: Хаджи Лэши (внутренние дела), Омер Нишани (иностранное дело), Маноль Кономи (юстиция), Медар Штюла (экономика), Рамадан Читаку (финансы), Спиро Колека (общественные работы), Юмер Дишница (здравоохранение), Сейфула Малешова (просвещение), Бедри Спахиу (восстановительные работы).

Для того чтобы окончательно снять вопрос о существовании в Албании и за ее пределами различных албанских «правительств» (в том числе сформированных при активном участии британских представителей), Конгресс постановил «не признавать никакого другого правительства, которое может быть сформировано внутри Албании или за ее пределами против свободно выраженной воли албанского народа, представляемой только Антифашистским национально-освободительным советом»¹². Это касалось, в частности, организаций «Балли комбетар» и «Легалитет», при которых существовали военно-политические миссии англо-американских союзников, – хотя последние в своих заявлениях признавали решающую роль Национально-освободительной армии в освобождении Албании. В развитие данного положения АНОК обратился к правительствам государств антигитлеровской коалиции (прежде всего, СССР и США) с призывом прислать свои военные миссии для аккредитации при вновь созданных органах власти и отказаться от аналогичной легитимизации других сил. Последнее положение касалось, в первую очередь, Великобритания, чьи представители уже долгое время находились в Северной Албании, но предпочитали взаимодействовать исключительно с антикоммунистическими военно-политическими структурами. Они надеялись «на возможность повторения в Албании греческого опыта ограничения влияния коммунистов во временных органах власти»¹³, однако для этого необходимо было побудить такие националистические организации, как «Балли комбетар» и «Легалитет», развернуть серьезную борьбу против оккупантов и вернуться к взаимодействию с НОФ и КПА.

Соответствующую идею, в частности, высказал в своем выступлении в британском парламенте 23 мая 1944 г. британский заместитель премьер-министра К. Эттли. Он выразил убеждение, что объединение НОФ, «Легалитета» и «Балли комбетар» «возможно»¹⁴. Однако добиться от националистов хотя бы внешнего примирения с коммунистами не удалось. Британский военный эмиссар майор Дж. Сеймур докладывал в Лондон, что истинной целью Абаза Купи и других «северян» являлось сохранение собственных сил, «достаточных для совершения государственного переворота после ухода немцев»¹⁵. Вряд ли будет преувеличением сказать, что в Албании в рассматриваемый период «развитие национально-освободительного движения приводило ко все более резкому классовому размежеванию в стране: борьба албанского народа за национальное освобождение приобретала и антифеодальный, а в известной мере и антикапиталистический характер, сопровождалась элементами гражданской войны»¹⁶. Сотрудники британской военной миссии в своих донесениях были более категоричны в оценках. Они подчеркивали, что «албанцы оказались вовлеченными в гражданскую войну: коммунисты охотнее боролись против баллистов, чем против немцев, а баллисты в союзе с немцами столь же рьяно пытались уничтожить коммунистов»¹⁷.

Что же касается ключевого программного положения НОФ и КПА о будущей власти в Албании, то в декларации, принятой

в Пермете, на этот счет говорилось следующее: «Построить новую народно-демократическую Албанию согласно воле народа, которую он сегодня торжественно выразил созданием Антифашистского национально-освободительного совета, являющегося подлинно народной властью, вышедшей из национально-освободительной борьбы албанского народа»¹⁸.

Подобная расплывчатая формулировка была связана с нерешенностью вопроса о международно-правовом статусе новых органов власти страны. Как известно, Атлантическая хартия и другие документы держав антигитлеровской коалиции предусматривали решение вопроса о власти в оккупированных странах лишь после их окончательного освобождения. Соответственно, в решения Конгресса в Пермете не вошли, к примеру, никакие указания на будущую отмену монархического строя и провозглашение республиканской формы правления. Тем не менее и в декларации форума, и в специальном решении АНОС содержалось положение о запрете на приезд в страну экс-короля Ахмета Зогу, «хотя вопрос о нем и форме правления будет решен народом после освобождения нашей страны»¹⁹.

И еще один примечательный момент. В общеполитическом разделе Перметской декларации был прописан пункт о необходимости создания балканской конфедерации на базе военного сотрудничества в освободительной войне всех народов Балкан. В документе говорилось: «Создаются условия для создания балканской конфедерации, в которой все народы получают равные права, где всем им будут предоставлены возможности для развития и прогресса во всех областях деятельности»²⁰. Аналогичная оценка содержалась и в заключительном слове, с которым выступил на конгрессе все тот же Энвер Ходжа²¹.

Уже спустя пару лет идея создания балканской (кон)федерации станет предметом оживленных обсуждений в треугольнике Албания–Югославия–Болгария на фоне беспрецедентного экономического и военно-политического сближения Тираны и Белграда и при непосредственном участии И.В. Сталина. В докладе секретаря ЦК КПЮ Э. Карделя в Отделе международной информации ЦК ВКП(б) о политической ситуации в Югославии 5 февраля 1945 г. говорилось следующее: «Что касается перспектив, мы считаем необходимым, чтобы Югославия теснее связывалась с Болгарией и Албанией, а также с Австрией и Венгрией, если политические процессы в этих странах будут развиваться в таком направлении, которое сделало бы возможным такую связь.

<...> Почти одинаково обстоит дело с Албанией, где внутренние политические условия уже совсем созрели для объединения, и Албания сама под руководством коммунистической партии не имеет другого выхода, кроме того, чтобы самым тесным образом опереться на Югославию. Но поскольку внешнеполитические условия не являются удобными для объединения, мы договорились с Албанией, чтобы заключить с ней пакт о взаимной помощи, который должен быть подписан в самое короткое время»²².

Но столь же стремительно после разрыва СССР и Югославии в 1948 г. указанный вопрос превратится в табуированную тему,

а все недавние ее сторонники наперебой станут отождествлять данную идею исключительно с событиями начала XX в. и программными положениями тогдашних сербских и болгарских социал-демократов. Последние видели в Балканской федерации способ «решения национальных проблем в этом регионе, всегда отличавшемся национальной чересполосицей»²³.

Теоретически создание подобной федерации могло бы в значительной степени снять остроту межгосударственных территориальных споров, явившихся одним из факторов роста фашистских настроений на Балканах еще в конце 1930-х гг. Ведь «почти все балканские государства в начале XX в. столкнулись с национальными катастрофами. Потерю европейских владений, а затем и распад империи пережили турки. Горькое разочарование дважды ждало Болгарию – после Второй Балканской и Первой мировой войн. Свою Голгофу во время Первой мировой войны пережила Сербия. Осталась разделенной Македония. Уже после Первой мировой войны в связи с поражением в греко-турецкой войне 1919–1921 гг. “малоазийскую катастрофу” пережила Греция. Фактически исключение в этом ряду составляет только карпато-балканская Румыния»²⁴.

Не все ладно оказалось и в рядах великих держав-мироотворцев. Как подчеркивает чешский и русский историк И.П. Савицкий, после завершения Первой мировой войны «все французы и англичане мечтали о том, что “Великая война” навсегда покончит с войнами (хотя бы в Европе, колониальные войны не в счет). Более того, даже большинство населения разваливающейся Австро-Венгрии и многие в побежденной Германии мечтали о том же. Об этом говорил и заокеанский мироотворец, американский президент Вудро Вильсон, хотя американцев этот вопрос волновал меньше. Никто из политиков не мог игнорировать эти пожелания десятков миллионов.

Но в Париже собрались только победители (и «присоединившиеся», но их никто не слушал), а в странах победоносной коалиции пропаганда четыре года усиленно твердила, что единственным виновником войны была Германия и ее сателлит – Австро-Венгрия, и ей поверили. Правда, где-то на окраине Европы появился неожиданный возмутитель спокойствия – коммунистическая Россия, однако сильные мира сего были уверены, что московские фанатики долго продержаться не смогут, и Россия вообще надолго вышла их строя великих держав. И слава Богу!

Таким образом, главный вопрос мирной конференции в значительной мере свелся к созданию гарантии для Франции (и Бельгии), что они вновь не станут объектом германской агрессии. Так считали не только премьер-министр Франции “Тигр” Клемансо и президент Раймон Пуанкаре, но и лидеры Англии и США. Еще через десять лет Черчилль констатировал: “Непропорциональность национального могущества Германии и Франции была и остается до сих пор главной проблемой мира”»²⁵.

Сказывалась и общая неопределенность ситуации на Балканах, сложившаяся еще во второй половине 1930-х гг. Как напоминает российская исследовательница Н.В. Васильева, «Мюнхенский сговор разрушил последние остатки Версальской системы

и явился со стороны Великобритании и Франции «приглашением» Германии к дальнейшей агрессии, в том числе и на Востоке.

Следствием Мюнхена был подрыв веры малых стран в союзническую надежность западных держав в защите от агрессии. В обстановке полной непредсказуемости международной ситуации малые государства Балканского региона стали отказываться от любых коллективных действий, стремились остаться подальше от конфликтов великих держав, придерживаться политики лавирования и «нейтрального» курса между фашистскими государствами и западными державами»²⁶.

Да и по каждой балканской стране и ее политике в предвоенные годы и в период Второй мировой войны не утихают ожесточенные дискуссии. В частности, как напоминает российская исследовательница Е.Л. Валева, «болгарская внешняя политика накануне и в годы Второй мировой войны – вопрос, который продолжает по сей день волновать историков и получает противоположные оценки. Как известно, подписав 1 марта 1941 г. Тройственный пакт, Болгария вступила во Вторую мировую войну на стороне фашистской Германии. Правильность решения царя Бориса III и правительства в исторической науке оспаривается. Одни ученые полагают, что присоединение Болгарии к Тройственному пакту было геополитически и экономически предопределено. Другие придерживаются мнения, что София проявила стратегическую недальновидность, вновь выбрав проигравшего союзника, и считают, что Болгария должна была твердо придерживаться политики нейтралитета»²⁷.

Неудивительно, что вышеуказанные интеграционные планы в сложившейся противоречивой и крайне накаленной ситуации оказались малореалистичными – в отличие от реально обострившихся в 1942–1943 гг. конфликтов вокруг будущих границ балканских стран.

В самой Албании при послевоенной публикации документов 1-го Антифашистского национально-освободительного конгресса в Пермете абзацы о желательности создания Балканской федерации будут исключены и из итоговой декларации, и из заключительного слова Э. Ходжи. Сегодня же идеи образования подобной федерации отчасти парадоксальным образом трансформируются и в построения весьма националистического свойства. Так, в конце 1990-х гг. премьер-министр Албании и лидер Социалистической партии Фатос Нано выдвинул идею создания «паналбанского политического форума, который существовал бы для объединения шести миллионов албанцев, живущих на Балканах»...²⁸

После завершения работы 1-го Антифашистского национально-освободительного конгресса состоялись очередные заседания Антифашистского национально-освободительного совета, на которых был принят комплекс решений, определявших взаимоотношения страны с другими государствами. В частности, было решено изучить, аннулировать, пересмотреть или заменить все торгово-экономические и политические договоры Албании с другими странами, заключенные в период правления А. Зогу. Кроме того, АНОС постановил не признавать «никаких

соглашений и международных договоров, которые могли быть заключены впредь вне и внутри Албании реакционными кликами – как политическими группами, так и правительствами»²⁹.

Отдельным блоком решений АНОС стало введение воинских званий в албанской армии. Э. Ходжа стал генерал-полковником и главнокомандующим НОА. Пост начальника Генштаба занял С. Моисиу в звании генерал-майора. Звание полковника было присвоено М. Пезе, командующему 1-й дивизией Д. Ндреу и его заместителю М. Шеху.

Как справедливо подытоживает Н.Д. Смирнова, на конгрессе в Пермете «пробил звездный час для Э. Ходжи: он впервые официально сконцентрировал в своих руках партийную, политическую и военную власть»³⁰.

По оценке исследовательницы, 1-й Антифашистский национально-освободительный конгресс в Пермете «заложил основы албанского народно-демократического государства, которое вело свою историю с 24 мая 1944 г. Именно поэтому дата работы конгресса была зафиксирована на гербе республики. В решениях конгресса содержались элементы классовой оценки происшедших перемен, подчеркивалась антиимпериалистическая, антифашистская направленность борьбы албанского народа, которая являлась в то время борьбой против местной крупной буржуазии, землевладельцев и байрактаров, предавших общенациональные интересы»³¹.

Тем временем развитие международной ситуации вокруг Албании оставалось сложным и противоречивым. Верховное командование англо-американских войск в бассейне Средиземного моря по-прежнему отказывалось признавать НОФ единственным носителем новой власти в стране и пытались придать аналогичную видимость «Балли комбетар» и «Легалитету». В трактовке союзников антифашистский фронт во главе с коммунистами (располагавший к середине 1944 г. 70-тысячной армией) являлся региональным объединением в Южной Албании, своего рода «советской» республикой во главе с Мехметом Шеху и его югославским советником Душаном Мугошей. При этом партизаны из «Балли комбетар» и «Легалитета» являлись, согласно указанной трактовке, равноправными с НОФ представителями Северной Албании. Соответствующее требование признать «северян» в качестве равноправных партнеров по формированию новых органов власти и прекратить против них «враждебные действия» командование англо-американскими силами направило Президиуму АНОС. Последний собрался на свое чрезвычайное заседание 7 июля 1944 г. и постановил отвергнуть данное требование.

К этому времени уже многим в лагере албанских националистов становилась понятной иллюзорность расчетов на обеспечение собственных интересов посредством опоры на германских оккупантов. Аналогичным образом иллюзорны были и предшествующие расчеты на поддержку Италией планов по максимальному территориальному расширению границ Албании. Рим заботился исключительно о собственных национально-государственных интересах. Как напоминает российский исследователь И.И. Баринов,

«Италия, появившаяся на карте как единое государство только в 1870 г., стремилась не только получить свою долю в ходе «колониальной гонки», но и укрепить собственные позиции в Европе. Как и многие другие “новые” страны, Италия начала активно “узнавать” мир вокруг себя. Это касалось и тех регионов, которые не входили в традиционный итальянский ареал»³².

К тому же не следует недооценивать тот факт, что к началу Второй мировой войны отнюдь не Балканы находились в эпицентре мировой политики. Как напоминает российский исследователь В.Н. Виноградов, «первые семь десятилетий XIX в. ознаменовались тремя Восточными кризисами и тремя русско-турецкими войнами, а четвертая, Крымская, переросла в общеевропейскую. В следующие почти 40 лет, вплоть до Первой мировой, – совсем иная картина. Ни одного кризиса общеевропейского масштаба, ни единого вооруженного вмешательства держав в балканские дела. Отошла в прошлое большая игра европейской политики, как именовалось англо-русское соперничество. Раздоры, споры, конфликты на полуострове не прекратились, недаром он заслужил репутацию “порохового погреба Европы”, но они ограничивались столкновением внутрибалканских сил.

Восточный вопрос перестал занимать приоритетные позиции в международной жизни Европы»...³³

Да и в целом относительность расчетов на окончательное разрешение вопросов национально-государственного разграничения в условиях войны исторически была характерна для Балкан. Е.Л. Валева обоснованно указывает применительно к Болгарии, что «в силу стечения целого ряда внешних и внутренних факторов за полтора года Болгария прошла путь от нейтралитета до союза с гитлеровской Германией. Решающими среди них были задача возвращения утраченных в 1919 г. территорий и стремление болгарского руководства уберечь свою страну как от непосредственного участия в военных действиях, так и от коммунистического влияния. К середине 1941 г., казалось, удалось достичь этих целей: менее, чем за год, без единой капли крови была осуществлена мечта болгарского народа о возвращении территорий, отторгнутых по условиям Нейиского договора. После завершения балканской кампании вермахта Болгария ввела 19–20 апреля 1941 г. свои войска в принадлежавшие Югославии и Греции районы Македонии, Западной Фракии и так называемые Западные территории, которые рассматривались Софией как болгарские национальные земли. Вместе с Южной Добруджей территория Болгарии увеличилась на 50 %, а население – на треть. Мало кто в Болгарии мог в то время понять всю иллюзорность сложившейся ситуации»³⁴.

Между тем, говоря словами российского историка А.С. Стыкалина, к началу 1944 г. «становилось все более очевидным, что война раньше или позже завершится победой антигитлеровской коалиции, а вместе с поражением нацистской Германии рухнет и установленный по ее воле европейский “порядок”»³⁵.

«1943 год вошел в историю как год коренного перелома в ходе Великой Отечественной и Второй мировой войны. Поражение нацистской Германии уже не подвергалось сомнению, хотя до полного ее разгрома было пока далеко. На повестку дня вста-

вали вопросы послевоенного мироустройства», – напоминает российская исследовательница В.В. Марьина³⁶.

Великобритания, со своей стороны, предприняла в мае 1944 г., пожалуй, последнюю попытку военным путем изменить динамику развития военно-политической обстановки в Албании, попытавшись высадить собственный десант в районе г. Химара (Южная Албания) в рамках планов премьера У. Черчилля об открытии на Балканах второго фронта. Указанная акция не была согласована с Национально-освободительной армией и потерпела неудачу: высадившийся отряд был уничтожен германскими войсками. Когда же спустя некоторое время 12-я ударная бригада НОА начала собственную операцию по освобождению побережья Албании в районе Химары, британская сторона воздержалась от оказания партизанам поддержки оружием и снаряжением «по политическим причинам»³⁷.

Тем не менее, понимая неизбежность победы НОА, британские власти предприняли первые шаги по установлению контактов с руководством НОФ. В июле–августе 1944 г. в итальянском городе Бари прошли переговоры делегаций Генштаба НОА и Верховным командованием союзников в бассейне Средиземного моря. По их результатам была достигнута принципиальная договоренность о снабжении частей НОА по воздуху оружием и военным снаряжением (которая, правда, на практике не была реализована). Кроме того, англичане согласились отозвать свою военную миссию из расположения вооруженных отрядов организации «Легалитет». Однако контакты с оппозиционными албанским коммунистам силами сохранялись до конца войны.

Проблема усугублялась тем, что Великобритания внимательно просчитывала дальнейшее развитие событий на Балканах с точки зрения собственных исторических интересов в указанном регионе – в отличие от США, которые с готовностью согласились с приоритетом Лондона в этом вопросе. В то же время англичане именно в американцах видели своих конкурентов в плане укрепления позиций в Европе еще с Первой мировой войны. Вряд ли будет преувеличением сказать, что «Англия настороженно наблюдала за дроблением интересов новорожденных государств в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе и усложнением собственных позиций в силу появления в регионе такого игрока, как США. Балканские страны и, прежде всего, провозгласившее свое создание Королевство сербов, хорватов и словенцев уже в Париже избрали своим фаворитом Америку»³⁸.

Вступление Красной армии на Балканы в марте 1944 г. повысило градус напряжения в британском внешнеполитическом ведомстве, несмотря на заявления советского правительства об отсутствии у Москвы завоевательных целей в регионе. В августе 1944 г. в центре напряженных англо-советских дипломатических дискуссий оказалось прибытие в Албанию (через Северную Грецию) советской миссии связи во главе с майором К.П. Ивановым.

В руководстве НОФ с воодушевлением встретили миссию, увидев в ней конкретный отклик ключевой державы антигитлеровской коалиции на призыв 1-го Антифашистского национально-освободительного конгресса в Пермете в мае 1944 г.

о направлении в Албанию военных миссий союзников для их аккредитации при создававшихся новых органах власти³⁹. Майору Иванову был отказан самый радушный прием, и он, в частности, выступил с приветственной речью перед делегатами 1-го конгресса Союза антифашистской молодежи Албании.

Тем не менее в Лондоне забили нешуточную тревогу. Министр иностранных дел Соединенного Королевства А. Иден докладывал премьеру У. Черчиллю, что посылка советской миссии в Албанию «свидетельствует о попытках русских сделать Балканы коммунистическими у нас под носом»⁴⁰. Особое недоумение у дипломата вызвал тот факт, что советский посол в Лондоне И.М. Майский не сообщил по указанному поводу никакой конкретной информации. После этого британский посол в Москве А. Кларк Керр попросил прокомментировать ситуацию советского наркома иностранных дел В.М. Молотова, но и тот отказался сообщать дополнительные сведения, дав понять, что не считает данный вопрос существенным для развития британо-советских отношений. Дипломатический круг замкнулся, и Черчилль дал указание Идену «не драматизировать ситуацию»⁴¹.

Однако Великобритания была не намерена реально сворачивать свою деятельность в Албании. Одним из рассматривавшихся вариантов стала высадка в г. Саранда десанта с тем, чтобы сделать данный район плацдармом для британских войск и их албанских союзников по образцу Греции. В сентябре 1944 г. десант был высажен, однако командование НОФ потребовало безоговорочного отвода английских подразделений сразу после завершения операции, что и было сделано.

Столкнувшись с решительной позицией руководства освобожденной Албании против иностранного военного вмешательства, Великобритания решила активизировать деятельность своих политических и военных представителей в рядах антикоммунистических организаций, действовавших преимущественно в северных районах Албании. В октябре 1944 г. в г. Шкодер прошло учредительное заседание по созданию еще одного албанского правительства – «Лиги Шкодера». Во главе его встали байрактары Мухаррем Байрактари и Гани Крюэзиу, а военные подразделения включали объединившиеся отряды «Балли комбетар» и «Легалитета». Перед «Лигой Шкодера» была поставлена задача защиты «этнических» границ Албании, в том числе посредством развертывания вооруженной борьбы против югославских подразделений в Косово.

Как напоминает в связи с этим Н.Д. Смирнова, «Северная Албания в годы второй мировой войны была наименее подвержена влиянию национально-освободительного движения. Например, в Мирдите, отсталом в экономическом отношении горном районе Севера, фактически продолжало существовать внутреннее деление на 12 байраков, как и во времена турецкого господства. Правящей верхушке помогала католическая церковь, строившая свою пропаганду против Национально-освободительного фронта с учетом местных условий и обычаев. Католическая церковь оказывала сильное влияние и на круги городской интеллигенции севера, в том числе и мусульманской по вероисповеданию (например, в Шкодре)»⁴².

Лишь в августе 1944 г. под влиянием военных успехов партизанских подразделений и пропаганды представителей НОФ в настроениях горцев Северной Албании стал происходить пусть и постепенный, но перелом. К этому времени в Албании действовали уже 24 бригады НОА, наносившие удары как по отступавшим германским войскам, так и по отрядам националистов, когда те пытались оказывать поддержку частям вермахта⁴³.

Особое беспокойство у руководства НОФ вызывала ситуация в Косово, где идеи создания Албании в ее этнических границах (то есть с присоединением Косово) продолжали пользоваться популярностью, обостряя отношения между албанскими и югославскими освободительными движениями, тем более что в указанных районах (в также в Македонии со смешанным албано-славянским населением) все чаще происходили опасные инциденты с участием албанских и югославских военных и политических представителей.

Один из таких инцидентов имел место в начале сентября 1943 г. в македонском городе Дебар. Отряд Лэши в результате стремительного наступления освободил его от оккупантов, поднял албанский флаг и провозгласил власть Национально-освободительного совета Албании. Это вызвало немедленную и крайне эмоциональную реакцию со стороны одного из приближенных Иосипа Броз Тито, делегата Верховного штаба НОАЮ на переговорах с албанскими и греческими партизанами С. Вукмановича-Темпо. Он направил Э. Ходже два письма, датированных 13 и 23 сентября, в которых выразил решительный протест против «великоалбанских шовинистических действий» Хаджи Лэши⁴⁴.

Ходжа демонстративно не стал отвечать Темпо, а в письме к Лэши в целом одобрил действия последнего, но дал следующие инструкции: «Вопрос о границах не упоминать хотя бы сейчас. Не говорить, будет ли Дибра (Дебар. — П.И.) югославской или албанской. Мы-то знаем, что македонцы там в меньшинстве, а город находится в границах старой Югославии»⁴⁵. По словам Ходжи, в этом районе в настоящее время господствуют «албанские реакционеры» и поэтому, если партизанские албанские подразделения покинут город, македонцам станет еще хуже. А в письме от 5 октября 1943 г. своему ближайшему соратнику Рамадану Читаку Энвер Ходжа прямо назвал позицию Вукмановича-Темпо «немарксистской» и пообещал обсудить этот вопрос напрямую с Иосипом Броз Тито.

Дальнейшее развитие албано-югославской дискуссии вокруг принадлежности Дебара явно угрожало создать серьезные проблемы для всех вовлеченных в нее сторон: «Сложилась весьма деликатная ситуация. Югославы признавали, как писал об этом Темпо в письме к Тито, что освободительное движение в албанских районах Югославии могло значительно выиграть, если бы им руководили НОФ и КПА, “но в этом случае мы повредили бы себе в глазах сербского народа”. Из аналогичной предпосылки, но с противоположным этническим подтекстом, исходил и Ходжа, напоминая 29 октября в письме к Темпо, что “национально-освободительное движение в Македонии под руководством югославского штаба находится в эмбриональном состоянии”.

Что касается того, резюмировал Ходжа, почему после капитуляции Италии «мы не установили в городе македонскую власть, могу ответить: если бы мы так поступили, наш народ нас бы не понял, так как он и без этого считает нас продавшимися славянам»⁴⁶.

В данном случае не следует недооценивать и исторически присущую как албанским, так и югославским коммунистам теоретическую и практическую слабость в том, что касалось действительно сложных межнациональных проблем на Балканах. Как напоминает российская исследовательница И.С. Яжборовская, «противоречивость, объективно заложенная в одновременном выдвижении и национальных и социальных задач, как правило, создавала проблемы, для решения которых требовалось время, необходимое прежде всего для накопления молодыми коммунистическими партиями региона идейно-политического багажа. Занятые первоочередной задачей идеологического самоопределения рабочего класса, борьбой за распространение в нем интернационалистских, классовых воззрений, неуклонно отстаивая марксистский принцип примата классовой борьбы и пролетарского интернационализма, они не сразу обратили должное внимание на важный компонент идеологии, каким является трактовка межнациональных, межгосударственных отношений, не сразу оценили значение бурного развития национального сознания трудящихся и научились обеспечивать регулирующее воздействие классового самосознания пролетариата на его национальное самосознание»⁴⁷.

Следует иметь в виду, что и взгляды самого И. Броз Тито на национальный вопрос в годы Второй мировой войны отличались сложностью и многофакторностью. Он подчеркивал, что в Югославии «народно-освободительная борьба и национальный вопрос были очень тесно связаны между собой. Борьба не была бы успешной, полагал он, если бы народы не объединились не только в борьбе против фашизма, но против тех, кто их угнетал, прежде всего, против “великосербского гегемонизма”»⁴⁸.

Еще более опасная для боевого взаимодействия албанских и югославских партизан ситуация в рассматриваемый период складывалась в Косово. 31 декабря 1943 г. – 2 января 1944 г. в косовской деревне Буян состоялась учредительная конференция Национально-освободительного комитета Космета (Косово и Метохии). В ней приняли участие 49 партизанских делегатов из 61 выбранного; «остальные не смогли прибыть вследствие сложных условий»⁴⁹. По национальному составу 43 делегата были албанцами, остальные преимущественно сербами и черногорцами⁵⁰.

Конференция приняла решение о воссоединении Косово и прилегающих к нему албанонаселенных районов с Албанией на основании принципов Атлантической хартии держав антигитлеровской коалиции, предоставлявшей освобожденным народам самим решать свою судьбу. В резолюции конференции говорилось: «Косово и Метохия – край, большей частью заселенный албанским народом, который, как всегда, так и сегодня, желает объединиться с Албанией. Поэтому считаем своей обязанностью указать правильный путь, которым должен идти албанский народ, чтобы осуществить эти свои чаяния. Единственный путь для объединения

албанцев Косова и Метохии с Албанией есть совместная борьба с остальными народами Югославии против оккупантов и их слуг, так как это единственный способ завоевать свободу, когда все народы, в том числе и албанцы, будут иметь возможность изъясниться о своей судьбе, включая и право на самоопределение вплоть до отделения. Гарантией этого является НОАЮ (Народно-освободительная армия Югославии. — П.И.), как и НОАА (Национально-освободительная армия Албании. — П.И.), с которой она тесно связана. Кроме того, гарантией этого являются наши великие союзники: Советский Союз, Великобритания и Америка (Атлантическая хартия, Московская и Тегеранская конференции)»⁵¹.

Руководство Коммунистической партии Югославии (КПЮ) ожидаемо решительно осудило решения конференции в Буяне, предложив сосредоточиться на изгнании оккупантов, а вопросы государственной принадлежности освобожденных территорий отложить на послевоенное время. В письме ЦК КПЮ косовскому областному комитету от 28 марта 1944 г. подчеркивалось, что в настоящее время «главным является борьба против немцев и всех, кто им помогает, главным является вовлечь массы в эту борьбу, добиться единства всех национальностей в этой борьбе, а остальное – второстепенно»⁵². В документе далее говорилось:

«Сегодня, товарищи, речь идет не о том, чтобы разграничить Албанию и Югославию – обе оккупированные немцами, – а о том, чтобы обе страны освободить от них вооруженной борьбой. Поэтому любая постановка вопроса о разграничении, в сущности, помогает немцам натравить один народ на другой. Немцы сегодня охотно предлагают, кому удастся, разные территории и области, чтобы таким образом мобилизовать массы отдельных краев на борьбу против освободительного движения в других краях.

Далее необходимо иметь в виду и то, что освободительное движение сейчас самое сильное в Югославии и что соседние малые народы (как, например, албанцы) могли бы относительно легко освободиться при опоре на народы Югославии и в братстве с ними, которые, со своей стороны, не хотят угнетать другие народы и захватывать чужие страны.

Сегодня, следовательно, было бы изначально ошибочно ставить или решать какие-либо спорные вопросы. Их могут правильно решить только свободные народы в вооруженной борьбе за свободу против общего врага – немецких оккупантов.

Так надо смотреть на эти вопросы и все остальное подчинить этому. Отклонить все, что мешает, затрудняет поднятие масс на вооруженную борьбу.

Албанским массам надо ясно указать на то, что, воюя за немцев, они идут путем национальной катастрофы, путем рабского подчинения немцам и их слугам, которые продавались всем завоевателям. Они рискуют своим национальным будущим, лучшей жизнью, внутренней свободой. Завтра счастливыми и свободными будут только те народы, которые это сегодня завоюют с оружием в руках против немецких захватчиков и их реакционных помощников, носителей всего того, что тормозит свободное развитие народа, что несовместимо с независимостью, богатством и честью нации»⁵³.

Однако югославское военно-политическое руководство опасалось идти на прямой конфликт с албанскими партизанскими структурами, справедливо полагая, что это приведет к перерастанию совместной освободительной борьбы в славяно-албанские столкновения, в ходе которых против Белграда объединятся албанские коммунисты и националисты.

Развитие ситуации начинало напоминать события начала XX в. Как напоминает российская исследовательница Л.В. Кузьмичева, «Османская империя в начале XX в. теряла позиции на Балканах. Стало очевидно, что удержать те территории полуострова, которые стремились к независимости, будет нелегко. Молодые государства: Греция, Сербия, Черногория, Румыния и Болгария – не жалели средств для решения своих задач по восстановлению былого величия и территориального приращения. Пропаганда велась под лозунгом освобождения страждущих под османским игом братьев, но при этом амбициозные политические лидеры балканских государств планировали получить как можно большие земельные приобретения. Вопрос о будущем переделе балканских территорий, находящихся в составе Османской империи, являлся крайне острым. Налицо был кризис идей славянской взаимности и балканской солидарности. Однако все же был создан, хотя и не очень прочный, Балканский союз, включающий Болгарию, Грецию, Сербию и Черногорию. Союзники начали войну против Османской империи осенью 1912 г. Расправившись с врагом, лидеры союзных стран перессорились из-за дележа захваченных территорий и в 1913 г. вступили уже в войну между собой. Катастрофические последствия двух балканских войн для развития межбалканских отношений стали очевидными еще в 1914 г. Вместо стабилизации ситуации на Балканах произошла конфронтация и, как следствие, участие Болгарии в двух мировых войнах на стороне агрессоров»⁵⁴.

Примечания

1. АНИЧ Н. Народно-освободительная война в Югославии 1941–1945. Белград. 1985, с. 29.
2. СМІРНОВА Н.Д. История Албании в XX веке. М. 2003, с. 235–236.
3. Там же, с. 236.
4. ВОЛОКИТИНА Т.В. Парадоксы историографии: Красная Армия в Болгарии осенью 1944 года. В кн.: Славянский мир в третьем тысячелетии. Межкультурный и межконфессиональный диалог славянских народов: Сб. статей. М. 2011, с. 286.
5. Там же, с. 285.
6. Там же.
7. Краткая история Албании. М. 1992, с. 371.
8. Цит. по: Там же, с. 372.
9. АНИЧ Н. Ук. соч., с. 29.
10. Цит. по: Краткая история Албании..., с. 373.
11. СМІРНОВА Н.Д. Ук. соч., с. 239.
12. Цит. по: Краткая история Албании..., с. 373.
13. СМІРНОВА Н.Д. Ук. соч., с. 241.
14. Там же.
15. Там же.
16. Вторая мировая война: Краткая история. М. 1980, с. 398.
17. СМІРНОВА Н.Д. Ук. соч., с. 238.
18. Цит. по: Краткая история Албании..., с. 373–374.
19. Там же, с. 374.
20. Цит. по: СМІРНОВА Н.Д. Ук. соч., с. 240.

21. Там же.
22. Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии: Док-ты. Т. 1: 1878–1997 гг. М. 2006, с. 103.
23. ВОЛКОВ В.К. Трагедия Югославии. — Новая и новейшая история. 1994. № 4–5, с. 4.
24. История Балкан. На переломе эпох (1878–1914 гг.). М. 2017, с. 484.
25. САВИЦКИЙ И. Путь к войне. В кн.: Славянский мир в третьем тысячелетии. Межкультурный и межконфессиональный диалог славянских народов..., с. 234.
26. ВАСИЛЬЕВА Н.В. К вопросу об установлении дипломатических отношений между Советским Союзом и Болгарией: упущенные возможности. В кн.: Российская и болгарская государственность: проблемы взаимодействия. XIX–XXI вв. М. 2014, с. 202.
27. ВАЛЕВА Е.Л. Внешнеполитическая ориентация Болгарии накануне Второй мировой войны. В кн.: Славянский мир в третьем тысячелетии. Человек, общество, народ в истории, языке и культуре. М. 2014, с. 190.
28. Цит. по: СТАМОВА М. Албанский фактор в Республике Македония в последнее десятилетие XX в. – первое десятилетие XXI в. В сб.: Славянский мир в третьем тысячелетии. 2019. Т. 14. № 1–2. М. 2019, с. 97–98.
29. Краткая история Албании..., с. 374.
30. СМЕРНОВА Н.Д. Ук. соч., с. 241.
31. Краткая история Албании..., с. 374.
32. БАРИНОВ И.И. Украина в стратегических планах Италии в межвоенный период, 1919–1939 гг. В кн.: Славянский мир в третьем тысячелетии. Этнические, конфессиональные, социокультурные компоненты идентичности народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М. 2017, с. 256.
33. ВИНОВАТОВ В.Н. Восточный вопрос утрачивает приоритет в европейских международных отношениях. В кн.: История Балкан. На переломе эпох (1878–1914 гг.). М. 2017, с. 16.
34. ВАЛЕВА Е.Л. Ук. соч., с. 189.
35. СТЫКАЛИН А.С. Позиция новых политических элит Венгрии и Румынии в отношении Трансильвании в процессе подготовки Парижских мирных договоров 1947 г. В кн.: Славянский мир в третьем тысячелетии. Соглашение (согласие), договор, компромисс в истории, языках и культуре славянских народов. М. 2016, с. 126.
36. МАРЬИНА В.В. Визит Эдварда Бенеша в Москву: славянский вопрос (декабрь 1943 г.). В кн.: Славянский мир в третьем тысячелетии. Образ России в славянских странах: Сб. статей. М. 2012, с. 106.
37. Краткая история Албании..., с. 375.
38. МАЛЫКОВ В.Л. Мир после Великой войны: предпосылки, социально-экономическая динамика и мировая политика. В кн.: Война и общество в XX веке. Кн. 1: Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. М. 2008, с. 576.
39. Подробнее см.: ИСКЕНДЕРОВ П.А. Албания в годы Второй мировой войны (часть III). — Вопросы истории. 2025. № 3.
40. Краткая история Албании..., с. 377.
41. Там же.
42. Там же, с. 378.
43. СМЕРНОВА Н.Д. Ук. соч., с. 243.
44. Там же, с. 233.
45. Там же.
46. Там же, с. 234.
47. ЯЖБОРОВСКАЯ И.С. Проблемы развития Центральной и Юго-Восточной Европы и разработка политической линии коммунистического движения (к 50-летию VII конгресса Коминтерна). — Советское славяноведение. 1985. № 4, с. 5.
48. ГУСЬКОВА Е.Ю. Югославский разлом: вчера и сегодня. М. 2023, с. 98.
49. Historia e popullit shqiptar. Vël. IV. Tiranë. 2008, f. 142.
50. Ibidem.
51. Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии: Док-ты. Т. 1..., с. 93.
52. Там же, с. 98.
53. Там же, с. 100–101.
54. КУЗЬМИЧЕВА Л.В. Российские дипломаты Н.В. Чарыков и В.Н. Штрэндтман о причинах неудачи российского плана создания Балканской федерации. В сб.: Славянский мир в третьем тысячелетии. 2021. Т. 16. № 1–2. М. 2021, с. 156.

Игра в Сципиона: габсбургские интерпретации, адаптация и использование Сципиона Африканского в Европе раннего Нового времени

А.М. Грудницка

Аннотация. На рубеже XVI в. Габсбурги сформулировали четкую династическую идентичность, основанную на их притязаниях на древнюю родословную. Они продвигали эту идентичность с помощью сложного символического аппарата, в котором широко использовались исторические и мифологические персонажи древности. В статье рассматривается одно из таких направлений в символическом репертуаре Габсбургов, которое было основано на их отождествлении себя со Сципионом Африканским (236/235–183 гг. до н.э.), знаменитым римским полководцем, прославившимся своими кампаниями против Карфагена. Автор прослеживает использование Габсбургами образа Сципиона и пересматривает отношение династии к этим изображениям. Традиционно общий символический репертуар Габсбургов считался источником силы, обеспечивающим определенную степень единства и единообразия династии, разбросанной по всей Европе раннего Нового времени. В статье подчеркивается, что это династическое единообразие не следует воспринимать как нечто само собой разумеющееся. Хотя Габсбурги разделяли привязанность к Сципиону, их представления об этом римском герое различались в том, что касалось их индивидуальных потребностей, амбиций и борьбы, а также соперничества и вражды внутри династии. Различные – в конечном счете, конкурирующие – способы использования образа Сципиона Габсбургами демонстрируют, что, хотя их опора на общий символический репертуар давала значительное преимущество, она также делала их по-своему уязвимыми.

Ключевые слова: династия Габсбургов, Ренессанс, фестивали, Голландское восстание, династическая идентичность, Сципион Африканский, император Священной Римской Империи Карл V, Император Священной Римской империи Матвей (Маттиас), самовыражение, символическая коммуникация.

Грудницка Анастасия Мария – исторический факультет, Лондонский университетский колледж. Лондон. Великобритания; исторический факультет, Институт Европейского университета. Флоренция. Италия.
E-mail: anastazja.grudnicka.12@ucl.ac.uk.

Game of Scipios: Habsburg interpretations, adaptations, and uses of Scipio Africanus in early modern Europe

A.M. GRUDNICKA

Abstract. At the turn of the 16th century, the Habsburgs formulated a distinct dynastic identity that centered around their claims of ancient ancestry. They promoted this identity through an elaborate symbolic apparatus that extensively evoked historical and mythological figures from antiquity. This article identifies one such strand in the Habsburgs' symbolic repertoires that centered upon their identification with Scipio Africanus (236/235–183 BC), the famous Roman general celebrated for his campaigns against Carthage. By tracing the Habsburgs' uses of Scipio, this article offers a reassessment of the dynasty's relationship with these images. Traditionally, the Habsburgs' shared symbolic repertoires have been understood to be a source of strength, providing a degree of unity and uniformity to the dynasty scattered across early modern Europe. This article argues that this dynastic uniformity ought not to be taken for granted. While the Habsburgs shared an attachment to Scipio, their interpretations of this Roman hero differed from each other in ways that were revealing of their individual needs, ambitions, and struggles as well as rivalries and animosities within the dynasty. The Habsburgs' different – ultimately competing – uses of Scipio demonstrate that while their reliance on shared symbolic repertoires presented a significant advantage, it also rendered them uniquely vulnerable.

Key words: Habsburg dynasty, Renaissance, festivals, Dutch Revolt, dynastic identity, Scipio Africanus, Holy Roman Emperor Charles V, Holy Roman Emperor Matthias I, self-fashioning, symbolic communication.

Grudnicka Anastazja Maria – Department of History, University College London. London. UK; Department of History, European University Institute. Florence. Italy.
E-mail: anastazja.grudnicka.12@ucl.ac.uk.

Оригинал статьи: Austrian History Yearbook. 2023. Vol. 54, p. 89–116.
URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/austrian-history-yearbook/article/game-of-scipios-habsburg-interpretations-adaptations-and-uses-of-scipio-africanus-in-early-modern-europe/9COEDAC4A4F8987F07D2647866DF057A>

Среди множества портретов Габсбургов раннего Нового времени особенно выделяется один. На этой удивительной картине изображен эрцгерцог Матвей (Маттиас) Габсбург (1557–1619), стоящий во весь рост на фоне поля боя. Облаченный в древние доспехи, с лавровым венком на голове, Матвей изображает Публия Корнелия Сципиона Африканского (236/235–183 гг. до н.э.), знаменитого римского полководца, который прославился своими походами против Карфагена (рис. 1). Однако уверенность, которую излучает Матвей на этом портрете, не дает представления о его действительном положении в то время. Этот портрет, написанный в 1580 г. давним придворным художником эрцгерцога Лукасом ван Фалькенборхом (ок. 1535–1597), был завершен в особенно беспокойный период жизни Матвея. Всего за три года до этого он принял участие в тайной интриге, в результате которой он под покровом ночи и вопреки воле своей семьи покинул императорский двор в Вене, чтобы занять пост генерал-губернатора голландских провинций. Авантюра оказалась неудачной. Матвей утратил доверие своей семьи и заслужил репутацию политического авантюриста среди своих современников. Между тем новая должность в Нидерландах не оправдала его надежд. Руки у Матвея оказались связанными, поскольку голландские хозяева ограничили его политические и военные прерогативы. Надеясь на удачу, с одной стороны, и имея ограниченные возможности – с другой, Матвей решил остаться в Нидерландах. Однако на момент завершения работы над картиной его губернаторство уже порядком затянулось. Таким образом, решение Матвея изобразить себя знаменитым римским героем скорее отражало устремления эрцгерцога, чем его реальное положение. В этом отношении картина мало чем отличалась от многих других портретов правителей раннего Нового времени, которые, по словам Томаса Дакосты Кауфмана, были «не просто формами репрезентации», но также могли служить представлением правителя об «идеальном “Я”»¹. Портрет Матвея, однако, заслуживает внимания, поскольку явился не просто его упражнением в самовозвеличивании. Выбор Матвея быть изображенным в виде Сципиона Африканского был далеко не случайным: это стало важным примером согласованных усилий членов династии Габсбургов по созданию ассоциаций между ними и этим античным героем².

Сципион Африканский был, конечно же, одним из многих персонажей античности, как исторических, так и вымышленных, которых Габсбурги почитали в начале Нового времени. Особенности концептуализации этих ассоциаций могут являться причиной, по которой отождествление Габсбургов со Сципионом до сих пор ускользало от внимания ученых. В Европе раннего Нового времени древность изучалась с позиции

Рис. 1. Лукас ван Фалькенборх. Эрцгерцог Матвей Габсбург в роли Публия Корнелия Сципиона Африканского. 1580 г. Вена. Художественно-исторический музей (Kunsthistorisches Museum). Gemäldegalerie, 1022. © KHM-Museumverband

поиска примеров, относящихся к настоящему; прошлое представляло собой хранилище материалов, которые можно было использовать, перерабатывать и адаптировать к современным потребностям и целям. Было установлено, что Габсбурги придавали особое значение укреплению связей между собой и древним прошлым. В то время как многие королевские и благородные дома восходили корнями к отдельным персонажам и событиям древности, Габсбурги основывали свою власть и особенно свое лидерство в Священной Римской империи на притязаниях на древнюю родословную в целом³. Это убеждение в древнем происхождении было распространено среди Габсбургов и придавало династии определенную степень единства и единообразия по мере ее распространения по континенту. Таким образом, ссылки на античность дополнили символический репертуар Габсбургов. Как выяснили Клиффорд Гирц и другие культурные антропологи, манипулирование общими символами способствовало консолидации

или, по сути, укреплению власти на протяжении веков ⁴. Мир раннего Нового времени ничем не отличался от других. Хотя образы, составляющие символический репертуар, редко изучались по отдельности, они традиционно понимались как относящиеся к Габсбургам, так и к другим, как укрепляющие позиции тех, кто их использовал, в результате чего добродетель, заслуги и свершения, связанные с этими образами, отражались на тех, кто их вызывал. Они сформировали то, что Рэндольф Старн назвал культурой триумфализма, формулой представительства власти в Европе раннего Нового времени ⁵.

Однако в последние десятилетия внимание историков искусства и социокультуры, изучающих ранние проявления власти в Новое время, переключилось с формы и стиля на функцию и контекст, что побудило ученых рассматривать символический репертуар как нечто большее, чем просто коллекции стандартных изображений. Описывая фестивали раннего Нового времени, Рой Стронг отметил, что эти мероприятия были «насыщены современными комментариями, но на языке, который сегодня практически непонятен как средство представления программы политических идей» ⁶. Эти наблюдения можно было бы легко применить к эпохе раннего Нового времени в более широком смысле. Несмотря на то что эти образы, как правило, были понятны с точки зрения времени, пространства, класса и гендера, они, по словам Дж.Р. Малрина, «вопреки привычным представлениям были чувствительны к микрополитике личных отношений», что являлось жизненно важным для их убедительной роли ⁷. Это не новое понимание. Уже в ранний современный период теории искусства утверждали, что, хотя изображения прошлого должны были показывать людей и события без привязки ко времени и пространству, эти изображения должны были отбираться и демонстрироваться таким образом, чтобы соответствовать случаю ⁸. Эти соображения послужили основой для использования Габсбургами указанных изображений; как отмечают ученые, символический репертуар династии претерпевал изменения, модификации и корректировки, но нам все еще не хватает понимания этих вариаций ⁹.

Изучение того, как Габсбурги использовали образ Сципиона Африканского, не только проливает свет на важную, хотя и до сих пор не замеченную черту в символическом репертуаре династии, но и позволяет ответить на более фундаментальные вопросы о самой династии и ее связи с этими образами. Настоящая статья начинается с рассмотрения контекста Сципиона Африканского в интеллектуальном и культурном ландшафте Европы раннего Нового времени. Затем рассказывается о том, как в начале XVI в. возникли первоначальные ассоциации между Габсбургами и этим римским героем, и исследуется, как Сципион Африканский был переосмыслен и присвоен последующими поколениями династии. Различные представители династии на протяжении раннего Нового времени ассоциировали себя со Сципионом. К середине XVI в. использование данного образа привело к появлению двух

различных – и, в конечном счете, конкурирующих – интерпретаций Сципиона Африканского. Заключительная часть статьи посвящена столкновению двух интерпретаций Сципиона Африканского в Нидерландах конца XVI в. и анализу того, как после этого конфликта Сципион был «отправлен в отставку» и в конце концов восстановлен Габсбургами. Делается вывод, что Сципион Африканский был не просто запоминающимся, но и легко заменяемым изображением. Включение этого римского героя Габсбургами в свой символический репертуар добавило династии величия, как это обычно бывает с подобными изображениями. Но Сципион Африканский также имел более глубокое значение для Габсбургов: его образ использовался так, чтобы раскрыть концепцию власти династии, а также индивидуальность, потребности, амбиции и борьбу отдельных представителей Габсбургов. Это создало Сципиону Африканскому мощный имидж, способный возвысить Габсбургов, но в то же время делающий их уязвимыми.

Один из самых успешных военачальников древности, Сципион Африканский был знаменитой фигурой в истории Римской империи¹⁰. Родившийся в знатной патрицианской семье, он прославился еще молодым человеком во время борьбы Рима с Карфагеном во время Второй Пунической войны (218–201 гг. до н.э.). В первые годы своей военной службы Сципион проявил себя как доблестный и патриотичный человек. Он спас жизнь своему отцу во время битвы при Тицине (218 г. до н.э.). Два года спустя, когда несколько римских лидеров попытались покинуть Рим после его поражения в битве при Каннах (216 г. до н.э.), Сципион ворвался на их собрание и, угрожая мечом, заставил всех присутствующих поклясться, что они не покинут Рим. После того как его отец был убит в битве, Сципион предложил себя в качестве командующего войсками в Испании. Он был единогласно избран и возглавил успешную кампанию против Карфагена. Воспользовавшись разногласиями между карфагенскими лидерами и их участием в восстаниях в Африке, Сципион неожиданно напал и захватил Новый Карфаген (209 г. до н.э.), штаб-квартиру карфагенской державы в Испании. Согласно древним историкам, своим успехом в завоевании этих земель Сципион был обязан милосердному отношению к местному населению. Затем Сципион напал на штаб-квартиру Карфагена в Африке и позже одержал сокрушительную победу над карфагенским вождем Ганнибалом близ Замы (202 г. до н.э.). Сципиона встретили в Риме с триумфом – это была высшая награда, присуждаемая за исключительные военные достижения, – и он получил имя Африканский (*Africanus*). Несколько лет спустя Сципиона обвинили в растрате. Однако в день суда над ним, когда людям напомнили о годовщине победы под Замой, он был оправдан под громкие аплодисменты, после чего отошел от общественной деятельности.

История Сципиона Африканского увековечена древними художниками и авторами, чьи работы были заново проанализированы в ранний современный период. От широко распространенных гравюр до монументальных фресок, от частных покоев

до государственных зданий, от свадебных церемоний до празднования военных триумфов – жизнь Сципиона стала одним из самых популярных сюжетных циклов в Европе раннего Нового времени (рис. 2 и 3) ¹¹. Пока художники популяризировали историю Сципиона, авторы, размышлявшие о его деяниях и характере, искали новые сюжеты из его жизни. В основном благодаря трудам Петрарки (1304–1374), начиная с XIV в. Сципиона прославляли как одного из самых известных героев древности. Культура, возникшая в то время в Италии и впоследствии распространившаяся по всему континенту, превратила «восхищение античными авторами, долгое время существовавшее в средневековой культуре, в своего рода стремление (*Sehnsucht*), тягу к восстановлению утраченных душевных качеств, к возвращению античной добродетели» ¹². Это положило начало тому, что Джеймс Хэнкинс назвал впоследствии «политикой добродетели», – направлению в политическом мышлении раннего Нового времени, которое стремилось усовершенствовать моральные качества правящего класса ради создания процветающего государства ¹³. Ученые считают Петрарку отцом движения за возрождение древней добродетели; Петрарка, в свою очередь, считал Сципиона воплощением самой этой добродетели ¹⁴. Сципион фигурирует во многих произведениях Петрарки, который посвятил римскому герою свой незаконченный великий труд «Африка» (*Africa*) – эпическое повествование о достижениях Сципиона в войнах с Карфагеном. В единственной на сегодняшний день работе на эту тему Альдо Бернардо утверждает, что главной музой Петрарки был именно Сципион, а не Лаура ¹⁵. Начиная с повторения предположений древних историков о божественном происхождении Сципиона и заканчивая восхвалением его военного мастерства и добродетелей, Петрарка изобразил Сципиона как разностороннего римского героя. Однако не все мыслители раннего Нового времени разделяли столь идеализированный взгляд на него. Например, Макиавелли (1469–1527) ставил под сомнение добродетель Сципиона, особенно его мягкое обращение с покоренным населением. Признавая, что Сципион на самом деле милосердно относился к побежденным, Макиавелли рассматривал это скорее как политическую стратегию, чем как проявление его личной добродетели ¹⁶. Макиавелли также усомнился в том, что милосердие Сципиона к побежденным было на самом деле лучшей стратегией, указав, что его главный противник Ганнибал использовал противоположные средства и достиг аналогичных результатов ¹⁷.

В конечном счете, однако, ранние современные рассказы о жизни Сципиона объединились вокруг его милосердного обращения с побежденными. Ключевым примером стала история о том, как Сципион вернул невесту ее семье. Как сообщает Ливий, войска Сципиона захватили в плен прекрасную женщину, которую они предложили Сципиону в качестве военного приза. Сципион был сражен ее красотой, но, узнав, что она помолвлена с местным вождем, решил вернуть ее семье вместе с деньгами, которые были предложены в качестве

Рис. 2. Корнелис Корт. Битва между Сципионом и Ганнибалом при Заме. Ок. 1550–1578 гг.. Музей искусств Метрополитен (Metropolitan Museum). Нью-Йорк, 59.570.439. © Metropolitan Museum of Art. The Elisha Whittelsey Collection, The Elisha Whittelsey Fund, 1959

Рис. 3. Франческо Дурантино. Тарелка с изображением воздержания Сципиона. Ок. 1545 г. Музей искусств Метрополитен (Metropolitan Museum). Нью-Йорк, 94.4.332. © Metropolitan Museum of Art. Gift of Henry C. Marquand, 1894

выкупа за ее верность Риму¹⁸. И Петрарка, и Макиавелли рассказывали эту историю, обсуждая поступки Сципиона. То же

делали и другие авторы. В книге «Воспитание христианского государя» (1515) Эразм Роттердамский (1466–1536) представил образ «Сципиона, возвращающего юноше нетронутую его нареченную жену и отвергающего предложенное ему золото» как пример приверженности государственному делу, который должен служить идеалом для правителей¹⁹. Фрэнсис Бэкон (1561–1626) описывал Сципиона как человека, который был «великодушнее, чем можно было ожидать за долгие годы»²⁰. Такое прочтение характера Сципиона выходило за рамки конфессиональных различий. Мартин Лютер (1483–1546) неоднократно восхвалял решение Сципиона завоевать, а не разрушить Карфаген, а также то, что он вернул невесту ее семье²¹. Итальянский иезуит Джованни Ботеро (ок. 1544–1617), живший по другую сторону конфессионального «барьера», заметил: «Что может быть более любимым, чем честность? Тем не менее этот выдающийся поступок П[ублиуса] Сципиона, когда он вернул прекраснейшую молодую женщину нетронутую ее мужу, сделал его не столько любимым, сколько достойным восхищения, и это принесло ему такое уважение и репутацию, что испанцы считали его едва ли не богом, сошедшим с небес»²². Таким образом, Сципион предстал в этих рассказах как добродетельный правитель, способный умерять свои аппетиты и править справедливо и великодушно. В раннее Новое время, в период добродетельной политики, когда характер и политическая мудрость правителей почитались как истинные краеугольные камни легитимности, Сципион являл собой важный пример подобного правления²³.

Именно в таком контексте на рубеже XVI в. возникли первые связи между Сципионом Африканским и Габсбургами. Хотя об этом римском герое, возможно, вспоминали более ранние Габсбурги, первым представителем династии, который стал отождествляться со Сципионом, был эрцгерцог Филипп (1478–1506), сын императора Священной Римской империи Максимилиана I (1459–1519) и его жены Марии Бургундской (1457–1482)²⁴. Филипп был многообещающим принцем. По линии отца он являлся наследником земель Габсбургов в Центральной Европе, по линии матери – богатого герцогства Бургундия, а его брак с Хуаной Кастильской (1479–1555) обеспечил ему доступ к испанским землям. Именно участие Филиппа в делах Испании – страны, которая ранее играла центральную роль в возвышении Сципиона Африканского, – стало причиной возникновения ассоциаций между эрцгерцогом и этим древним героем. В 1502 г. Филипп и Хуана отправились в Испанию, чтобы получить кастильское наследство. К январю 1504 г. они вернулись в Нидерланды, где были организованы пышные торжества в честь их благополучного возвращения. По этому случаю также был подготовлен панегирик. Автором панегирика был не кто иной, как Эразм, который в то время стремился заручиться покровительством при дворе Филиппа. Он лично произнес речь во время празднеств, состоявшихся 6 января 1504 г. в герцогском дворце в Брюсселе.

Большую часть своей речи Эразм посвятил параллелям между Филиппом и Сципионом Африканским. Он начал с выражения

своей радости и радости народа по поводу возвращения Филиппа; он провозгласил этот день «днем всех дней, самым ярким и благоприятным для нашей страны и для любой нации до сегодняшнего дня и даже в грядущие времена»²⁵. Говоря о недавнем путешествии Филиппа в Испанию, Эразм подчеркнул, что «Рим не мог бы испытывать большего беспокойства, когда он однажды попрощался со Сципионом». Затем он сравнил путешествие Филиппа с триумфальным вступлением Сципиона в Рим²⁶. «Среди бесчисленных римских триумфов, я полагаю, не было столь радостного, как победа Сципиона Африканского над Ганнибалом», – напомнил Эразм своим слушателям, отметив при этом, что триумфальное шествие Сципиона по Риму продолжалось всего один день и «зрелище доставляло удовольствие где угодно, только не в Риме»²⁷. В то же время путешествие Филиппа было триумфом само по себе. «Куда бы ты ни направлял свои шаги, везде звучали крики восторга, поздравления и аплодисменты», – утверждал Эразм и риторически вопрошал: «Как иначе, счастливейший Филипп, охарактеризовать весь твой путь по Франции, Испании и Германии, чем непрекращающийся триумф, превосходящий все остальные в радости, величии и великолепии?»²⁸ Филипп вряд ли мог похвастаться успехами, сравнимыми с достижениями Сципиона, так что эти сравнения, должно быть, польстили юному принцу.

Но лезть была не единственной и даже не главной причиной, по которой Эразм стремился провести аналогии между Филиппом и Сципионом. Эти сравнения позволяли представить Сципиона как образец правления для Филиппа, что отражало современную озабоченность добродетелью. Указав на то, что Филипп и Сципион были примерно ровесниками, когда первый предпринял свое путешествие в Испанию, а второму впервые было поручено командование в войне против Ганнибала, Эразм, осознавая многочисленные ссылки, прозвучавшие в его речи, признал: «Со своей стороны, Филипп, я часто сравниваю Ваше высочество с этим генералом, которого, кажется, небо одарило больше, чем других, красотой, достоинством, умом, мастерством, мудростью и удачей при исполнении служебных обязанностей, и я делаю это с удовольствием, не без радостного предчувствия»²⁹.

Эразм также особо дал понять, каким человеком, по его мнению, был Сципион Африканский и каким мог бы стать Филипп. Интерпретация Сципиона Эразмом во многом была основана на понимании Петраркой римского героя как воплощения добродетели. В частности, Эразм стремился привлечь внимание Филиппа к «умеренности» Сципиона. Эразм утверждал, что никто не был «столь смертоносен для врага и в то же время так любим в свое время», как Сципион³⁰. И все же, хотя умеренность Сципиона вызывала у некоторых зависть, Эразм утверждал, что Филипп обладал той же добродетелью, но это не представляло такой угрозы. Наоборот, это стало причиной всеобщей популярности и признания Филиппа³¹. Эразм призывал Филиппа проявлять умеренную настойчивость, потому что это сослужило бы ему хорошую службу в будущем:

«Не должно быть никаких опасений, что Ваша сдержанность в мирное время в будущем будет менее блистательной, чем храбрость других людей на войне; ибо люди восхищаются только военными атрибутами, и притом не всеми людьми, и даже не самыми разумными из них». Эразм также заявил, что «деяния, совершаемые спокойно, обдуманно, умеренно и справедливо, вызывают восхищение у всех лучших людей, да и вообще у всех людей одинаково, и не только восхищение, но и любовь»³². Чтобы доказать свою точку зрения, Эразм вспомнил историю о том, как Сципион Африканский вернул невесту ее семье: по мнению Эразма, этот поступок принес Сципиону такую же славу, как взятие Карфагена и разгром Ганнибала³³.

Выбор Эразмом Сципиона Африканского и тех качеств, которые он олицетворял, как примера для Филиппа был далеко не случайным и выходил за рамки современных представлений о добродетели. На самом деле, это может быть связано со взглядами философа на управление династией голландскими провинциями. Хотя Эразм стремился заручиться покровительством династии, он не во всем поддерживал ее политику, приведшую к упадку некоторых знатных домов провинции. Особенно критически он относился к участию Максимилиана I в военных конфликтах, которые, по его мнению, были попыткой выкачать деньги из провинций. Эразм надеялся, что Филипп выберет другой путь. «Умеренность» Сципиона, которую Эразм восхвалял в своем панегирике, представляла собой пример правления, которому, как надеялся Эразм, Филипп последует. Действительно, Филипп мог воспринять идеи Эразма. Хотя его реакция не зафиксирована в сохранившихся источниках, есть свидетельства того, что Филиппу понравилась работа Эразма, поскольку панегирик был напечатан Дирком Мартенсом в Антверпене всего через месяц после того, как он был представлен Филиппу. Эрцгерцог также щедро вознаграждал Эразма: 50 голландских фунтов плюс еще 10 фунтов через пару месяцев, что в то время составляло более трети годового жалованья самого высокопоставленного чиновника Харлема³⁴. Так или иначе преждевременная смерть принца через два года после произнесения хвалебной речи помешала ему воплотить идеи Эразма в жизнь.

Однако связь между Сципионом Африканским и династией не прервалась со смертью Филиппа и была продолжена следующими поколениями Габсбургов. Эразм, который продолжал пользоваться покровительством династии, по всей видимости, привлек внимание наследников Филиппа к этому римскому герою. Среди них был старший сын Филиппа, император Священной Римской империи Карл V (1500–1558), который симпатизировал Сципиону, хотя и в некотором роде отошел от идей Эразма. В 1519 г. он унаследовал от своего деда земли династии и Священную Римскую империю; именно во время торжеств по случаю его императорской коронации, которые состоялись в Болонье 10 лет спустя, возникли первые ассоциации между Карлом и Сципионом Африканским. Хотя торжества

проходили в Болонье, а не в Риме, где традиционно проходили императорские коронации, Болонья была украшена таким образом, чтобы напоминать Вечный город ³⁵. Как утверждает Андре Шастель, въезд Карла в Болонью ознаменовал собой переломный момент в истории императорских коронаций, поскольку традиционные отсылки к недавней истории империи сменились отсылками к Древнему Риму ³⁶. Действительно, путь Карла был украшен изображениями древнеримских императоров, богов, муз, полководцев и сенаторов. Сципион Африканский впервые появился на арке, увенчивавшей городские ворота Сан-Феличе, украшенные медальонами с изображениями римских правителей – Цезаря, Октавиана, Тита и Траяна, которых Габсбурги считали своими предками. Однако изображение Сципиона было более утонченным; на арке была установлена его статуя в полный рост, а рядом с ней – статуя его приемного внука Сципиона Африканского-младшего (185–129 гг. до н.э.), который пошел по стопам своего деда и завершил разрушение Карфагена ³⁷. В целом присутствие Сципиона в символическом репертуаре Карла во время празднования его коронации можно рассматривать как часть более масштабных изменений в символическом репертуаре Габсбургов, которые включили образы Древнего Рима, чтобы представить себя его законными наследниками.

Тем не менее вскоре после этих беглых упоминаний Сципион стал одной из ключевых фигур в символическом репертуаре Карла, поскольку император начал проводить личные паараллели между собой и римским героем. Такие параллели укрепились в течение десятилетия, последовавшего за его императорской коронацией, после завоевания Карлом Туниса в 1535 г. Этот город стал одной из последних территориальных потерь, понесенных христианами от османов, которые под управлением Сулеймана Великолепного (1494–1566) совершали набеги на Центральную Европу и Средиземноморье. После османского завоевания Туниса в 1534 г. Карл организовал союз христианских и мусульманских держав, чтобы вернуть Тунис. Цель кампании Карла была не только военной, но и символической. Большую армию, направлявшуюся в Тунис, сопровождали художники, поэты, ученые и историки, которые документировали победы Карла в Африке ³⁸. Еще до начала кампании Карл разработал планы праздничного шествия по Италии, которое ученые сочли «самым значительным триумфальным шествием столетия» ³⁹. Кампания способствовала возникновению ассоциаций между императором и Сципионом Африканским, поскольку Тунис был построен в непосредственной близости от места, где стоял Карфаген, завоеванный римским героем и разрушенный его внуком.

Сравнения между Сципионом и Карлом, таким образом, проливали праздничное шествие императора по Италии, которое последовало сразу за его завоеванием Туниса. Все началось с въезда Карла в Мессину, где на фасаде Кафедрального собора две колонны, отсылающие к Геркулесовым столбам – символу Карла, включенному в его герб, – были увенчаны головами

Сципиона и его врага Ганнибала. Ближе к концу записи, когда Карл приближался к кафедральному собору, ангелы спускались с искусственного неба и звезд, чтобы вручить ему трофей, а Сципион, изображенный на одной из колонн, провозглашал доблесть Карла ⁴⁰. Во время его последующего приезда в Неаполь среди украшений была статуя Сципиона Африканского, которая дополнялась картинами, изображающими недавний триумф Карла в Африке. Они рассказывали о битве при Ла-Голетте, взятии Туниса, освобождении Карлом христианских пленников и коронации ставленника императора в качестве нового короля Туниса ⁴¹. При последующем въезде в Рим изображения двух Сципионов были размещены на одной из арок, а их триумфов – на двух башнях ворот Сан-Себастьяно; эти изображения снова были сопоставлены с изображениями недавних триумфов Карла в Африке ⁴².

В основе этих демонстраций лежало представление о Карле как о «новом Сципионе». Во время вступления в Мессину Карла называли «Африканским» (*Africanus*) ⁴³. В Неаполе, когда Карл проходил мимо статуи Сципиона, его снова объявили наследником древнего героя ⁴⁴. В Риме на арке, изображающей триумфы двух Сципионов, имя Карла упоминается как «РИМСКИЙ ИМПЕРАТОР АВГУСТ ТЕРЦИЙ АФРИКАНСКИЙ» (*ROMANUS IMP. AUG. TERTIUS AFRICANUS*) ⁴⁵. Костюмы Карла для этих записей также стирали различия между ним и Сципионом Африканским. У него были доспехи с изображением Сципиона и надписью «КАРФАГЕН» (*CARTHAGINE*), которые он надевал при въезде в Неаполь и, возможно, на другие торжества ⁴⁶. Оружие, изготовленное для прохождения, также было украшено подобными надписями. Примером может служить щит, который Карл, вероятно, носил во время празднеств, приписываемый Джироламо ди Томмазо да Тревизо (ок. 1497–1544) и основанный на рисунке художника Джулио Романо (1492/99–1546); на щите изображен победоносный штурм Сципионом Нового Карфагена ⁴⁷.

Отождествляя себя со Сципионом Африканским, Карл укреплял свой имидж. Расположенный вдали от центра Османской империи, Тунис в то время представлял для османов второстепенный интерес. Таким образом, сравнение завоевания Карлом Туниса с кампаниями Сципиона придавало особую значимость символическому, но в остальном скромному достижению императора. Отождествление Карла со Сципионом также сыграло важную роль в достижении Габсбургами более масштабной цели – представить себя в качестве богоизбранных лидеров христианского мира. Образ Сципиона, созданный Карлом, отсылал к древним утверждениям о божественности Сципиона, которые были подтверждены Петраркой, и приписывал это качество Карлу. Во время въезда в Мессину Карла приветствовало изображение Сципиона Африканского: «Карл, ты будешь божественен, ты будешь Африканским» ⁴⁹. Хотя изображения деяний Сципиона и Карла обычно размещались рядом, они также сопровождались упоминаниями османов; например, в Риме арка с изображением Сципиона Африканского описывает Карла

как «сокрушителя турок» и человека, который «заставлял мусульман бледнеть от страха»⁵⁰.

Карл опирался на связь со Сципионом Африканским при создании своего образа, выходящего за рамки триумфального шествия по Италии, и римский герой стал постоянным элементом его символического репертуара. Несколько опубликованных отчетов о триумфальном прохождении сохранили память о нем и распространили его идеи, в то время как предметы, такие как праздничные щиты, распространялись по всей Европе раннего Нового времени. Габсбурги тем временем продолжали заказывать предметы, которые увековечивали представление о Карле как о новом Сципионе. Медали, относительно недорогие и компактные, представляли собой одно из средств популяризации этого представления. На одном из сохранившихся образцов, датированном примерно 1535 г., с одной стороны изображен Карл с лавровым венком на лбу, а с другой – Сципион с пленными, благодарящими его за освобождение, и римские солдаты, собирающие добычу⁵¹. Таким же образом, как на картинах праздничного шествия Карла по Италии, на медали были изображены достижения Карла и Сципиона.

Однако наиболее ярким проявлением укрепления связи между Карлом и Сципионом Африканским стали гобелены. Будучи самым дорогим художественным произведением того времени, гобелены уже сами по себе символизировали высокий социальный статус. Благодаря размерам и замысловатому дизайну, они также хорошо подходили для передачи более сложных идей власти⁵². В 1544 г. сестра Карла и правительница голландских провинций Мария Венгерская (1505–1558) приобрела набор из семи предметов под названием «История Сципиона» у Эразма Шатца, агента фирмы «Фуггер» (Fugger), базировавшейся в Антверпене⁵³. В набор Марии вошли гобелены, изображающие взятие Сципионом Карфагена, воздержание Сципиона, нападение римлян на укрепленный лагерь Асдрубал, встречу Сципиона и Ганнибала, а также битву при Заме, триумф волов и слонов и банкет. Этот набор гобеленов служил аналогом другого набора, приобретенного Габсбургами примерно в это же время. В 1546 г., всего через два года после покупки Марией «Истории Сципиона», Карл заказал 12 гобеленов, изображавших его недавнюю кампанию в Тунисе. Он продолжал активно участвовать в изготовлении гобеленов, обмениваясь письмами со своей сестрой о ходе работы. К 1554 г. были завершены колоссальные гобелены, созданные по эскизам Яна Корнелиса Вермейена, который сопровождал Карла в тунисской кампании, и сотканые в мастерской Виллема де Паннемакера, одного из выдающихся брюссельских ткачей⁵⁴. Декорации из Туниса не только отсылают к истории Сципиона; как отмечают Лиза Джардин и Джерри Броттон, у этих двух декораций также имеются визуальные и тематические параллели⁵⁵. Указанные связи были отнюдь не случайными; подобно более ранним образцам, изображающим путешествие Карла по Италии, в которых деяния

императора сочетались с деяниями римского героя, два комплекта гобеленов визуально усилили эти ассоциации более впечатляющим образом.

Помимо более широкого видения Карлом своего императорского правления, его отождествление со Сципионом отражало некоторые более конкретные его проблемы, например соперничество с королем Франции Франциском I (1494–1547). К началу XVI в. Габсбурги взяли в окружение французские владения, что позже побудило Франциска бросить вызов династии. В 1519 г. Франциск стал главным конкурентом Карла на выборах императора. Не сумев занять императорский трон, Франциск продолжал бросать вызов Габсбургам другими способами, включая постоянные дорогостоящие войны в Италии. Однако самым вопиющим стало то, что во время кампании Карла в Тунисе в 1535 г. Франциск вступил в союз с султаном. Эта политическая конкуренция привела к ожесточенному личному соперничеству, которое за пределами политической и военной арен носило символический характер. Например, после битвы при Павии в 1525 г., во время которой Франциск был взят в плен и впоследствии содержался в Мадриде, император заказал гобелен с изображением своей победы⁵⁶.

Фигура Сципиона Африканского являлась центральной в этом соперничестве. Прежде чем Карл укрепил ассоциации между собой и римским героем, Франциск начал представлять себя как следующего Сципиона. После императорской коронации в 1530 г. Карлу впервые был предложен дизайн серии гобеленов, изображавших историю Сципиона. Однако он отклонил это предложение – скорее всего, по финансовым причинам⁵⁷. Затем серия была заказана от имени Франциска итальянским предпринимателем Маркио Бальди и изготовлена в брюссельской мастерской Марка Кретифа. Вся серия, принадлежавшая Франциску, состояла из 22 гобеленов, 13 из которых повествовали о деяниях Сципиона, тогда как остальные изображали его собственный триумф. Они стали важной частью образа Франциска, особенно в контексте его соперничества с Габсбургами. Гобелены демонстрировались в тех случаях, когда Франциск стремился заключить союз против Габсбургов, включая его встречу с Генрихом VIII (1491–1547), которая состоялась в Булони в октябре 1532 г., а затем еще раз на карнавальном банкете в парижском Лувре в феврале 1533 г.⁵⁸ Карл и Франциск хорошо знали о своем соперничестве в притязаниях на Сципиона. Они даже использовали историю борьбы между Сципионом и Ганнибалом посредством инсценированного морского сражения, когда в 1538 г. встретились в море недалеко от Марселя в рамках миротворческих церемоний, чтобы урегулировать свои конфликты в Италии⁵⁹.

Однако отождествление Карла со Сципионом представляло особую проблему для Франциска, главным образом потому, что Карл оказался более умелым и находчивым в продвижении себя в качестве следующего Сципиона. В то время как праздничные мероприятия 1538 г. позволяли зрителям самим решать, кого представлял Сципион – Карла или Франциска, Карл,

скорее всего, ассоциировался с римским героем, так как завершил свое триумфальное шествие по Италии всего тремя годами ранее. Результаты переговоров также позволили Карлу одержать верх, поскольку по итогам перемирия он оставался владельцем Миланского герцогства, которое Франциск так стремился заполучить. Карл также фактически оспорил притязания Франциска на Сципиона, взяв образ, ранее использовавшийся французским королем. На самом деле набор гобеленов, изображающих историю Сципиона, купленный Марией Венгерской, являлся уменьшенной версией серии, принадлежавшей Франциску. Карл не только принял эти образы, но и развил их в своих описаниях собственных недавних достижений в Африке, показанных в тунисском наборе гобеленов, что, по словам Лизы Джардин и Джерри Броттона, стало «политически разрушительным ответом» на «особенно шаткое и потенциально довольно неудобное» отождествление Франциска со Сципионом и сделало тунисские гобелены «самой искусной и устрашающей серией, пришедшей из Нидерландов в этот период»⁶⁰.

Таким образом, связь Карла со Сципионом Африканским имела большое значение для формирования его имиджа и укрепления власти. Но это важно при рассмотрении символического репертуара династии и по другой причине. То, как Карл использовал образ Сципиона Африканского, означало отход от прежних представлений династии об этом римском герое. Если Габсбурги изначально использовали этого римского героя как образец добродетельного правителя, то Карл представлял Сципиона как завоевателя. Следует признать, что упоминания об умеренности Сципиона, которые занимали центральное место в более ранних дискуссиях о его добродетельном характере, проникли в иконографический аппарат Карла, однако они были немногочисленны. Даже на гобеленах, которые включали изображение Сципиона, возвращающего невесту ее семье, сдержанность римского героя была «омрачена» многочисленными иллюстрациями его военной доблести и последующих триумфальных торжеств. Сципион Африканский, каким он представлялся в символическом репертуаре Карла, был прежде всего завоевателем.

Хотя преемники Карла воздержались от кампаний в Африке и не смогли удержать Тунис, захваченный османами в 1574 г., они стремились поддерживать связь между династией и Сципионом Африканским вплоть до XVII в. Однако это наследие оказалось непростым. К середине XVI в. Габсбурги сформулировали две различные версии образа Сципиона Африканского. Этот плюрализм в интерпретациях Сципиона был подхвачен ими тогда, когда они боролись с плюрализмом в своих собственных рядах. Отречение Карла от престола императора Священной Римской империи в 1556 г. привело к разделению династии Габсбургов на испанскую и австрийскую ветви. Хотя Габсбурги стремились сохранить свое внутреннее единство, по мере того как они все больше руководствовались своими индивидуальными (часто расходящимися) интересами, между двумя ветвями власти начали проявляться различия. Эта

напряженность особенно сильно ощущалась в Нидерландах, и это не было случайностью. Нидерланды оставались одной из самых сложных территорий для Габсбургов. Отношения провинций с Габсбургами были двойственными: с одной стороны, династия в значительной степени зависела от богатства провинций, с другой – ее власть там все больше оспаривалась. Этот регион также был проблематичным с точки зрения внутренней семейной политики Габсбургов: после отречения Карла от престола Нидерланды оказались под властью испанской ветви династии, но их близость к Священной Римской империи сделала их особенно привлекательными для австрийской ветви династии. Все это проявилось в использовании династией своего иконографического аппарата в Нидерландах, где политическая культура в значительной степени опиралась на символические средства ⁶¹. Сципион Африканский – яркий образ, уже вошедший в символический репертуар династии, – стал частью этого процесса.

Первым из потомков Карла, кто установил связь между собой и Сципионом, был его прямой наследник, будущий король Испании Филипп II (1527–1598), который вызвал к жизни образ Сципиона во время своего праздничного путешествия по Нидерландам в период с 1548 по 1549 г. Поездка была организована для того, чтобы представить Филиппа как преемника Карла в целях сглаживания процесса передачи власти в будущем. Перспективы наследования Филиппа создавали трудности для Габсбургов, главным образом потому, что принц, который являлся убежденным католиком и не был знаком с местными обычаями, не пользовался особой популярностью в Нидерландах. Поскольку его наследование там, скорее всего, встретило бы сопротивление, династия использовала целый ряд символических средств, имевшихся в ее распоряжении, чтобы способствовать процедуре наследования. Среди этих символических инструментов «триумфальный вход» играл особую роль: являясь частью фестивальной традиции средневековой и ранней современной Европы, он был не просто празднованием, а скорее политическим актом – соглашением между городом и правителем ⁶².

Поэтому важно, что имя Сципиона Африканского упоминалось во время торжественных въездов, которыми Карл и Филипп отмечали свое путешествие по провинциям. До этого Сципион ассоциировался в основном с Карлом. Однако дизайн торжественного въезда в Лилль – один из городов, посещенных во время «путешествия», – не был связан с ассоциациями между ними: он включал изображения побед Карла в Африке, но в нем отсутствовали упоминания о Сципионе, которые ранее сопровождали описания действий Карла в Италии ⁶³. Вместо этого основное внимание уделялось выявлению связей между Сципионом и Филиппом. Во время путешествия Филипп посетил Храм добродетели и чести, который был заполнен изображениями личностей, обладавших этими качествами; Сципион был изображен там рядом с реальными и воображаемыми предками Габсбургов ⁶⁴. Последующий въезд в Антверпен, по-видимому,

возвращает к более ранним связям между Карлом и Сципионом; он, скорее всего, отсылает к истории Сципиона и его младшего брата Луция Корнелия Сципиона Азиатского (III в. до н.э. – после 183 г. до н.э.), чтобы рассказать историю наследования образа Габсбургами. Сципион Азиатский первоначально служил под началом своего старшего брата и впоследствии прославился своими победами в Азии, за что был торжественно встречен в Риме. Дизайн надписи, по-видимому, отсылал к этой истории, поскольку в ней говорилось, что Филипп будет развивать успехи своего отца в Африке, расширяя власть Габсбургов в Азии ⁶⁵.

Связи между Филиппом и Сципионом Африканским возникали и на менее официальных этапах развития событий, таких как торжества в Бинче. Эти празднества были особенными, потому что Филиппа, которого сопровождали члены династии (как во время торжественных въездов), представляли исключительно знати во время турниров, боев, банкетов и маскарадов ⁶⁶. В последний день празднеств, после финального турнира и бала, участники собрались в Волшебном зале, который представлял собой пространство, отличавшееся целым рядом эффектов и изобретений. Среди них была конструкция из опускающихся столов, на которых зрителям подавали деликатесы. Над столом возвышалась похожая на балдахин конструкция, украшенная буквой «Р» в честь Филиппа, которая, в зависимости от освещения за зеркалами, подсвечивалась на темном фоне или казалась темной на освещенном фоне. На стене позади этого сооружения, как сообщает официальный хронист, находился «великолепный гобелен, на котором изображались победы Сципиона Африканского»; на нем были изображены трофеи, которые солдаты и ликторы уносили с собой ⁶⁷. Благодаря этому изображению, эти торжества сопоставили триумф Филиппа на турнирах в Бинче с триумфом Сципиона после его завоевания Африки.

Использование Филиппом образа Сципиона Африканского стало явным продолжением функционирования этого римского героя в символическом репертуаре его отца, поскольку основное внимание уделялось военной доблести Сципиона и его тезок. Иконографический аппарат Филиппа изображал Сципиона скорее как полководца-триумфатора, чем добродетельного правителя. Однако Филипп использовал Сципиона не так, как его отец в отношении некоторых соперников династии. Французская королевская семья, которая оставалась главным соперником Габсбургов среди христианских держав, продолжала поддерживать собственные ассоциации с этим римским героем. Хотя вышеописанное использование Сципиона Карлом V и Франциском I отражало длительный конфликт между Габсбургами и Валуа, в эпоху Филиппа образ римского героя использовался для обозначения менявшихся отношений между двумя династиями. В 1559 г. Испания и Франция подписали Като-Камбрезийский мирный договор, положивший конец десятилетиям войн в Италии; согласно условиям договора, Филипп должен был жениться на Елизавете Валуа (1545–1568), старшей дочери короля Франции Генриха II (1519–1559) и Екатерины

Медичи (1519–1589). Места проведения свадебных церемоний, отмечавших союз двух династий, были украшены гобеленами с изображением Сципиона ⁶⁸. Учитывая предшествующее использование образа Сципиона двумя династиями, этот выбор, по-видимому, был намеренным. Однако то, как он был использован, означало изменение смысла; напоминая об общих претензиях династий к Сципиону во время церемоний, ознаменовавших союз двух семей, Сципион демонстрировал скорее примирение, чем соперничество. В последующее десятилетие образ Сципиона также сопровождал встречи между Габсбургами и Валуа. Он снова использовался на их встрече в Байонне в 1565 г. Гобелен, изображавший триумф Сципиона, украшал французскую королевскую ложу в первый день торжеств. Было высказано предположение, что использование гобелена свидетельствовало о желании Карла IX (1550–1574) позиционировать себя – в манере, напоминающей отношения между Карлом V и Франциском I, – как соперника Филиппа ⁶⁹. Однако, учитывая отсутствие Филиппа на фестивале, то, что гобелен не был особо заметен и был выставлен вместе со многими другими экспонатами, а также контекст встречи, которую французы рассматривали как возможность подыскать испанскую партию для младшей сестры Карла, тот факт, что он использовал образ Сципиона, можно было бы скорее рассматривать как выражение общего желания укрепить позиции 15-летнего правителя, а не как прямую атаку на Филиппа.

Однако, как ни странно, наиболее серьезная проблема, связанная с ассоциацией Филиппа со Сципионом, возникла внутри самой династии Габсбургов. Филипп не обладал монополией на образ Сципиона Африканского, и римский герой был интересен для других членов династии. Спустя три десятилетия после того, как Филипп проехал по Нидерландам, этот образ был перенят внуком Карла и племянником Филиппа, эрцгерцогом Матвеем (Маттиасом). Несмотря на то что австрийские Габсбурги были вовлечены в дела провинций, они регулировали степень своего участия, опасаясь «наступить на пятки» своим испанским кузенам ⁷⁰. Ситуация изменилась, когда в 1577 г. назначенный Филиппом представитель Дон Хуан Австрийский (1547–1578) был смещен с поста генерал-губернатора правительством провинций и коалиция католической знати выбрала сына покойного императора Священной Римской империи Максимилиана II (1527–1576), эрцгерцога Матвея, из австрийской ветви королевской династии, чтобы он занял этот пост. Несмотря на то что против его назначения возражали представители обеих ветвей династии Габсбургов, Матвей принял это предложение, чтобы укрепить свои позиции и положить конец кризису в провинциях.

Во время губернаторства Матвея Сципион Африканский стал одним из ключевых элементов его символического репертуара. Матвей впервые отождествил себя с этим римским героем во время торжественного въезда в Брюссель в 1578 г., который ознаменовал официальное назначение эрцгерцога на пост генерал-губернатора. Иллюстрированный отчет о фестивале,

Рис. 4. Мартен де Вос. Сципион, Мудрость и Философия. В кн.: Houwaert J.B. *Sommare beschrijvinghe va[n]de triumphelijcke incomst vanden doorluchtighen ende hooghgebornen aeerts-hertoge Matthias: binnen die princelijcke stadt van Brussele: in t'iaer ons Heeren M.D.L. XXVIII. Antwerp. 1579* © British Library Board, 9930.d.11, fol. 70

опубликованный издательством Plantin в Антверпене годом позже, популяризировал эту ассоциацию ⁷¹. То же самое относилось и к предметам, впоследствии заказанным и приобретенным эрцгерцогом. Упоминание Матвеем Сципиона можно рассматривать как попытку подчеркнуть его связь с династией; учитывая отказ Габсбургов поддержать его назначение, подчеркивание его династической принадлежности было

Рис. 5. Мартен де Вос. Сенаторы и Сципион с обнаженным мечом. В кн.: Houwaert J.B. *Sommare beschrijvinghe va[n]de triumphelijcke incomst vanden doorluchtighen ende hooghebornen aeerts-hertoge Matthias: binnen die princelijcke stadt van Brussel: in t'iaer ons Heeren M.D.L. XXVIII.* Antwerp. 1579 © British Library Board, 9930.d.11, fol. 73

особенно важным для эрцгерцога. Отождествляя себя со Сципионом, Матвей, таким образом, продолжил традицию, которая началась с его прадеда, эрцгерцога Филиппа, и которой следовали все его преемники мужского пола в провинциях, поддерживавшие ассоциации с этим римским героем.

Тем не менее, хотя Матвей использовал прежние связи Габсбургов со Сципионом Африканским, чтобы утвердить свою власть, то, как он воспринял этого римского героя, бросило вызов испанской ветви дина-

76

Рис. 6. Мартен де Вос. Сенаторы, Сципион, Мужество, Мудрость и Алчность. В кн.: Houwaert J.B. *Sommare beschrijvinghe va[n]de triumphelijcke incomst vanden doorluchtighen ende hooghgeboren aeerts-hertoge Matthias: binnen die princelijcke stadt van Brussel: in t'iaer ons Heeren M.D.L. XXVIII.* Antwerp. 1579 © British Library Board, 9930.d.11, fol. 76

стии – торжественный въезд 1578 г. служит этому красноречивой иллюстрацией. На фестивале Матвей был изображен в образе Сципиона, и, как объяснил автор опубликованного отчета о мероприятии, миссия эрцгерцога как «нового Сципиона» заключалась в том, чтобы «освободить [провинции] от этого в высшей степени несправедливого и невыносимого притеснения со стороны дона Хуана и его сторонников, а также поддержать [жителей Нидерландов] в [их] свободах, правах и привилегиях, которые [они] получили от [своих] предков»⁷². Ше-

Рис. 7. Мартен де Вос. Ганнибал и Сципион. В кн.: Houwaert J.B. Sommare beschrijvinghe va[n]de triumphelijcke inkomst vanden doorluchtighen ende hooghgeboren aeerts-hertoge Matthias: binnen die princelijcke stadt van Brussel: in t'iaer ons Heeren M.D.L. XXVIII. Antwerp. 1579 © British Library Board, 9930.d.11, fol. 79

ствие Матвея по городу сопровождалось шестью сценами, на которых были представлены картины из жизни героя с комментариями о ситуации в провинциях и ожиданиях, которые их жители возлагали на эрцгерцога. Первые три сцены включали иллюстрации, как исторические, так и символические, демонстрирующие добродетель Сципиона и его приверженность государству, которые противопоставлялись порокам сената; они включали изображения Сципиона, Мудрости и Философии (рис. 4); Сципиона, стоящего перед сенаторами с обнаженным мечом

Рис. 8. Мартен де Вос. Сципион и Тирания. В кн.: Houwaert J.B. *Sommare beschrijvinghe va[n]de triumphelijcke incomst vanden doorluchtighen ende hooghgebornen aeerts-hertoge Matthias: binnen die princelijcke stadt van Brusselle: in t'iaer ons Heeren M.D.L. XXVIII. Antwerp. 1579* © British Library Board, 9930.d.11, fol. 82

(рис. 5), и самих сенаторов; Сципиона, Мужества, Мудрости и Алчности (рис. 6). То, как Сципион боролся с алчностью, в частности, красноречиво говорило о ситуации в провинциях; наряду с религиозными преследованиями, экономическая эксплуатация провинций испанцами стала движущей силой голландского восстания⁷³. отождествляя Матвея со Сципионом, авторы этих сцен стремились представить его способным бороться со злоупотреблениями, совершаемыми другими членами его династии. Ожидаемый успех Матвея был воплощен в следующих трех сценах. Что характерно, они включали два разных изображения

Рис. 9. Мартен де Вос. Сенаторы и триумф Сципиона. В кн.: Houwaert J.B. Sommare beschrijvinghe va[n]de triumphelijcke inkomst vanden doorluchtighen ende hooghegeboren aeerts-hertoge Matthias: binnen die princelijcke stadt van Brussel: in t'iaer ons Heeren M.D.L. XXVIII. Antwerp. 1579 © British Library Board, 9930.d.11, fol. 85

победы Сципиона – историческое и символическое. За изображением Сципиона, побеждающего Ганнибала (рис. 7), следовало изображение Сципиона, стоящего над олицетворениями тирании (рис. 8), которые в дискурсе голландского восстания традиционно отождествлялись с испанцами⁷⁴. Наконец, Сципион был изображен в триумфальном шествии (рис. 9) со щитом с головой Медузы Горгоны, которая в более ранней сцене олицетворяла тиранию, тем самым подтверждая антииспанские настроения, присутствовавшие в начале.

Если празднование предлагало общую критику испанского правительства в провинциях, отождествление Матвея со Сципионом, по-видимому, было нацелено лично на Филиппа. Матвей мог бы выбрать для подражания другую фигуру. Другой древний герой – Персей, который победил Медузу Горгону и освободил Андромеду от морского змея, выглядел бы более очевидным выбором. Упомянув Медузу Горгону в торжественном входе, Матвей уже ссылался на историю Персея, которая представляла собой не менее подходящую метафору для ситуации в провинции. Это также давало дополнительное преимущество: из-за отсутствия связи Филиппа с этим римским героем оно не было направлено против Филиппа так явно, как отождествление Матвея со Сципионом Африканским. Действительно, отождествление эрцгерцога со Сципионом позиционировало его скорее как соперника Филиппа, нежели как представителя династии; это в меньшей степени напоминало о том, что Филипп принял этого героя во время своего торжественного шествия в 1548–1549 гг., а в большей – об ожесточенном соперничестве Карла с Франциском.

Использование Матвеем имени Сципиона Африканского, необычное для представителя династии, которая была известна своим единством и самобытностью, естественно, вызывает вопрос: насколько это был осознанный выбор эрцгерцога? Традиционно считалось, что Матвей пользовался небольшим авторитетом в Нидерландах. «Маттиас ничего не может поделывать», – подытожил Антуан Перрено де Гранвелль, голландский политик и священнослужитель, сторонник испанцев и заядлый наблюдатель за событиями⁷⁵. Таким образом, въезд Матвея в Брюссель мог быть выдан за дело рук мятежных брюссельских магистратов. В конце концов, эти мероприятия традиционно являлись предметом торга между правителем, городом и провинцией: с одной стороны, торжественное вступление давало возможность правителю утвердить свою власть, а с другой – позволяло хозяевам донести свои требования⁷⁶. Положение Матвея в Нидерландах было намного слабее, чем у его предшественников. Поэтому разумно предположить, что Матвей не оказал такого большого влияния на организацию праздников, как некоторые из его предшественников. Однако, даже если бы это было так, участие Матвея в разработке данных процедур после официального вступления говорит о том, что он не возражал против идеи, которую продвигал своим торжественным появлением. Позже эрцгерцог не только нанял Лукаса ван Валькенборха, дизайнера церемонии вступления, в качестве своего придворного художника, но и всего спустя год после приезда в Брюссель поручил ему создать картину, на которой он был бы изображен в образе Сципиона Африканского (см. рис. 1). Это отличалось от его ранних портретов, где Матвей изображен в доспехах или придворном наряде. Характерно, что портрет, как и работа 1579 г., посвящен темам угнетения и свободы; на заднем плане Матвей предстает освобождающим заключенных, а на переднем плане на щите, который держит его

солдат, изображен Персей, освобождающий Андромеду. Таким образом, решение Матвея увековечить свою идентификацию со Сципионом Африканским вне контекста вступления в город является красноречивым свидетельством того, что использование образа римского героя было осознанным ⁷⁷.

То, что Матвей продолжал отождествлять себя со Сципионом Африканским и после своего пребывания в Нидерландах, также свидетельствует о личной близости эрцгерцога к древнему герою. К 1581 г. Матвей отрекся от своего поста в Нидерландах, прежде чем вернулся опозоренным и утратившим доверие семьи в наследственные земли Габсбургов в Центральной Европе. Матвей привез с собой печатные издания с описанием своего радостного вступления в Брюссель, что способствовало его отождествлению со Сципионом Африканским. Тем временем портрет Матвея в образе Сципиона был выставлен при его дворах в Линце и Вене. Но это были не единственные предметы, связывающие Матвея с античным героем. В описи имущества Матвея, составленной после его смерти в 1619 г., значился «агат с изображением Сципиона, выполненный золотом». На агате была надпись на латыни: «Неблагодарное отечество, ты не получишь моих костей» – вариация цитаты, приписываемой Сципиону Африканскому, который после своего добровольного изгнания из Рима пожелал, чтобы эта надпись была выбита на его надгробной плите ⁷⁸. Хотя этот предмет нельзя датировать с большой точностью, вполне вероятно, что Матвей, желая подчеркнуть параллели между собой и римским героем, заказал его во время своего добровольного отъезда из Нидерландов. Ощущение неблагодарности своего труда, выраженное в этой цитате, было высказано Матвеем и его окружением по поводу его участия в делах Нидерландов. В ответ на критику со стороны своей семьи Матвей заявил: «Несмотря на величайшую угрозу и неудобства, я работал только ради сохранения нашей католической религии, благополучия нашего уважаемого австрийского дома и освобождения угнетенных земель» ⁷⁹. Один из его приближенных, Райхард Стрейн фон Шварценау (1538–1600), утешил эрцгерцога, признав, что Матвей может «рассчитывать на небольшую благодарность» за свое участие в делах Нидерландов ⁸⁰.

Использование Матвеем образа Сципиона Африканского стало важным моментом в истории символического репертуара династии. Это столкновение между Матвеем и Филиппом пролило свет на интеллектуальный плюрализм, лежавший в основе символического репертуара династии, поскольку оба принца по-разному интерпретировали Сципиона. Если Сципион Филиппа следовал версии, сформулированной Карлом, и рассматривался главным образом как завоеватель, прославившийся своими военными победами, Матвей в первую очередь опирался на представление об этом герое, соответствовавшее более ранней версии, связанной с эрцгерцогом Филиппом. Сципион Матвея прославлялся как добродетельный, мудрый лидер. Даже когда его изображали в образе военного, Сципион Матвея все равно оставался прежде всего добродетельным человеком:

он был не завоевателем, а защитником своего народа от тирании. Однако главное состоит в том, что интерпретация образа Сципиона Матвеем показала, как иконографический аппарат династии можно использовать против других ее членов.

Вполне возможно, что именно по причине своеобразного использования Матвеем образа римского героя к XVII в. Сципион отошел на второй план в символическом инструментарии династии. Габсбурги стремились выставить на всеобщее обозрение тунисские гобелены, которые когда-то помогли Карлу стать «следующим Сципионом»⁸¹. Предметы, связанные со Сципионом, также продолжали циркулировать среди Габсбургов. Эрцгерцог Альберт и инфанта Изабелла купили два комплекта гобеленов, изображавших жизнь Сципиона в период с 1607 по 1611 г.⁸² В австрийской ветви династии щит, символизирующий отождествление Карла V со Сципионом, был приобретен будущим императором Священной Римской империи Фердинандом II (1578–1637) в 1606 г.⁸³ Но к этому времени члены династии Габсбургов стали избегать отождествлять себя со Сципионом Африканским. Например, в 1594 г. въезды в Антверпен и Брюссель, осуществленные старшим братом Матвея, эрцгерцогом Эрнестом (1553–1595), который был назначен генерал-губернатором Нидерландов, напомнили о завоеваниях династии в Африке, но без прямых сравнений между Эрнестом и Сципионом⁸⁴. То же самое произошло с последующими торжественными вступлениями младшего брата Матвея, эрцгерцога Альберта (1559–1621), и его жены, инфанты Изабеллы (1556–1633).

Только в XVII в. Габсбурги вновь стали публично упоминать имя Сципиона Африканского. В данном случае это сделал кардинал-инфанта Фердинанд Австрийский (1609–1641). Младший брат Филиппа IV Испанского (1605–1665) и успешный военачальник во время Тридцатилетней войны, Фердинанд был назначен генерал-губернатором испанских Нидерландов. Его назначение отпраздновали во время его торжественного въезда в Гент в 1635 г. Отчеты о празднестве, которые включали иллюстрации арок, спроектированных Якобом Франкартом (ок. 1582–1651) для этого торжества, позднее были опубликованы в Нидерландах⁸⁵.

Именно по случаю въезда в Гент Фердинанд решил напомнить о связи династии со Сципионом Африканским. Римский герой был изображен уже на второй арке прохода (рис. 10). Лицевая сторона арки была увенчана изображением Фердинанда и его предшественников – Карла V, Филиппа II, Филиппа III, Изабеллы и Филиппа IV – которые передавали эстафету новому генерал-губернатору (рис. 11)⁸⁶. Среди них Карл был представлен как наиболее важный пример правления для Фердинанда; эти двое были изображены ниже на конном портрете, и, согласно подписи, Фердинанду было суждено унаследовать мужество Карла. На картинах ниже изображались примеры мужества Карла: портрет Карла, получающего дань от побежденной Шмалькальдской лиги, был дополнен изображениями его победы над Франциском I в битве при Павии и завоевания Туниса. Эти

Рис. 10. Якобус Неффс. Триумф Сципиона Африканского. В кн.: Becanus G. *Serenissimi principis Ferdinandi Hispaniarum Infantis S.R.E. cardinalis introitus in Flandriae metropolim gandavum*. Antwerp. 1636. Музей искусств Метрополитен (Metropolitan Museum of Art). Нью-Йорк, 51.501.7430 © Metropolitan Museum of Art. The Elisha Whittelsey Collection, The Elisha Whittelsey Fund, 1951

иллюстрации дополнялись картинами примерами мужества из древности, которые украшали заднюю часть арки (рис. 12). На месте портрета Карла и Фердинанда был изображен Ромул, а изображение Карла, получающего дань от побежденной Шмалькальденской лиги, было заменено изображением Друза Германика (*Drusus Germanicus*), покоряющего варварские племена. Победа Карла в битве при Павии была сопоставлена с победой Марком Клавдием Марцеллом (*spolia omnia*) галльского вождя в единоборстве. Изображение Сципиона Африканского на колеснице, празднующего свой триумф после завоевания Карфагена, заменило завоевание Карлом Туниса.

Рис. 11. Триумфальная арка (возвышение фасада). В кн.: Becanus G. *Serenissimi principis Ferdinandi Hispaniarum Infantis S.R.E. cardinalis introitus in Flandriae metropolim gandavum*. Antwerp. 1636. Музей искусств Метрополитен (Metropolitan Museum of Art). Нью-Йорк, 51.501.7419, Plate 19 © Metropolitan Museum of Art. The Elisha Whittelsey Collection, The Elisha Whittelsey Fund, 1951

Сципион Африканский использовался в убранстве входа в двух основных ипостасях. С одной стороны, Сципион подчеркивал памятный характер арки. Фестиваль не просто проходил в городе, где родился Карл, но и совпал со столетней годовщиной его завоевания Туниса. Проводя параллели между Карлом и Сципионом, арка возродила важную тему из символического репертуара Карла. Тем самым она, в конечном счете, возродила представление о Сципионе как о человеке, обладавшем военной доблестью. С другой стороны, то, как на арке был изображен

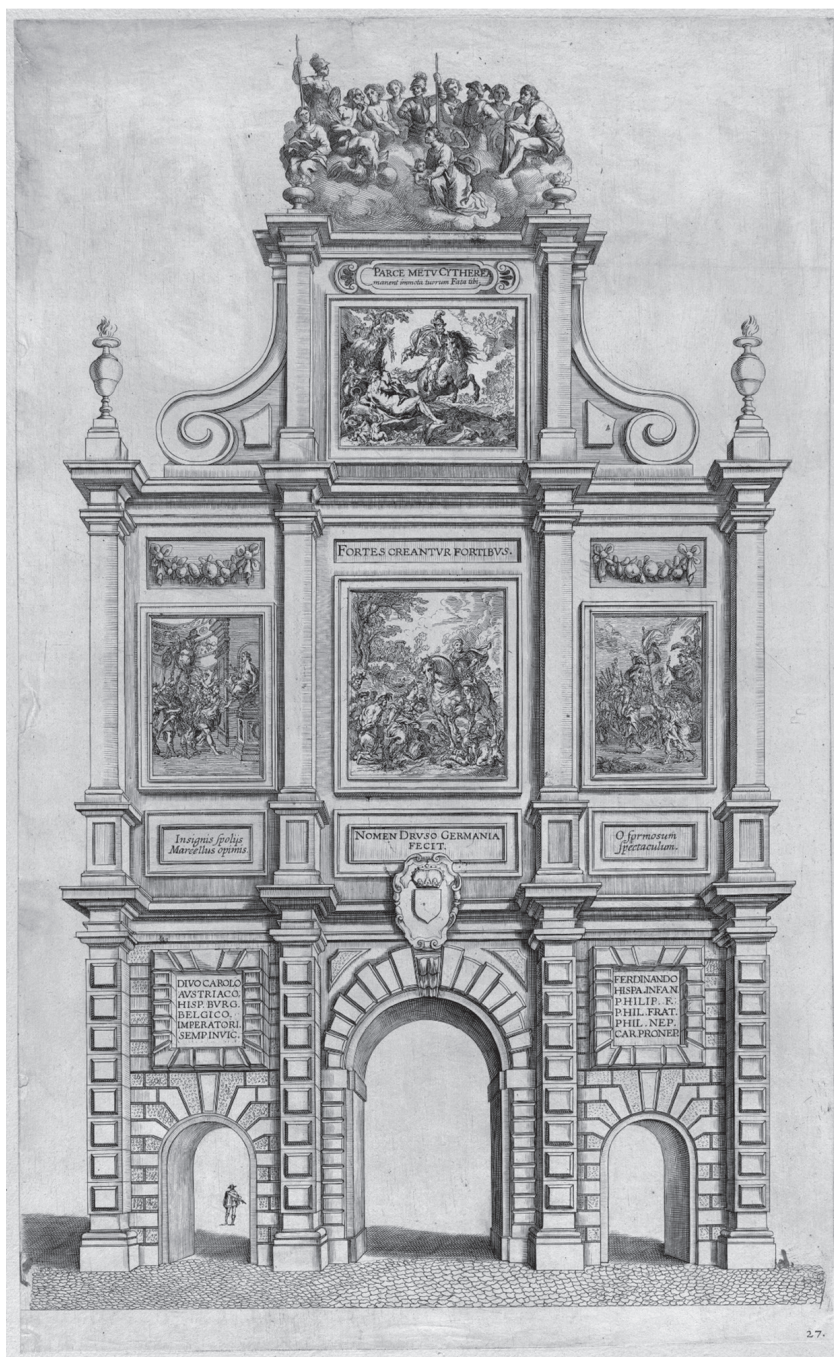

Рис. 12. Триумфальная арка (возвышение задней части). В кн.: Becanus G. *Serenissimi principis Ferdinandi Hispaniarum Infantis S.R.E. cardinalis introitus in Flandriae metropolim gandavum*. Antwerp. 1636. Музей искусств Метрополитен (Metropolitan Museum of Art). Нью-Йорк, 51.501.7426, Plate 27 © Metropolitan Museum of Art. The Elisha Whittelsey Collection, The Elisha Whittelsey Fund, 1951

Сципион Африканский вместе с другими античными героями, наглядно показывает, как династия представляла свою власть. Эта арка воплощала убежденность Габсбургов в том, что они являются законными наследниками Древнего Рима. Сопоставляя

сцены из древней истории с событиями из жизни Карла, арка проводила параллели между его достижениями и достижениями героев древности. В то же время текстовый слой арки передавал идеи наследования; если передняя часть арки возвещала о мужестве Карла, то задняя восходила к античности, напоминая о стихе Горация: «храбрость рождается из храбрости храбрых». Таким образом, мужество Карла, по-видимому, было унаследовано от древних героев, и мужество Фердинанда, которому он должен был научиться у Карла, можно отнести к героям прошлого, включая Сципиона Африканского. Если другие древние герои, изображенные на арке, такие как Ромул и Друз Германик, числились среди предков Габсбургов, то Сципион в их число не входил. Включение Сципиона в оформление арки, наряду с предполагаемыми предками династии, таким образом, подчеркивало его значимость в символическом репертуаре Габсбургов.

Заключение. История Сципиона Африканского стала одним из самых популярных повествовательных циклов в Европе раннего Нового времени, появляясь в самых разных формах и контекстах. Однако для Габсбургов она приобрела особое – династическое – значение. Одни члены династии начали отождествлять себя с этим римским героем, другие поддерживали эти усилия, приобретая предметы (или оплачивая их изготовление), которые способствовали демонстрации таких связей. В некотором смысле образ Сципиона использовался Габсбургами (как и другие образы, входящие в их символический репертуар), чтобы возвысить свое положение и заявить о добродетелях, заслугах и достижениях, которые ассоциировались со Сципионом у членов династии и были им также присущи. Однако, что важно, роль Сципиона в символическом репертуаре династии выходила за эти рамки и помогала Габсбургам на более тонком уровне; Габсбурги использовали историю Сципиона, чтобы утвердить свое положение, заявить о превосходстве над своими соперниками, заключить мир и сообщить о переходе власти. Таким образом, зависимость Габсбургов от Сципиона демонстрирует то, как династия концептуализировала свою власть в Европе раннего Нового времени. Ученые до сих пор подчеркивали важность связей династии с древними героями, как историческими, так и вымышленными, в контексте генеалогического предприятия Габсбургов. Прослеживая свою родословную от древних правителей, богов и героев, Габсбурги стремились позиционировать себя как наследники Древнего Рима. Особая привязанность династии к Сципиону Африканскому знаменательна тем, что этот римский герой традиционно не числился среди предков Габсбургов. Таким образом, его популярность и заметное место в символическом репертуаре династии позволяют более комплексно понять, как Габсбурги опирались на наследие древности. Последовательные попытки Габсбургов ссылаться на Сципиона Африканского, его добродетели и достижения и отождествлять себя с ним, а также их решение выставить Сципиона рядом со своими реальными и воображаемыми предками подтверждают предположение

Ларри Сильвера о том, что Габсбурги «стремились утвердиться в качестве наследников империи не только благодаря кровным связям и генеалогическому происхождению», но также через избрание и преемственность⁸⁷. Использование образа Сципиона династией побуждает нас рассмотреть и других исторических персонажей, как реальных, так и вымышленных, которые входили в символический репертуар Габсбургов, но традиционно не считались их предками.

Использование династией имени Сципиона Африканского позволяет взглянуть на то, как Габсбурги и их подданные относились к своему избранию и престолонаследию. Первоначальные ассоциации между Габсбургами и этим римским героем были связаны с образом Сципиона как добродетельного правителя, который умел умерять свои амбиции на благо народа и государства в целом. Однако это была не единственная интерпретация Сципиона, которая использовалась Габсбургами в раннее Новое время. Другой образ этого римского героя, созданный династией, был основан на военной доблести Сципиона. Сципион Африканский был не просто стандартным образцом добродетели, заслуг и свершений – по крайней мере, не в простом смысле; то, как Габсбурги колебались между этими различными интерпретациями Сципиона, раскрывало их устремления, борьбу, сильные и слабые стороны и самобытность. Это также раскрывает природу династии и ее символический репертуар в важный период ее истории. В XVI и XVII вв. Габсбурги претерпели драматические изменения – династия быстро распространилась по всему континенту и стала одним из величайших королевских домов в период раннего Нового времени. По мере расширения династии она также дробилась, что усложняло стоявшую перед ней задачу сохранения своего внутреннего единства и однородности⁸⁸. Символический репертуар Габсбургов, с помощью которого они передавали свою династическую идеологию, оставался, как известно, объединяющей силой для династии и ее земель, обеспечивая определенную степень единообразия для многоязычной семьи, разбросанной по всей Европе. Однако использование Габсбургами имени Сципиона служит напоминанием о том, что идеологическое единообразие династии в то время не следует воспринимать как нечто само собой разумеющееся. Если вмешательство эрцгерцога Матвея в дела Нидерландов вопреки воле его семьи демонстрирует, что Габсбурги не были застрахованы от внутренних конфликтов, то использование им фигуры Сципиона Африканского во время его пребывания в провинции показывает, что Габсбурги могли легко использовать символический инструментальный династии в качестве оружия друг против друга. Таким образом, опора Габсбургов на общий символический репертуар давала им значительное преимущество, но в то же время делала их по-своему уязвимыми.

ПЕР. С АНГЛ. П.А. ИСКЕНДЕРОВ

Примечания

1. KAUFMANN DACOSTA TH. Representation, Replication, Reproduction: The Legacy of Charles V in Sculpted Rulers' Portraits of the Sixteenth and Early Seventeenth Century. — *Austrian History Yearbook*. 2012. Vol. 43, p. 18.
2. Эта картина, как и человек, изображенный на ней, до сих пор привлекали мало внимания ученых. Хотя она никогда не изучалась в подробностях, но упоминается, например, здесь: HUMMELBERGER W. *Erzherzog in den Niederlanden*. — *Jahrbuch der kunsthistorischen Sammlungen in Wien*. 1965. Vol. 16, S. 91–118. О Матвее и его голландском приключении см.: GRUDNICKA A. *Being a Catholic in the House of Austria: The Religious Formation of Matthias Habsburg, 1557–1612*: PhD Dissertation. University College London. 2021, p. 95–109; LOUTHAN H. *The Quest for Compromise: Peacemakers in Counter-Reformation Vienna*. Cambridge. 1997, p. 143–154.
3. См.: TANNER M. *The Last Descendant of Aeneas: The Hapsburgs and the Mythic Image of the Emperor*. London. 1993. Об аналогичных усилиях династий раннего Нового времени в более общем плане см.: GRAFTON A. *What Was History? The Art of History in Early Modern Europe*. Cambridge. 2007, p. 149–165.
4. Классический труд по символической антропологии: GEERTZ C. *Negara: The Theatre State in Nineteenth-Century Bali*. Princeton. 1981. Труды Эдварда Муира помогают пролить свет на значение символов в раннее Новое время. См.: MUIR E. *Ritual in Early Modern Europe*. Cambridge. 1997; IBID. *Civic Ritual in Renaissance Venice*. Princeton. 1981. В настоящей статье приведены ссылки на ряд недавних работ, рассматривающих эти вопросы в контексте правления Габсбургов и Европы раннего Нового времени в целом.
5. См. например: STARN R. *Renaissance Triumphalism in Art*. In: *The Renaissance World* / Ed. J.M. Jeffries. NY. 2008, p. 326–346.
6. STRONG R. *Art and Power Renaissance Festivals 1450–1650*. Woodbridge. 1984, p. 4.
7. MULRYNE J.R. *Ceremony and the Iconography of Power in Ceremonial Entries in Early Modern Europe: The Iconography of Power* / Eds. J.R. Mulryne, M.I. Aliverti, A.M. Testaverde. London. 2016, p. 1.
8. BOSCHLOO A. *The Representation of History in Artistic Theory in the Early Modern Period*. In: *Recreating Ancient History: Episodes from the Greek and Roman Past in the Arts and Literature of the Early Modern Period* / Eds. K. Enenkel, J. de Jong, J. de Landtsheer. Boston. 2003, p. 1–3, 6–8.
9. KAUFMANN TH.D. *Variations on the Imperial Theme: Studies in Ceremonial Art and Collecting in the Age of Maximilian II and Rudolf II*. NY. 1978. Данная книга предлагает классическую трактовку вариаций в символическом репертуаре династии. Она была дополнительно изучена историками искусства и социокультуры. Развитие темы вариаций см.: DUCREUX M.-E. *Emperors, Kingdoms, Territories: Multiple Versions of the “Pietas Austriaca”?* — *Catholic Historical Review*. 2011. Vol. 97, p. 276–304. Данная статья рассматривает региональные различия в символическом репертуаре династии. В то же время тематические исследования, посвященные тому, как отдельные Габсбурги создавали свой имидж, позволяют по-другому взглянуть на эти различия. См., например: MATSCHE F. *Die Kunst im Dienst der Staatsidee Kaiser Karls VI: Ikonographie, Ikonologie und Programmatik des “Kaiserstils”*: In 2 Vol. NY. 1981; GOLOUBEVA M. *The Glorification of the Emperor Leopold I in Image, Spectacle and Text*. Mainz. 2000; SILVER L. *Marketing Maximilian: The Visual Ideology of a Holy Roman Emperor*. Princeton. 2008; SCHUMANN J. *Die andere Sonne: Kaiserbild und Medienstrategien im Zeitalter Leopolds I*. Berlin. 2003; WEAVER A. *Sacred Music as Public Image for Holy Roman Emperor Ferdinand III: Representing the Counter-Reformation Monarch at the End of the Thirty Years' War*. London. 2016.
10. Жизнь Сципиона описана древнегреческими и римскими авторами, включая Полибия, Ливия и Полибия.
11. Несмотря на популярность Сципиона, его место в визуальной и материальной культуре раннего Нового времени практически не изучено. В нескольких более ранних исследованиях рассматривались отдельные произведения искусства, посвященные Сципиону. Более поздние исследования, которые контекстуализируют эти художественные образы Сципиона в более широком интеллектуальном контексте, включают следующие работы: KUNZLE D. *From Criminal to Courtier: The Soldier in Netherlandish Art 1550–1672*. Leiden. 2002; BASKINS C. (In)famous Men: The Containment of Scipio and Formations of Masculinity in Fifteenth-Century Tuscan Domestic Painting. — *Studies in Iconography*. 2002. Vol. 23, p. 109–136.
12. HANKINS J. *Virtue Politics: Soulcraft and Statecraft in Renaissance Italy*. London. 2019, p. 19.

13. Ibid., p. 37.
14. Ibid., p. 19.
15. BERNARDO A. Petrarch, Scipio and the 'Africa': the Birth of Humanism's Dream. Westport. 1978.
16. MACHIAVELLI N. Discourses on Livy / Transl. H.C. Mansfield, N. Tarcov. Chicago. 1996, 3.20. О подходе Макиавелли к Сципиону см.: MCCORMICK J. Machiavelli's Inglorious Tyrants: On Agathocles, Scipio and Unmerited Glory. — History of Political Thought. 2025. Vol. 36, p. 29–52.
17. MACHIAVELLI N. Op. cit., 3.20, 3.21.
18. LIVY. Ab urbe condita libri / Ed. C.R. Van Paassen. Leiden. 1967, ch. xxvi, p. 50.
19. DESIDERIUS ERASMUS. The Education of a Christian Prince / Ed. L. Jardine. Cambridge. 1997, p. 58.
20. BACON F. The Philosophical Works of Francis Bacon / Ed. J.M. Robertson. Abingdon. 2011, p. 788.
21. LUTHER M. Works / Eds. J. Pelikan, et al. St. Louis. 1955–1986, ch. 3, p. 245, v. 48.
22. BOTERO G. Botero: The Reason of State / Ed. R. Bireley. Cambridge. 2017, p. 15.
23. HANKINS J. Op. cit., p. 36.
24. Одной из возможных альтернатив являлся Максимилиан I. На рубеже XVI в. Максимилиан заказал серию роскошных томов, где в тексте и на картинках был представлен перечень его артиллерии, распределенный в зависимости от территории. В предисловии к одному из них – «Книга свидетельств Фрайслебена» (Zeugbuch of Freisleben) – Максимилиана восхваляли как величайшего полководца в области вооружений за всю историю и недвусмысленно сравнивали со Сципионом Африканским, а также с рядом предполагаемых предков Габсбургов. Однако остается неясным, когда эта книга вышла, поскольку ученые датируют ее создание периодом между 1502 и 1509 г. В настоящее время этот том хранится в Австрийской национальной библиотеке (Österreichische Nationalbibliothek) в Вене (код 10824). Краткое описание данного тома см.: SILVER L. Shining Armor: Emperor Maximilian, Chivalry, and War. In: Artful Armies, Beautiful Battles: Art and Warfare in Early Modern Europe / Ed. P. Cuneo. Brill–Leiden. 2002, p. 75.
25. DESIDERIUS ERASMUS. Panegyric for Archduke Philip of Austria. In: Collected Works of Erasmus / Ed. A.H.T. Levi. Toronto. 2016, p. 5, 8.
26. Ibid., p. 12.
27. Ibid., p. 20.
28. Ibidem.
29. Ibid., p. 37.
30. Ibidem.
31. Ibid., p. 49.
32. Ibid., p. 50.
33. Ibid., p. 58.
34. TRACY J. Erasmus of the Low Countries. London. 1997, p. 229.
35. EISENBICHLER K. Charles V in Bologna: The Self-Fashioning of a Man and a City. — Renaissance Studies. 1999. Vol. 13, p. 430–439.
36. CHASTEL A. Les entrées de Charles Quint en Italie. In: Fêtes et cérémonies au temps de Charles Quint. Paris. 1955–1960, ch. ii, p. 20.
37. GIORDANI G. Delia venuta e dimora in Bologna del Sommo Pontefice di Carlo V Imperatore celebrata l'anno MDXXX Cronaca con note documenti ed incisioni. Bologna. 1842, p. 12–16. Эти изображения поднимают вопрос, в какой степени наследие двух Сципионов было объединено в эпоху раннего Нового времени. Хотя, конечно, существовали территориальные различия, Габсбурги были относительно последовательны в том, что касалось различий в их символическом репертуаре.
38. В окружении Карла были художник Ян Корнелис Вермейен, поэты Гарсиласо де ла Вега и Иоханнес Секундус, музыкант, математик и астролог Жан Тейнье, архитектор Бенедетто да Равенна, историки Гийом ван Мале, Жан Ванденесс и Алонсо де Санта Крус.
39. GROOS A. The City as Text: The Entry of Charles V into Nuremberg (1541). In: The Construction of Textual Authority in German Literature of the Medieval and Early Modern Periods / Eds. J. Poag, C. Baldwin. Chapel Hill. 2001, p. 138; MITCHELL B. The Majesty of the State: Triumphal Progresses of Foreign Sovereigns in Renaissance Italy (1494–1600). Florence. 1986, p. 151–174; CHASTEL A. Les Entrées de Charles Quint en Italie. In: Les Fêtes de la Renaissance / Eds. S. Anglo, J. Jacquot, E. Königson. Paris. 1975, p. 197–206; AGOSTON G. Information, Ideology, and Limits of Imperial Policy: Ottoman Grand Strategy in the Context of Ottoman-Habsburg Rivalry. In:

Early Modern Ottomans: Remapping the Empire / Eds. V. Aksan, D. Goffman. Cambridge. 2007, p. 98.

40. Copia de vna lettera della particularita dellordine con il quale la maesta cesarea intro in Messina, e del triumpho [et] sumptuosi apparati gli forono fatti, carri [et] archi triumphali richissimi con alcuni versi [et] prosa Latini in honore de Sua Maesta. 1535, p. 10.

41. Il triumphale apparato per la entrata de la cesarea maesta in Napoli: co[n] tutte le particolarita [et] archi triumphali [et] statue antiche cosa bellissima., p. iiB; KARL S., STEINER H. Neue Zeyttung, Wie Die Römisch Kayserlich Mayesta... Von Thunis Auß Affrica, in Die Furnemisten Zwü Stett, Messana Vnd Neapols Ankom[m]en. Augsburg. 1536, p. iiB.

42. Ordine pompe, apparati, et cerimonie, delle solenne intrate, di Carlo V Imp[eratore] sempre aug[usto] nella citta di Roma, Siena, et Fiorenza. Florence. 1536, p. 4, 9.

43. HELGERSON R. A Sonnet from Carthage: Garcilaso de la Vega and the New Poetry of Sixteenth-Century Europe. Philadelphia. 2013, p. 29.

44. Il triumphale apparato, per la entrata de la cesarea maesta in Napoli..., p. iiB; KARL S., STEINER H. Op. cit.

45. Ordine pompe, apparati, et cerimonie, p. 4.

46. FRIEDER B. Chivalry & the Perfect Prince: Tournaments, Art, and Armor at the Spanish Habsburg Court. Kirkville. 2008, p. 84-85.

47. GIROLAMO DI TOMMASO DA TREVISO. Pageant Shield Depicting Scipio's Victorious Storming of New Carthage, ca. 1535, shield. Philadelphia Museum of Art, Philadelphia. Bequest of Carl Otto Kretzschmar von Kienbusch.

48. YILDIZ M. Gazavat-i Hayreddin Paşa. Aachen. 1993, S. 208.

49. HELGERSON R. Op. cit., p. 29.

50. Ordine pompe, apparati, et cerimonie..., p. 4, 9.

51. Медаль Карла V, 1535 г. Rijksmuseum (Амстердам), NG-VG-1-194. Gift of J.M. van Gelder-Nijhoff.

52. Более подробный обзор гобеленов Габсбургов см.: BUCHANAN I. Habsburg Tapestries. Turnhout. 2015.

53. IBID. The Tapestry Collection of Mary of Hungary. In: Marie de Hongrie: Politique et culture sous la Renaissance aux Pays-Bas / Eds. B. Federinov, G. Docquier. Mariemont. 2008, p. 145-155.

54. HORN H. Jan Cornelisz Vermeyen. Vol. 2. Doornspijk. 1989, p. 348; SCHMITZ-VON LEDEBUR K. Emperor Charles V Captures Tunis. — Studia Bruxellae. 2019. Vol. 11, p. 387-404; SEIPEL W. Der Kriegszug Kaiser Karls V. gegen Tunis: Kartons und Tapisserien. Vienna. 2000.

55. На третьем гобелене из серии «Тунис», изображающем высадку войск Карла, упоминается Карфаген. На картуше написано: «Здесь они входят в порт Утика; старый Карфаген принимает их в своих развалинах. Флот [идет] вдоль берега. Оттуда император с небольшой [группой] отправляется исследовать ла-Голету, [чтобы] посмотреть, какие крепости и условия находятся в этих местах. Отдав приказ о высадке, они радостно атакуют отступающего врага. Он разбивает свой лагерь у стен того, что в прежние времена было знаменитым Карфагеном». — JARDINE L., BROTTON J. Global Interests: Renaissance Art between East and West. Chicago. 2000, p. 88.

56. BUCHANAN I. The 'Battle of Pavia' and the Tapestry Collection of Don Carlos: New Documentation. — The Burlington Magazine. 2002. Vol. 144, p. 345-351.

57. DELMARCEL G. Flemish Tapestry from the 15th to the 18th Century. Tielt. 1999, p. 92.

58. JARDINE L., BROTTON J. Op. cit., p. 78.

59. BOBBA F. Copia duna letera de la pace fatta tra la Cesarea Maesta de l'Imperadore; et il Christianissimo re di Franza. Venice. 1538, p. 3; LE PERSON X. A Moment of "Resverie": Charles V and Francis I's Encounter at Aigues-Mortes (July 1538). — French History. 2005. Vol. 19, p. 1-27.

60. JARDINE L., BROTTON J. Op. cit., p. 87.

61. Существует множество научных исследований по этому вопросу; см., например: ARNADE P. Beggars, Iconoclasts, and Civic Patriots: The Political Culture of the Dutch Revolt. Ithaca. 2008; IBID. Realms of Ritual: Burgundian Ceremony and Civic Life in Late Medieval Ghent. Ithaca. 2018.

62. Существует огромное количество литературы, посвященной истории «триумфов» (Joyful Entrances). См.? например: ARNADE P. The Emperor and the City: The Cultural Politics of the Joyous Entry in Early Sixteenth-Century Ghent and Flanders. — Handelingen van het Genootschap voor Geschiedenis en Oudheidkunde te Gent. 2000. Vol. 54, p. 65-92 и недавнюю работу: GELDER K. VAN. Inaugurations in the Austrian Netherlands: Flexible Formats at the Interface between Constitution, Political Negotiation, and Representation.

- In: *More than Mere Spectacle: Coronations and Inaugurations in the Eighteenth- and Nineteenth-Century Habsburg Monarchy* / Ed. K. Van Gelder. NY. 2021, p. 168-197.
63. STELLA J.CH.C. El felicissimo viaie d'el muy alto y muy poderoso Príncipe Don Philippe, hijo d'el Emperador Don Carlos Quinto Maximo, desde España à sus tierras dela baxa Alemaña: con la descripcion de todos los Estados de Brabante y Flandes. Antwerp. 1552, p. 135; PINSON V. Imperial Ideology in the Triumphal Entry into Lille of Charles V and the Crown Prince (1549). — Assaph: *Studies in Art History*. 2001. Vol. 6, p. 205-232.
64. STELLA J.CH.C. Op. cit., p. 144.
65. Cornelius Scribonius and Julius Scalinger, La tresadmirable, tresmagnifique, [et] triumpante entree, du treshault [et] trespuissant Prince Philippes, Prince d'Espaignes, filz de Lempereur Charles Ve, ensemble la vraye description des spectacles, theatres, archz triumphaulx [et] c. lesquelz ont este faictz [et] bastis a sa tresdesiree reception en la tresrenommee florissante ville d'Anuers. Anno 1549. Antwerp. 1550, p. 40.
66. PARK J. *Sculpting and Weaving Alliances: Alabaster Funerary Sculpture and Tapestry in the Habsburg Netherlands, 1506-1549*: PhD Dissertation. University of Arizona. 2017, p. 117.
67. Триумф Сципиона с волами и слонами. Джулио Романо. Гобелен. Palacio Real de Madrid. Madrid. A.265-7950. JUAN CRISTÓBAL CALVETE DE ESTRELLA. Le très-heureux voyage fait par très-haut et très-puissant prince Don Philippe / Transl. J. Petit. Brussels. 1873, ch. 3, p. 151.
68. KUNZLE D. Op. cit., p. 521.
69. ODDE L. Politic Magnificence: Deciphering the Performance of the French and Spanish Rivalry during the Entrevue at Bayonne. — *The Sixteenth Century Journal*. 2015. Vol. 46, p. 29-52.
70. О связях между провинциями и землями Габсбургов и обзор литературы см.: MOUT N. Core and Periphery: The Netherlands and the Empire from the Late Fifteenth to the Early Seventeenth Century. In: *The Holy Roman Empire, 1495-1806* / Eds. R. Evans, P. Wilson. Leiden. 2012, p. 203-216; IBID. Die Niederlande und das Reich im 16. Jahrhundert (1512-1609). In: *Alternativen zur Reichsverfassung in der Frühen Neuzeit?* / Ed. V. Press. Munich. 1995, p. 143-168.
71. HOUWAERT J.B. Sommare beschrijuinghe va[n]de triumphelijcke incomst vanden doorluchtighen ende hooghgeboren aeerts-hertoge Matthias: binnen die princelijcke stadt van Brusseele: in t'iaer ons Heeren M.D.L. XXVIII. Antwerp. 1579.
72. Ibid., p. 7. Формальные аспекты триумфального входа также ставили под сомнение авторитет испанской ветви династии, поскольку вход эрцгерцога в Брюссель был, по словам Маргит Тефнер, актом «неприкрытого гражданского неповиновения», ибо означал назначение Матвея генерал-губернатором без королевского согласия. — THOFNER M. *A Common Art: Urban Ceremonials in Antwerp and Brussels During and After the Dutch Revolt*. Waanders Publishers. 2007, p. 115-116.
73. ISRAEL J. *The Dutch Republic: Its Rise, Greatness, and Fall 1477-1806*. Oxford. 1998, p. 132-134.
74. GELDEREN M. VAN. *The Political Thought of the Dutch Revolt 1555-1590*. Cambridge. 1992.
75. Le Cardinal de Granvelle to M. de Bellefontaine. 31.03.1578. Rome / Ed. G. van Prinsterer. In: *Archives ou correspondance inédite de la maison d'Orange-Nassau*. Leiden. 1835-1847, ch. 4, p. 339.
76. GELDER K. VAN. Op. cit., p. 173-76.
77. Это соответствовало двойственному отношению Матиаса к испанской ветви династии, см.: GRUDNICKA A. Op. cit., p. 90-112.
78. Verzeichnus der zu Hungern und Behaim kün. maj. bücher (05.05.1619). — *Jahrbuch der kunsthistorischen Sammlungen in Wien*. 1899. Vol. 20, p. XCV. Оригинальная цитата звучит так: «Неблагодарное отечество, да оставит тебя и прах мой» (*ingrata patria, non ossa quidem*), в то время как надпись на драгоценном камне, находящемся во владении Матвея, гласила: «Неблагодарное отечество, ты не получишь моих костей» (*ingrata patria, non habebis ossa mea*).
79. Österreichische Nationalbibliothek, Sammlung von Handschriften und alten Drucken, 9048: 584.
80. Österreichische Nationalbibliothek, Sammlung von Handschriften und alten Drucken, 9048: 546.
81. Тунисский набор демонстрировался во время входа Маргариты Австрийской (1584-1611) в Валенсию и при заключении брака эрцгерцога Альберта (1559-1621) и инфанты Изабеллы (1556-1633) в 1599 г., а также во время

- празднования крещения Анны Австрийской (1601–1666) в Вальядолиде в 1601 г. — GIOVANNI BATTISTA CONFALONIERO. *Relacion del aparato que se hizo en la ciudad de Valencia para el recibimiento de la Serenissima Reyna Margarita de Austria desposada con el Catholico y potentissimo Rey de Espana Don Phelipe Tercero deste nombre*. Valencia. 1599, p. 22; *Relación de la orden que se tuuo en el bautismo de la señora Infanta, hija primogenita del Inuictissimo Rey Don Felipe III nuestro señor en Valladolid a siete de Otubre*. Valladolid. 1602, p. 4.
82. GÖBEL H. *Wandteppiche*. Vol 1. Leipzig. 1923, p. 334–335.
83. PYHRR S.W., GODOY J.-A. *Heroic Armor of the Italian Renaissance: Filippo Negroli and His Contemporaries*. NY. 1999, p. 216–224.
84. RABAND I. *Vergängliche Kunst und fortwährende Macht: Die Blijde Inkomst für Erzherzog Ernst von Österreich in Brüssel und Antwerpen, 1594*. Merzhausen. 2019.
85. О данном входе имеется несколько работ, в том числе: ROGGEN D. *Les Arcs de triomphe de la Joyeuse Entrée de 1635 et leur décoration picturales*. Ghent. 1925, p. 24–27; VELDE C. VAN DE., VLIEGHE H. *Stadsversieringen te Gent in 1635 voor de Blijde Intrede van de Kardinal-Infant*. Ghent. 1969; SOS I.L. *The Cardinal Infant Ferdinand of Austria, Triumphal Entry in Ghent. Triumphalis Introitus Ferdinandus*. — *Estudios Del Mundo Clásico E Historia Del Arte*. 2018. Vol. 13, p. 77–100. Было опубликовано по меньшей мере три печатных отчета об этом торжестве: HARDUINUS I., LINDANUS D. *Pius in Patriam Conatus Triumphalis, Pro Auspicali Introitu Serenissimi Principis Ferdinandi Austraci S.R.E. Cardinalis, Infantis Hispann*. Antwerp. 1635; HOSSCHIJ S. *Serenissimo Ferdinando Hispaniarum Infanti S.R.E. Cardinal Pro Philippo iv. Belgicae et Burgundiae gubernatori Militae Regiae Archistratego Gandae Vota*. Antwerp. 1635; BECANUS G. *Serenissimi principis Ferdinandi Hispaniarum Infantis S.R.E. cardinalis introitus in Flandriae metropolim gandavum*. Antwerp. 1636, включающих гравюры на праздничных арках.
86. Интересно, что Матвей не был включен в число предшественников Фердинанда в провинциях.
87. SILVER L. *Op. cit.*, p. 79.
88. FICHTNER P.S. *Sibling Bonding and Dynastic Might: Three Sixteenth-Century Habsburgs Manage Themselves and an Empire*. — *Austrian History Yearbook*. 2017. Vol. 48, p. 193–211.

Император Карл V и Верди: политика Рисорджименто, история Габсбургов и австрийско-итальянская оперная культура

Л. Вольфф

Аннотация. В статье рассматривается фигура императора Габсбургов Карла V в его связи с Италией, в том виде, в каком ее воспринимали итальянцы-современники, но в особенности так, как ее оценивали итальянцы эпохи Рисорджименто – и, в частности, композитор Джузеппе Верди в своем оперном творчестве. Подчеркивается, что опера явилась важнейшим культурным средством взаимодействия Габсбургов с Апеннинскими и итальянской культурой в рамках монархии. Современные итальянцы оценивали роль Карла в завоевании Италии как с сожалением по поводу его военного вмешательства (включая разграбление Рима в 1527 г.), так и с уважением к его способностям политика. Во времена Рисорджименто традиционная точка зрения Д. Мадзини была глубоко враждебна Габсбургам и вдохновляла войны за объединение Италии против монархии Габсбургов. При этом итальянская опера, особенно такие произведения, как «Вильгельм Телль» Россини (1829), «Эрнани» (1844) и «Дон Карлос» Верди (1867), демонстрируют сложный взгляд на Габсбургов в культуре Рисорджименто. Если представитель австрийских Габсбургов Гесслер играет злодея в опере Россини «Вильгельм Телль», то в опере Верди «Эрнани» Карл V предстает как баритон в главной роли и двойственном облике в сочетании с прекрасной музыкой. В «Доне Карлосе» призрак Карла V витает над всей постановкой.

Ключевые слова: император Карл V, Рисорджименто, опера, Дж. Верди, Дж. Мадзини, империя Габсбургов, Дж. Россини.

Verdi's Emperor Charles V: Risorgimento politics, Habsburg history, and Austrian-Italian operatic culture

L. WOLFF

Abstract. This article considers the figure of Habsburg Emperor Charles V in relation to Italy, first as perceived by Italians in his own time, the 16th century, but then especially as evaluated by Italians of the Risorgimento – and notably by Verdi in his operatic work. The article emphasizes opera as a crucial cultural medium of Habsburg engagement with the Italian peninsula and of Italian culture within the Habsburg monarchy. Contemporary Italian evaluations of Charles's role in the domination of Italy were both regretful of his military interventions (including the sack of Rome in 1527) and respectful of his political skills. During the Risorgimento, the conventional Mazzinian perspective was deeply hostile to the Habsburgs and conditioned the wars of Italian unification against the Habsburg monarchy. Italian opera, however, especially Rossini's "Guillaume Tell" (1829), Verdi's "Ernani" (1844), and Verdi's "Don Carlos" (1867) indicate a complex operatic perspective on the Habsburgs in Risorgimento culture. While the Austrian Habsburg representative Gessler is the villain in Rossini's "Guillaume Tell", Verdi's "Ernani" actually places Charles V on stage in a major baritone role with beautiful music and an ambivalent presence. In "Don Carlos", the ghost of Charles V hovers over and haunts the whole opera.

Key words: Emperor Charles V, Risorgimento, opera, Giuseppe Verdi, Giuseppe Mazzini, Habsburg Empire, Gioachino Rossini.

Оригинал статьи: Austrian History Yearbook. 2023. Vol. 54, p. 69–88. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/austrian-history-yearbook/article/verdis-emperor-charles-v-risorgimento-politics-habsburg-history-and-austrian-italian-operatic-culture/D7524480CEF8063655DD1930FCA-15F6A>

Рисорджименто и Габсбурги. В 1831 г. 25-летний Джузеппе Мадзини был освобожден из тюрьмы в Савоне и основал движение «Молодая Италия» (*Giovine Italia*), положив начало итальянскому Рисорджименто письмом к Карло Альберто, новому королю Пьемонта в Турине, с призывом к войне против Австрии в качестве императива ради достижения Италией национальной независимости. Австрия для молодого Мадзини олицетворяла «террор» (*terrore*), а «австриец» (*l'Austriaco*) осуждался как «тиран Италии» (*il tiranno d'Italia*) и «палач» (*il carnefice*)¹. Фактически в Вене правили император Франц и канцлер Меттерних, чей политический консерватизм сформировал постнаполеоновское устройство Европы в стремлении подорвать либеральные и революционные движения, в том числе итальянских карбонариев, чья энергия была готова направиться под знамена «Молодой Италии» Мадзини.

Вена управляла большей частью Северной Италии, главным образом объединенной провинцией Ломбардия-Венеция, но Габсбурги также присутствовали в Парме, Модене и Флоренции. Ломбардия, в частности, являлась территорией Габсбургов – сначала испанских, затем австрийских – начиная с эпохи Карла V в XVI в. Дж. Мадзини теперь призывал Карло Альберто начать борьбу против Австрии – объявить войну и напасть (*“gridategli guerra e assalite”*) – и, как и Макиавелли, провозгласил лозунг «Освободим Италию от варваров!» (*“Liberate l'Italia dai barbari!”*)². Для Мадзини, как и для Макиавелли, северные варвары обитали за Альпами и иностранное господство в Италии как в эпоху Меттерниха, так и в эпоху Карла V являлось варварским порабощением цивилизованных итальянцев.

Идея, что Габсбурги были абсолютно чужеродными для Апеннинского полуострова варварами из-за Альп, была близка идеологическому ядру Рисорджименто в XIX в., кульминацией которого стала война против Австрии в 1859 г., а затем и в 1866 г., что привело к объединению и независимости Италии с освобождением Ломбардии (и Тосканы) от Габсбургов в 1859 г., а также Венеции и Венецкого королевства в 1866 г. Объединение с Италией было подтверждено плебисцитами, и, хотя в итальянском тексте 1867 г. говорилось о «Венеции, объединяющей всю Италию»³, это «воссоединение» должно было рассматриваться в связи с тем фактом, что Венеция никогда не принадлежала «объединенной Италии» и что «объединенной Италии» на самом деле никогда не существовало. Термин «итальянец» не обозначал политическую национальность в Европе раннего Нового времени, и даже в XIX в. он не позволял четко идентифицировать и объединять разнородное в региональном отношении население полуострова. Тем не менее для итальянцев иногда имело смысл говорить об итальянской культуре, основанной на итальянском языке, и – в более широком смысле – признавать категории итальянского искусства, литературы и оперы, даже с учетом региональных различий.

Отношения между итальянской культурой, итальянскими политическими княжествами и династией Габсбургов были сложными начиная с XV в., когда сиенский гуманист Эней Сильвиус Пикколомини (впоследствии Папа Римский Пий II) был коронован как поэт – лауреат императора Священной Римской империи Фридриха III. Именно во времена правления Карла V, в первой половине XVI в., династия Габсбургов стала наиболее активно участвовать в политической жизни Италии, в том числе в форме разграбления Рима в 1527 г., почти насильственной коронации Карла Папой Римским в Болонье в 1530 г., возведения Медичи на герцогский престол во Флоренции при поддержке Габсбургов и аннексии Ломбардии.

В 1820-х гг. флорентийский писатель и реформатор Джино Каппони начал писать эссе о Пьетро Леопольдо, просвещенном габсбургском великом герцоге Тосканском XVIII в. и, в конечном счете, императоре Священной Римской империи Леопольде II. Дж. Каппони был восхищен просвещенными реформами Пьетро Леопольдо и не сомневался, что в XVIII в. даже габсбургский принц мог «быстро стать настоящим тосканцем»⁴. Однако, когда Каппони оглянулся на XVI в., у него сложилось гораздо более предвзятое мнение о Карле V: «повелитель Испании и Фландрии, император Германии, могущественный в военном отношении, каким не был ни один другой правитель на протяжении многих веков, порабоцавший Италию; он уничтожил там последнее прибежище, которое оставалось у народной свободы»⁵. Каппони, писавший в XIX в. как историк, смог оценить реформы Габсбургов XVIII в., проведенные Пьетро Леопольдо в Тоскане, но мог лишь осудить влияние Карла V на Апеннинский полуостров.

В XIX в., в эпоху Рисорджименто, современные идеи национальной идентичности изменили восприятие отношений между Габсбургами и итальянскими землями. В настоящей статье мы рассмотрим итальянские взгляды на историю Карла V и Габсбургов, уделив особое внимание тому, как эти взгляды формировались под влиянием динамики габсбургско-итальянской оперной культуры. После упоминания о значении Австрии в опере Россини «Вильгельм Телль» мы сосредоточимся на Верди, ведущем оперном композиторе итальянского Рисорджименто, с учетом его оперных представлений о фигуре Карла V в «Эрнани» и «Доне Карлосе». В то время как враждебность Мадзини по отношению к Габсбургам была подчеркнутой, трактовка Верди образа Карла V свидетельствует о заметной двойственности в восприятии истории Габсбургов в Италии. Опера будет рассматриваться как вид искусства, который помог определить отношение габсбургского двора к итальянской культуре, а также способствовал идеологическому оформлению и легитимации как имперской идентичности Габсбургов, так и итальянской национальной идентичности.

Объединение Италии в XIX в. на самом деле не ослабило неприязни Италии к Австрии, поскольку притязания Италии на «ирреденту» (невоссоединенные земли) в Триесте, Южном Тироле, Истрии и Далмации, которые входили в состав Империи Габсбургов, в конечном итоге привели Италию к вступлению

в Первую мировую войну против Австро-Венгрии – войну, которая для некоторых итальянских националистов была всего лишь продолжением войн за национальную независимость⁶. Тосканский генерал Марио Ламберти стремился пересмотреть взгляды Италии на «новую Австрию» в 1920-х гг., но все же напоминал о «Вене, которую ненавидят наши патриоты» (*“la Vienna odiata dai nostri patrioti”*), как об общепринятой позиции Рисорджименто⁷. В свою очередь, габсбургские историки частично разделяли эту позицию, рассматривая утрату итальянских территорий в XIX в. как логичное, с национальной точки зрения, событие, которое способствовало укреплению монархии на землях Центральной и Восточной Европы как Австро-Венгрии. В 1920-х гг. венгерский политический мыслитель Оскар Яси, оглядываясь на распад империи Габсбургов, отметил значение австро-прусской войны 1866 г., которая привела к потере Венеции Габсбургами: «Теперь Венеция отрезана от германской империи и потеряла свои итальянские владения... путь к исторической миссии Австрии был открыт»⁸. Таким образом, как итальянская, так и габсбургская позиции часто недооценивали интегральное значение итальянских аспектов истории Габсбургов; и те и другие были склонны считать, что это были отдельные истории, которые лишь искусственно и временно объединены. Тем не менее фигура Карла V как в политическом контексте XVI в., так и в культурных взглядах XIX в. дает представление о сложной динамике расхождений, антагонизма, близости и взаимосвязей, которые характеризовали политические и культурные связи Габсбургов с итальянскими землями.

Панорама Апеннинского полуострова для Карла V. Карл V, унаследовавший корону Испании от своего арагонского деда Фердинанда в 1516 г. и Священную Римскую империю после своего деда Максимилиана Габсбурга в 1519 г., в конечном счете, установил власть Габсбургов в Ломбардии, победив французского короля Франциска I в битве при Павии в 1525 г. В своей обширной агломерации земель (включая американский Новый Свет) Карл придерживался теории универсальной империи, которая, как показал историк Франс Изйтс, была частично заимствована из произведений итальянских гибеллинов Данте и Петрарки. Эта имперская идеология была разработана для Карла его пьемонтским канцлером Меркурино Арборио ди Гаттинарой, который также поощрял его стремление к господству в Италии. Гаттинара без колебаний воззвал к Божьему провидению, обращаясь к Карлу: «Он направил Вас по пути к всемирной монархии, к объединению всего христианского мира под руководством единого пастыря»⁹.

Флорентийские республиканцы, такие как Никколо Макиавелли и Франческо Гвиччардини, настороженно относились к Карлу и с беспокойством наблюдали за его присутствием в Италии¹⁰. Смерть Макиавелли в июне 1527 г. совпала с самым жестоким разрушительным вторжением Карла в Италию, разграблением Рима его имперскими армиями, унижением папы Климента VII из династии Медичи и утверждением насильственного господства Габсбургов на полуострове. Для Франческо Гвиччардини

разграбление стало кульминационной итальянской катастрофой в его «Истории Италии», в то время как его брат Луиджи Гвиччардини написал отдельную книгу «Римские сакко» (*“Il sacco di Roma”*), в которой особое внимание уделил ужасающим событиям 1527 г., «жестокостям, которые постоянно совершались <...> немцами и испанцами в таком богатом и благородном городе»¹¹. Именно такими были солдаты Карла V, короля Испании и германского императора Священной Римской империи, хотя он лично и не присутствовал при штурме Рима.

Для Луиджи Гвиччардини эти солдаты были варварами, осквернившими цивилизацию итальянского Возрождения подобно готам, которые опустошили когда-то Древний Рим: «Сколько придворных, сколько благородных и образованных людей (*“quanti cortigiani, quanti gentili e delicati uomini”*), – риторически вопрошал он, – стали жалкой добычей этих жестоких иностранцев!»¹² Разграбление Рима считалось концом «золотого века» римского Возрождения, и все же Луиджи Гвиччардини в своем посвящении Козимо Медичи признал господство императора Габсбургов как высшего мастера политической практики эпохи Возрождения: «Из этого рассказа Ваше превосходительство поймет, насколько Бог благосклонен к достойным и гуманным начинаниям императора; и мало-помалу выясняется, что Он назначил его монархом вселенной, способным, благодаря своей редкой доброте и уникальному благоразумию, восстановить порядок в разрушенном мире (*“con la sua rara bontà ed unica prudenza riordini il guasto mondo”*)»¹³. Итальянцы эпохи Возрождения, безусловно, были способны распознать макиавеллиевские качества – сочетание доброты с благоразумием, а также военной мощью, которые сделали Карла политическим властелином Италии.

Карл вызвал Климента VII в Болонью для проведения императорской коронации в Сан-Петронио в 1530 г. и провозгласил Медичи наследственными герцогами во Флоренции после того, как город сдался после имперской осады в том же году. Император наслаждался триумфальным шествием в Риме в 1536 г. после завоевания Туниса в 1535 г. Он прошел по маршруту через руины Римского форума к Капитолийскому холму, словно был древнеримским императором, и его присутствие способствовало появлению одного из величайших градостроительных проектов эпохи Возрождения: Микеланджело преобразил неухоженную вершину холма в современный Кампидольо¹⁴. В центре Кампидольо появилась конная бронзовая статуя Марка Аврелия, которая позже послужит моделью для конного портрета Карла, написанного Тицианом в 1548 г.

Примерно в это же время венецианский посланник Марино Кавалли обнародовал собственную оценку Карла эпохи Возрождения в явно макиавеллиевских выражениях, восхваляя не только его искусную верховую езду, но и политическое мастерство: «Все стороны дают ему очень хорошие советы, соблюдая при этом большую секретность; он обсуждает дела непрерывно в течение четырех-пяти часов, оставаясь на месте, и иногда записывает доводы «за» и «против», чтобы лучше видеть, как действовать дальше. Он долго размышляет, а затем принимает решение...

В общем, его переговоры так хорошо поняты, так хорошо обоснованы, упорядочены и выполняются, что тот, кто признает первый принцип, почти не может с честью не согласиться с указанным выводом. Он очень хорошо знает характер всех принцев, с которыми имеет дело, и тратит много времени на то, чтобы узнать о них побольше; поэтому он почти никогда не ошибается в своих прогнозах»¹⁵.

Император Габсбургов, которого Макиавелли, безусловно, считал трансальпийским варваром с точки зрения Италии эпохи Возрождения, стал олицетворять макиавеллиевский образец современного правителя эпохи Возрождения.

В XVIII в. просвещенный шотландский историк Уильям Робертсон писал о правлении Карла V с философским восхищением его государственной мудростью: «Поскольку Карл, расширив королевские prerogatives, сделал монархов Испании хозяевами у себя дома, он добавил новое достоинство и могущество их короне своими зарубежными приобретениями. Он обеспечил Испании спокойное владение Неаполитанским королевством. <...> Он присоединил к испанской короне Миланское герцогство, одну из самых плодородных и густонаселенных итальянских провинций, и оставил в качестве своих преемников, даже без учета других территорий, самых влиятельных принцев в Италии»¹⁶.

Шотландский историк XVIII в. не считал обязательным осуждать господство Габсбургов в Италии, хотя и заметил, что «столь великая и честолюбивая семья стала всеобщим объектом зависти и ужаса»¹⁷. «История» Робертсона, вышедшая на английском языке в 1769 г., была незамедлительно опубликована в итальянском переводе в Венецианской республике в 1774 г. и переиздана в габсбургском Милане в 1820 г.¹⁸ К 1831 г., когда Мадзини писал Карло Альберто, Австрия представляла для итальянцев «ужас».

«15 мая 1796 года генерал Бонапарт вступил в Милан, – писал Стендаль в 1839 г. в первых абзацах своего романа «Пармская обитель». – 15 мая 1796 года весь народ увидел, каким нелепым, а иногда и гнусным было все то, к чему он прежде относился с почтением. Едва только последний австрийский полк оставил Ломбардию, как старые взгляды рухнули, вошло в моду подвергать свою жизнь опасности. После многих веков расслабляющих чувствований люди увидели, что счастья возможно достигнуть лишь ценою подлинной любви к родине и доблестных подвигов. Долгий и ревнивый деспотизм, наследие Карла V и Филиппа II, погрузил ломбардцев в глубокий мрак, но они свергли статуи этих монархов, и сразу же всех затопили волны света»¹⁹.

К тому времени, когда появился роман Стендаля, в десятилетие «Молодой Италии» Мадзини, французское завоевание Милана и изгнание Габсбургов в 1796 г. можно было, по крайней мере ретроспективно, считать началом новой эры. Свержение габсбургских статуй Карла V и его сына Филиппа II символически определило политическую повестку дня Рисорджименто.

Меттерних и Россини. После наполеоновских войн Габсбурги не только восстановили власть над Ломбардией, но и присоединили эту провинцию к Венеции и окружающим ее территориям, образовав новое королевство Ломбардия-Венеция, составлявшее

весьма большую часть Северной Италии. Ломбардская корона ассоциировалась со средневековой Священной Римской империей, и эта «Железная корона» (в которой, предположительно, находился железный гвоздь от распятия) была привезена в Болонью для Карла V в 1530 г. Теперь эта же корона была перенесена в Ломбардию-Венецию XIX в. в качестве одной из нескольких корон Габсбургов, принадлежавших императору Францу. Эрцгерцог Фердинанд-Карл, дядя Франца, завершил свое долгое губернаторство в Милане, покинув его в 1796 г., но эрцгерцог Райнер-Йозеф, брат Франца, занимал пост вице-короля Ломбардии-Венеции с 1818 по 1848 г., на протяжении всей эпохи Меттерниха. В 1838 г. сын Франца, император Фердинанд, был торжественно облачен в Железную корону в Милане.

В то время как традиционно в эпоху Рисорджименто считалось аксиомой, что итальянцы в этот период угнетались Габсбургами и ненавидели Меттерниха с либеральным и националистическим пылом, историк Дэвид Лавен продемонстрировал, что многие жители Ломбардии-Венеции, вероятно, чувствовали себя более угнетенными из-за наполеоновского режима налогообложения и воинской повинности, которые предшествовали Реставрации Габсбургов. Лавен, по сути, утверждал, что «“черная легенда” о деспотичном австрийском правлении была изобретением патриотических пропагандистов, которые мало обращали внимания на реальность», и что «относительное спокойствие Ломбардии и особенно Венеции <...> в значительной степени должно быть приписано хорошему управлению»²⁰.

В 1815 г. Венский конгресс одобрил консервативную Реставрацию большинства донаполеоновских княжеств Апеннинского полуострова²¹. Династический консерватизм Конгресса, политически и идеологически направляемый самим Меттернихом, был закреплён в Священном союзе Австрии, Пруссии и России. Этот альянс объявил себя врагом всех революционных движений, особенно карбонариев, и когда в 1820 г. восстание карбонариев временно свергло Бурбонов в Неаполе, австрийская армия фактически вторглась в страну. Таким образом, Меттерних добился реставрации в 1821 г. династии Бурбонов, короля Неаполя и Сицилии Фердинанда, осуществленной во имя династического легитимизма.

В момент восстания карбонариев в 1820 г. в Неаполе находился композитор Джоакино Россини, готовивший свою оперу «Магомет II» (*Maometto Secondo*) для театра Сан-Карло. Россини, родившийся в адриатическом Пезаро на территории Папского государства в 1792 г., стал знаменитым композитором в совсем молодом возрасте в наполеоновском королевстве Италия, но после Ватерлоо его произведения имели триумфальный успех во всех оперных театрах Северной Италии времен Габсбургов, особенно в миланском «Ла Скала» и венецианском «Ла Фениче». В 1819 г. Россини сочинил кантату, посвященную визиту императора Габсбургов Франца в Неаполь, но в 1820 г. композитор продемонстрировал темную сторону имперского абсолютизма в «Магомете II», опере о личной трагедии, которая омрачила османские походы султана Мехмеда II, завоевателя Константинополя и Греции. Опера «Магомет II», действие которой разворачивается в XV в.,

не имела прямого политического значения в революционном Неаполе в 1820 г., но приобрела актуальность в 1821 г., когда восстание греков против османского владычества придало историческому произведению новый современный контекст²². В то время как Меттерних крайне настороженно относился к греческой национальной революции, Россини, казалось, неявно прославлял современных греков в своем историческом оперном сценарии.

Священный союз собирался в Вероне с октября до декабря 1822 г., стремясь сдерживать революционные движения в Италии, Испании и Греции. На нем присутствовали и Меттерних, и император Франц; Россини ненадолго посетил Верону в ноябре и сочинил кантату под названием «Священный союз» (*La Santa Alleanza*), полностью соответствовавшую ценностям габсбургского консерватизма²³. Ранее, в 1822 г., Россини посетил Вену, столицу Габсбургов, где его оперы пользовались огромной популярностью, как и во всей Европе. Меттерних дал обед в честь композитора, и последний заявил, что был поражен, «увидев, с каким уважением ко мне относится это блестящее венское собрание», в отличие, например, от жителя Вены Бетховена, к которому относились с легким пренебрежением²⁴. Статус Россини в Вене в 1822 г. также можно противопоставить суровой судьбе его современника Сильвио Пеллико, молодого пьемонтского драматурга, активиста движения карбонариев, арестованного в габсбургском Милане в 1820 г. В 1822 г. смертный приговор для него был заменен тюремным заключением, и его отправили в габсбургско-моравскую крепостную тюрьму Шпильберг (*Spilberk*). Публикация его тюремных мемуаров в 1832 г. должна была дополнить антигабсбургский настрой, выраженный в письме Мадзини Карло Альберто в 1831 г. Много лет спустя, в 1854 г., когда Пеллико умер, Россини сомпровизировал фортепианную пьесу в память о нем²⁵.

Опера Россини «Магомет II» была поставлена в Вене в 1823 г. на немецком языке под названием *Mahomet der Zweite* в придворном Кернтнер-театре²⁶. Несмотря на то что антиосманская направленность оперы не совсем соответствовала политике Меттерниха, Россини со своими кантатами Францу и Священному союзу избегал какой-либо очевидной причастности к итальянским антигабсбургским течениям. Композитор прославился в возрасте 20 лет, выступая в оперных театрах Милана и Венеции в 1812 и 1813 гг., во время наполеоновских войн, и плавно вступил в эпоху Реставрации и правления Габсбургов в Ломбардии-Венеции. Однако в первую очередь он был предан опере и своей публике. Его произведения иногда давали некоторые двусмысленные политические сигналы, но не компрометировали своего создателя, который продолжал пользоваться известностью на всей территории оперной габсбургской Италии. Премьера оперы «Семирамида» (*Semiramide*), посвященной ассирийско-вавилонскому абсолютизму, состоялась в габсбургской Венеции в театре «Ла Фениче» в 1823 г., в том же году, когда в Вене была поставлена опера «Магомет II».

Габсбурги и итальянская опера. Если театр «Ла Фениче» был открыт в конце XVIII в., при республике Сан-Марко, еще до прихода к власти Габсбургов, то «Ла Скала» в Милане являлась

габсбургским театром с самого своего основания в 1778 г. Его первой постановкой в том году стала «Роскошная Европа» (*L'Europa riconosciuta*) Антонио Сальери, спектакль, посвященный эрцгерцогу Габсбургов Фердинанду-Карлу, губернатору Милана, и его жене Марии Беатрис д'Эсте из Модены²⁷. Ломбардия была землей Габсбургов, а Милан – габсбургским городом, основанным во времена Карла V. Сначала им управляли из Мадрида, а затем, после войны за австрийское наследство, из Вены. Великая эпоха миланской контрреформации в XVI в., при архиепископе Карло Борромео, пришлась на период правления испанских Габсбургов. Блестящее поколение миланских просветителей XVIII в. – писателей, объединившихся вокруг журнала *Il Caffè*, включая Чезаре Беккариа, автора книги «О преступлениях и наказаниях» (*Dei delitti e delle pene*), опубликованной в 1764 г., – философствовало под эгидой австрийских Габсбургов.

Хотя Сальери, написавший итальянскую оперу к открытию театра «Ла Скала», родился неподалеку от Вероны, его долгая служба при дворе в Вене способствовала тому, что императрица Габсбургов Мария-Терезия считала его не просто итальянцем, а скорее габсбургским композитором, одним из «наших»: «Что касается театра, я признаюсь, что предпочитаю итальянцев всем нашим композиторам: Гассману, Сальери, Глюку и другим», – писала императрица в 1772 г. «Иногда они могут написать одну или две хорошие пьесы, но в целом я всегда предпочитаю итальянцев»²⁸. Итальянские комические оперы неаполитанцев Джованни Паизиелло и Никколо Пиччинни регулярно ставились в Вене эпохи Марии-Терезии, но она присвоила себе Сальери, который сформировался под влиянием австрийско-богемской музыки, за его австрийскую традицию, которую, по ее словам, она сама не предпочитала; это было поразительным свидетельством взаимосвязанного развития итальянской оперы и придворной оперы Габсбургов, восходящего к становлению самой оперы как жанра в начале XVII в.

Император Фердинанд II, развязавший в 1618 г. Тридцатилетнюю войну в Священной Римской империи, в 1622 г. женился во второй раз на Элеоноре Гонзага из Мантуи, которая особо покровительствовала итальянской музыке и музыкантам в Вене. В 1607 г., когда она была еще ребенком, в Мантуе состоялась знаменательная премьера оперы Клаудио Монтеверди «Орфей» (*Orfeo*), и ее присутствие, возможно, помогло быстро распространить итальянскую оперу в монархии Габсбургов, сначала в Праге в 1627 г., а затем и в Вене. Стивен Сондерс указывал, что при Фердинанде II в Вене преобладали итальянские музыканты – как певцы, так и инструменталисты, и «в императорской капелле были представители всех важных музыкальных центров Италии»²⁹. После Тридцатилетней войны связь между Мантуей и Веной была подтверждена бракосочетанием внучатой племянницы Элеоноры, также Элеоноры Гонзага, и императора Фердинанда III в 1650 г., что привело в Вену еще один итальянский двор. Она пережила своего мужа и затем до самой своей смерти в 1686 г. была вдовствующей императрицей при дворе своего пасынка императора Леопольда I, который правил с 1658

по 1705 г. При Леопольде итальянские литература и музыка, а особенно опера, стали основой культуры барокко венского двора. Р.Дж.У. Эванс также утверждал, что опера барокко являлась важным культурным средством идеологической легитимации в монархии Габсбургов XVII и XVIII вв.³⁰

Император Леопольд сам был композитором, он положил на музыку итальянские тексты, и опера стала определяющей музыкальной формой его правления начиная с представления в 1668 г. монументальной оперной композиции «Золотое яблоко» (*Il pomo d'oro*), написанной Антонио Чести в честь 17-летия императрицы, супруги Леопольда, испанской инфанты Маргариты Терезии. Тщательно продуманная постановка в стиле барокко с участием бурь, землетрясений и драконов была создана Людовико Бурначини из Чезены, и ее финал изображал императора и императрицы Габсбургов в облаках. Л. Бурначини не был чужаком при этом дворе: его отец Джованни служил сценографом при Фердинанде III. «Золотое яблоко» по окончании оперы получила не греческая богиня, а скорее юная императрица, превратившая итальянскую оперу в идеологическое подтверждение родственного союза австрийских и испанских Габсбургов в их глобальном династическом предприятии³¹.

На протяжении всего правления Леопольда Л. Бурначини ставил итальянские оперы, часто сотрудничая с композитором Антонио Драги из Римини и либреттистом и придворным поэтом Николо Минато из Бергамо³². В 1680-х гг. Бурначини также разработал эскизы Чумного столба (*Pestsäule*) на Грабене; памятник, выполненный тирольским скульптором Паулем Штруделем, изображал молящегося Леопольда, Святую Троицу и три короны Габсбургов: императорскую, венгерскую и богемскую. Темы идеологической легитимации Габсбургов были представлены в стиле барокко как в памятниках, так и в операх³³.

Серьезным кризисом в период правления Леопольда стала осада Вены османами в 1683 г., и после снятия этой осады, за которой последовало отвоевание Габсбургами Венгрии у турок, дух габсбургского триумфализма распространился на итальянские земли. В габсбургском Милане ломбардский поэт Франческо Де Лемене опубликовал в 1684 г. свое посвящение:

«О, трепещущая Европа,
О, непобедимый Леопольд, душа и сердце...»
(*O d'Europa tremante,
Invitto Leopoldo, anima, e core...*)³⁴

Однако Леопольд оказался менее непобедимым в войне за испанское наследство, завершившей его правление, против своего французского современника и соперника Людовика XIV. Габсбурги уступили Испанию Бурбонам после окончания войны в 1714 г., но Ломбардия и даже Неаполь на протяжении жизни одного поколения оставались за Габсбургами и управлялись из Вены.

Именно в габсбургском Неаполе в 1722 г. поэт римского происхождения Пьетро Метастазियो впервые соприкоснулся с династией Габсбургов, написав либретто для Фаринелли в честь визита императрицы Елизаветы-Кристины, жены императора Карла VI,

сына Леопольда. Метастазиио поселился в Вене в 1730 г. и служил придворным поэтом Габсбургов, создавая оперные либретто, которые одновременно развлекали и прославляли императорскую семью и двор. Например, в 1732 г. он представил оперу «Адриано в Сирии» (*Adriano in Siria*), поставленную на музыку венецианского композитора Антонио Кальдары (который также занимал пост при венском дворе) с декорациями Антонио Галли да Бибиены (происходившего из знаменитой семьи художников-декораторов из Болоньи). Героем оперы стал римский император Адриан, и она была поставлена в честь императора Габсбургов Карла VI в день его именин в придворном театре Кернтнертор, спроектированном в 1709 г. болонским архитектором Антонио Бедуцци³⁵. В Вене присутствовали артисты со всего Апеннинского полуострова, и они внесли свой вклад в постановку итальянской оперы, которая также была габсбургской и венской по своему контексту и вдохновению.

«Император, не бойся, – писал Метастазиио Карлу. – Адриано не посмеет сравнивать себя с тобой. Он являет собой не образец для подражания, а зрелище... Он только иногда бывает великим и справедливым, а ты таков всегда»³⁶. Метастазиио не только прославил династию Габсбургов в Вене, но и превратил Вену в европейский центр постановки итальянских опер. Опера «Адриано в Сирии», как и многие либретто Метастазиио 1730-х и 1740-х гг., в XVIII в. ставилась по всей Европе. Либретто Метастазиио к опере «Милосердие Тита» (*La clemenza di Tito*), впервые написанное Кальдарой для Вены в 1736 г. во славу милосердия Карла VI в роли Тита, все еще находилось в процессе адаптации в 1791 г., когда Моцарт написал свою оперу в честь императора Леопольда II, бывшего великого герцога Тосканы. Бедуцци умер в Вене в 1735 г., Кальдара умер в Вене в 1736 г. Метастазиио же прожил в Вене до своей смерти в 1782 г., целых полвека после постановки «Адриано в Сирии».

Итальянские деятели, внесшие свой вклад в культуру Габсбургов, были не просто приезжими; многие из них жили и умерли в Вене. В случае с Сальери, сочинявшим оперу на открытие театра «Ла Скала» в 1778 г., трудно сказать, был ли он итальянским композитором, работавшим в габсбургском Милане, или венским композитором, посетившим итальянскую Ломбардию под эгидой Габсбургов. Эта двусмысленность идентичности и контекста сохранялась и в начале XIX в., когда Россини, а затем и Верди писали оперы для постановки в габсбургских Милане, Венеции и Флоренции – оперы, которые также ставились в Вене. В 1822 г. Россини все же смог встретиться с Сальери в Вене, чтобы познакомиться с Бетховеном³⁷.

Австрия и «Вильгельм Телль». В 1825 г., в год смерти Сальери в Вене, Россини поселился в Париже, где стал участвовать в оперной политике Франции эпохи Реставрации. Карл X, последний оставшийся в живых брат Людовика XVI, вззошел на французский престол в 1825 г., и Россини незамедлительно сочинил блестящую комическую оперу «Путешествие в Реймс» (*Il viaggio a Reims*), поставленную в Париже в 1825 г. в честь коронации Карла в Реймсе. Это был еще один знак готовности Россини участвовать в культуре

консервативной Реставрации³⁸. Однако в то же время в Париже он начал писать серию оперных произведений на французском языке для Парижской оперы, иногда с менее консервативным политическим подтекстом. Первая из этих опер, увидевшая свет в 1826 г., представляла собой переработку «Магомета II» под названием «Битва при Коринфе» (*Le siège de Corinthe*) и, хотя и оставалась якобы исторической, теперь еще более явно отсылала к современной войне Греции за независимость. Французская версия, которая включала зажигательный греческий гимн национальной свободе и призыв к древнему духу Марафонской битвы, казалось, настолько точно отсылала к текущей войне за независимость Греции, что один французский журналист прокомментировал это так: «Если это новое произведение – заметка о Греции, то напечатайте ее в *Moniteur*. Если это опера, то исполняйте ее; но так или иначе выберите что-то одно»³⁹. Живя и работая в Париже, Россини стремился удовлетворить страстный эллинизм французской публики.

Вторая большая опера Россини, поставленная в Париже в 1827 г., являлась французской переработкой его оперы «Моисей в Египте» (*Mosè in Egitto*), написанной на итальянском языке для Неаполя в 1818 г., и называлась «Моисей и фараон» (*Moïse et Pharaon*). В ней свобода евреев противопоставлялась абсолютизму фараона. Однако самое непосредственное отношение к Австрии имела последняя опера Россини «Вильгельм Телль» (*Guillaume Tell*) о борьбе Вильгельма Телля за свободу Швейцарии против деспотичных Габсбургов. Опера «Вильгельм Телль», поставленная в Париже в 1829 г., вызвала особую антигабсбургскую реакцию во имя свободы, а в 1831 г., в том же году, когда Мадзини опубликовал свое письмо Карло Альберто, «Вильгельм Телль» был поставлен в Лукке, а затем во Флоренции – двух городах габсбургской Тосканы – по итальянскому либретто как «Гульельмо Телль» (*Guglielmo Tell*). На самом деле флорентийское либретто, опубликованное в *Stamperia Fantosini* для постановки в «Театре делла Пергола», было представлено в Вене под покровительством Его императорского и королевского высочества Леопольда II, великого герцога Тосканского, племянника габсбургского императора Франца⁴⁰. Иными словами, «Вильгельм Телль», опера о великом швейцарском враге Габсбургов, была поставлена на итальянском языке под покровительством семьи Габсбургов, которую уже начинали воспринимать как главного врага Италии.

Опера Россини «Вильгельм Телль» представляет собой инсценировку вооруженного восстания против Габсбургов в Австрии, предпринятого швейцарцами в позднем Средневековье, но задуманную для оперной сцены XIX в. Злодей Гесслер, который заставил Телля сбить яблоко с головы своего сына, был австрийским представителем Габсбургов в Швейцарии, и швейцарцы хором восстали против «жестокого и вероломного тирана». По французскому либретто Виктора-Жозефа Этьена де Жуи и Ипполита Биса, основанному на пьесе Фридриха Шиллера 1804 г., хор называл Гесслера на «мадзинском» языке «тираном», а по-французски зарифмовал «вероломство» с «убийством»⁴¹. Затем либретто было переведено на итальянский язык Калисто Басси для поста-

новок в Лукке и Флоренции осенью 1831 г. Осуждение Гесслера на итальянском языке было менее явным, поскольку Северная Италия находилась под властью Габсбургов, но хор смог призвать ни много ни мало к оружию (*ad armarsi*) и отмщению (*vendetta*) ⁴². «Вильгельм Телль» на итальянском языке, приехавший в Италию в 1831 г., таким образом, очевидно, повторил призыв Мадзини к войне против Австрии. Также в 1831 г. в герцогствах Парма и Модена, находившихся под властью Габсбургов, имели место итальянские революционные выступления, которые были быстро подавлены ⁴³.

После знаменитой увертюры опера «Вильгельм Телль» (*Guillaume Tell, Guglielmo Tell*) в первых сценах быстро переходит к блестящему дуэту Телля и юного Арнольда, влюбленного в Матильду, которая в итальянском либретто обозначена как «принцесса Хасбургская» ⁴⁴. Сама Матильда, хотя и габсбургжанка, в конечном счете должна была оценить злодейство Гесслера, австрийского губернатора (ее брата, согласно французскому либретто). В героическом ключе ми-бемоль Телль предупреждает Арнольда об австрийских врагах, и Арнольд исполняет серию ослепительно высоких *до*, воспевая свою любовь к Матильде и одновременно признавая свой долг перед Родиной (*alla patria, al dover mio*). В итальянском либретто 1831 г. в арии Телля звучит нота «вендетты» против «габсбургского угнетателя», призывающая Арнольда подумать об освобождении своей страны (*la patria a liberar*) ⁴⁵. Когда Гесслер, как представитель власти Габсбургов, появляется в третьем акте, он произносит речь от имени «Германской империи»:

«Пусть Германская империя получит сегодня
Священный обет вашего повиновения»
(*Che l'Impero Germano oggi riceva
Della vostra obbedienza il sacro pegno*) ⁴⁶

Когда это звучало в Лукке и Флоренции в 1831 г., Германскую империю легко было бы отождествить с империей Габсбургов Франца и Меттерниха в Вене. В конце действия, после того как Телль бросил вызов Гесслеру и Гесслер жестоко призвал выстрелить в яблоко, хор австрийских солдат поет «Да здравствует Гесслер!» (*evviva Gessler*), а хор швейцарцев отвечает *фортиссимо* «Проклятие Гесслеру!» (*anatema a Gessler*) ⁴⁷. В 1831 г. итальянская публика легко отождествляла себя с хором швейцарцев, проклинающих тиранию Габсбургов. После того как в четвертом акте Гесслер встречает свою смерть, сраженный стрелой Телля, небесные звуки арфы прославляют Телля, а швейцарский хор исполняет заключительную патриотическую композицию до-мажор «Все меняется» (*Tout change / Tutto cambia*). В Париже в 1829 г. швейцарский хор, подражая Теллю, спел «Свобода, вновь спустись с небес!» (*Liberté, redescends des cieux!*). Это было весьма провокационно в политически важный момент, так что в опубликованном итальянском либретто 1831 г. призыв к свободе был полностью исключен ⁴⁸. Когда в 1840 г. опера была поставлена в Болонье, место действия незаметно перенесли из Швейцарии в Шотландию, чтобы инсценировать восстание шотландцев против английского короля ⁴⁹.

Карл V в опере Верди «Эрнани». Джузеппе Верди родился в 1813 г. в деревне Ронколе, которая в тот момент все еще являлась частью наполеоновской империи. Однако вскоре суверенитет над ней перешел к герцогству Парма под правлением Марии-Луизы, которая была одновременно бывшей наполеоновской императрицей и – что было более важным во времена Реставрации – дочерью габсбургского императора Франца. Таким образом, Верди вырос в сфере влияния семьи Габсбургов и обратился в 1831 г. к Марии-Луизе за стипендией для поддержки своего музыкального образования. Затем в 1832 г. он переехал из г. Буссето, расположенного в герцогстве Парма, в Милан, которым Франц непосредственно управлял из Вены как частью королевства. Теперь он обратился к правительству Габсбургов: «Джузеппе Верди начал изучать музыку, но, не имея средств на своей родине, в Буссето (Парма), достичь того совершенства, к которому он стремится, хотел бы с этой целью поступить в качестве студента, оплачивающего проживание и питание, в Императорскую королевскую музыкальную консерваторию в Милане. Поэтому он адресует свое заявление в Имперское королевское правительство»⁵⁰. Формула *imperiale-regio* («императорский королевский», сокращенно *I.R.*) была итальянским переводом немецкого обозначения *kaiserlich-königlich* (сокращенно *k.k.*), которое характеризовало правление Франца как императора Австрии и короля Венгрии, а также короля Ломбардии-Венеции. Вице-королем Ломбардии-Венеции с 1818 по 1848 г. являлся брат Франца, эрцгерцог Райнер-Иосиф, женатый на Елизавете Савойской, сестре короля Карло-Альберто в Турине. Верди, который в течение следующего десятилетия стал воспринимать себя как мадзинианского врага Габсбургов и который даже носил пышную мадзинианскую бороду, продолжил свое музыкальное образование и раннюю карьеру в учреждениях и под патронатом империи Габсбургов.

Его первый большой успех – опера «Набукко» (*Nabucco*), премьера которой состоялась в театре «Ла Скала» в 1842 г. И хотя либретто феррарского писателя Темистокле Солеры касалось изгнания и угнетения евреев в Вавилоне при Навуходоносоре, в течение последующих десятилетий итальянская публика стала ассоциировать вавилонских тиранов с Габсбургами, правившими Италией, а библейских евреев – с угнетенными итальянцами начала XIX в. Конечно, вердиевский гимн еврейской национальной тоски «Лети, мысль, на золотых крыльях!» (*Va pensiero sull'ali dorate*), в конечном счете (хотя и не сразу), стал неофициальным гимном итальянского Рисорджименто и остается альтернативным национальным гимном Италии по сей день. Предполагалось, что в либретто содержится отсылка к 137-му псалму «У рек Вавилонских», но нарастающая хоровая кульминация «О, моя родина, такая прекрасная и утерянная» (*O mia patria, sì bella e perduta*) могла быть косвенно понята итальянцами как отсылка к политически поработанной Италии, к итальянцам, которые чувствовали себя изгнанниками даже в пределах своего отечества⁵¹.

Проживая в габсбургском Милане, Верди посещал салон графини Клары Маффеи, который был тесно связан с «Молодой Италией».

Тем не менее это не помешало ему отправиться в Вену в апреле 1843 г., чтобы дирижировать успешной премьерой «Набукко» в столице Габсбургов; это также не помешало Марии-Луизе, герцогине Пармской, присутствовать на премьере «Набукко», которая состоялась в Парме в том же месяце и на которой Верди был увенчан на сцене лавровым венком. Его следующая опера «Ломбардия в Первом крестовом походе» (*I Lombardi alla prima crociata*) была вроде бы посвящена Милану и средневековым ломбардским крестоносцам, но на самом деле – Марии-Луизе в Парме. В знак благодарности она подарила ему бриллиантовую булавку⁵². Верди, как и до него Россини, в своей карьере прекрасно умел балансировать между требованиями власти и покровительством Габсбургов, с одной стороны, и проявлением патриотических чувств к Италии – с другой.

В одном из рассказов о Верди, написанном в XIX в., отмечались «жгучие страстные мелодии, которые Верди сочинял, когда [драматические] ситуации или даже отдельные стихотворные отрывки напоминали ему о несчастном положении Италии или о ее надеждах» и утверждалось, что «публика повсюду видела намеки; но Верди осознал их еще раньше, чем публика»⁵³. В конечном итоге Верди стал патриотически настроенным гражданином Италии после ее объединения в 1859 г. и даже был избран итальянским сенатором в 1874 г. Однако он сделал свою карьеру в 1840-х и 1850-х гг. в контексте господства Габсбургов на полуострове и особенно в оперных столицах, где он был наиболее активен. Среди его главных премьер в театре «Ла Скала» в габсбургском Милане – «Набукко» (*Nabucco*, 1842) и «Ломбардия» (*Lombardi*, 1843), а в театре «Ла Фениче» в габсбургской Венеции – «Эрнани» (*Ernani*, 1844), «Аттила» (*Attila*, 1846), «Риголетто» (*Rigoletto*, 1851), «Травиата» (*La Traviata*, 1853) и «Симон Бокканегра» (*Simon Boccanegra*, 1857), в габсбургском Триесте – «Корсар» (*Il Corsaro*, 1848) и «Стиффелио» (*Stiffelio*, 1850), в габсбургской Флоренции – «Макбет» (*Macbeth*, 1847).

В то время как различные либретто, такие как «Набукко», «Макбет» и «Аттила», позволяли Верди поразмыслить над проблемами тирании, ранним произведением, наиболее явно посвященным династии Габсбургов, являлась опера «Эрнани», в которой одной из главных была фигура Карла V. В этой опере, поставленной по пьесе Виктора Гюго на либретто венецианского писателя Франческо Марии Пьяве, действие которой происходит в основном в Испании, главную роль играет сопрано Донна Эльвира, которую любили три разных вокальных типа: жестокий бас Сильва, властный баритон Дон Карлос и героический тенор – разбойник Эрнани⁵⁴. Баритон Дон Карлос был олицетворением исторической фигуры первого испанского короля Габсбургов Карла I, который по ходу действия оперы избирается императором Священной Римской империи Карлом V. Таким образом, Верди, живя под властью Габсбургов, получил возможность положить историю династии на музыку и, по сути, инсценировать самого Габсбурга, правителя, который при помощи военной силы вторгся на Апеннинский полуостров в XVI в., императора, разграбившего Рим в 1527 г. и положившего начало многовековому правлению династии в Милане и Ломбардии, продолжавшемуся до самой смерти

Верди. Опера «Эрнани», впервые поставленная в габсбургской Венеции в 1844 г., в том же году была представлена в габсбургской Вене, Милане и Парме.

При своем первом появлении Дон Карлос, король Испании, является переодетым, чтобы ночью добиться расположения Эльвиры, сожалея о том, что она, по всей видимости, благоволяет к его врагу, разбойнику Эрнани. Дон Карлос лирически поет о своей любви к Эльвире, но затем становится слишком настойчивым в своих притязаниях – и в этот момент на сцене появляется Эрнани и встает на ее защиту. Своеобразие исторического характера Дона Карлоса становится еще более очевидным в заключительном аккорде ля-мажор, когда он размышляет о предстоящем избрании императором Священной Римской империи, которое сделает его самым могущественным человеком в Европе. Эльвира и Эрнани поют о сопротивлении и вызове тирании, а Дон Карлос (его текст едва слышен в ансамбле) – о великолепии императорской короны, а также размышляет о том, что в случае избрания ему нужно будет проявить себя достойным (*degnò mostrarmi*) «добродетели милосердия» (*clemente giustizia*)⁵⁵. Таким образом, Верди и Пьяве почти с самого начала доказывают, что Дон Карлос будет не просто мстительным баритоном-злодеем, но скорее могущественным баритоном-авторитетом, способным провести собственную моральную реформу из чувства политической ответственности. Сам Верди, возможно, по причине того, что жил под властью Габсбургов и представлял Эрнани в габсбургском городе, был склонен относиться к исторической фигуре Карла V с некоторой снисходительностью, даже с чувством «благородной справедливости».

В полной мере эта снисходительность Верди стала очевидна в третьем акте, где доминирует фигура Дона Карлоса и представлен исторический момент его возведения в сан императора Священной Римской империи в Экс-ля-Шапель (Ахен по-немецки, Аквисграна по-итальянски), что резко изменило испанскую постановку всей оперы. На самом деле Карл был избран императором Священной Римской империи во Франкфурте в 1519 г., а затем коронован в Экс-ля-Шапель в 1520 г., но опера объединяет эти два события и представляет Карла ожидающим своего избрания у гробницы Карла Великого в Экс-ля-Шапель. Карл Великий был коронован как самый первый император Священной Римской империи папой Львом III в Риме на Рождество 800 г., в то время как Карл V был коронован как «король римлян» (или «римско-германский король») в Экс-ля-Шапель в 1520 г. и в конечном итоге – как император Священной Римской империи в Болонье в 1530 г., хотя эта последняя коронация не вошла в сюжет оперы.

У гробницы Карла Великого, в ожидании известия о своем избрании Дон Карлос поет с благородным чувством политической ответственности: темные краски кларнета, бас-кларнета и фагота исполняют его каватину ля-бемоль (*Oh de' verd'anni miei*). Он вспоминает свою юность под звуки виолончели. Он видит себя призванным на «самый высокий трон», возносящимся ввысь подобно орлу – символическому орлу Габсбургов – и пред-

ставляет, как имя его триумфально звучит в веках ⁵⁶. Действительно, это имя по-прежнему вызывало сильные исторические ассоциации, не все из которых были негативными, у итальянцев XIX в., таких как Верди. В заключение третьего действия Дон Карлос взывает к духу Карла Великого – *адажио* под аккомпанемент арфы (*O, sommo Carlo*); восхваляет добродетели Карла Великого, а не только его имя. Дон Карлос великодушно прощает заговорщиков (включая Эрнани), которые пытались его убить ⁵⁷. Таким образом, в 1840-х гг. Верди, казалось, оправдывал Карла V великолепной вокальной музыкой, выражавшей великодушие, кульминацией которой стало выступление ансамбля в честь его восшествия на престол.

Верди и габсбургские варвары. Верди жил в Париже, когда в феврале 1848 г. там разразилась революция, и сообщил Эмили Морозини в Милан, что стал свидетелем «происходивших сцен, как серьезных, так и комических» (*le scene e serie e buffe*). Он писал так, будто революция была оперным событием неопределенного жанра, чем-то средним между оперой-серией (*opera seria*) и оперой-буфф (*opera buffa*) ⁵⁸. Так как Верди находился в Париже, он не был свидетелем мартовской революции в Милане, борьбы на баррикадах против войск Габсбургов, но в апреле отправился в Милан, чтобы отпраздновать победу революции. В письме из Милана в Венецию Пьяве Верди сообщал, что был «пьян от радости» по случаю отъезда австрийцев ⁵⁹. По просьбе Мадзини Верди сочинил национальный хоровой гимн (на текст Гоффредо Мамели), чтобы призвать итальянцев сражаться против желтых и черных цветов Габсбургов:

«Трубите в трубы: они дрожат,
черно-желтые флаги,
Огонь! С Богом, на варваров...»
(*Suona la tromba: ondeggiando
le insegne gialle e nere,
Fuoco! per Dio, sui barbari...*) ⁶⁰

Габсбургов называли варварами – тот же эпитет Мадзини использовал в 1831 г. К тому времени, когда Верди закончил сочинять гимн, чтобы отправить его Мадзини (с «сердечным приветом от того, кто питает к Вам глубокое почтение»), он уже вернулся в Париж, Мадзини – в швейцарский Лугано, а армия Габсбургов под командованием 80-летнего фельдмаршала Йозефа Радецкого вернула Милан ⁶¹.

В гимне Верди воспевались «мученики, убитые тиранами» – итальянские мученики и габсбургские тираны. Верди писал Джузеппине Аппиани в Милан, что «даже если австрийцев вынудить покинуть Ломбардию», они могут сначала «все разграбить и сжечь» (*saccheggierebbe e abbrucerebbe tutto*) ⁶². Использование условного времени только подчеркивало разрушительный потенциал габсбургского врага, который грабил и сжигал, как истинные варвары, – и «разграбление Рима» на самом деле было тесно связано с покорением Габсбургами Италии при Карле V.

В феврале 1859 г. в Риме состоялась премьера оперы Верди «Бал-маскарад» (*Un ballo in Maschera*), но история убийства

шведского короля Густава III была признана цензурой неприемлемой и сюжет был перенесен из Стокгольма в Бостон. В апреле 1859 г. уже началась война за независимость Италии. Кавур, предположительно, пел фрагмент военной арии *Di quella pira* из оперы «Трубадур» (*Il Trovatore*) в начале войны, а Верди беспокоился из-за того, что его вилле в Сант-Агате неподалеку от Буссето угрожали австрийские войска. «Наконец-то они ушли!» – писал Верди Кларе Маффеи в июне, – «или, по крайней мере, они на расстоянии, и пусть наша счастливая звезда отдаляет их все дальше и дальше, пока они не будут изгнаны обратно за Альпы, чтобы наслаждаться своим климатом»⁶³.

Война 1859 г. привела к окончательному изгнанию Габсбургов из Ломбардии и объединению Италии, но Верди был огорчен, узнав в июле, что Габсбурги удерживают Венецию: «Так где же столь желанная и обещанная независимость Италии?»⁶⁴ Венеция оставалась под властью Габсбургов до 1866 г., когда она была захвачена Италией во время австро-прусской войны Бисмарка и когда Верди усердно работал над «Доном Карлосом», своим самым важным оперным произведением о Габсбургах, посвященным загробной жизни Карла V, испанскому правлению его сына Филиппа II и трагедии его внука инфанта Дона Карлоса.

Призрак Карла V в опере «Дон Карлос». Между 1859 и 1872 гг. немецкий историк Фердинанд Грегоровиус опубликовал свою многотомную «Историю города Рима в Средние века», которая завершалась разграблением Рима в 1527 г. и покорением Италии Карлом V. В 1872 г. эта работа начала выходить в итальянском издании (Венеция) и представляла собой четкое для итальянцев эпохи Рисорджименто изложение тезиса о Карле V как о завоевателе Италии и гонителе итальянской свободы. Историк живо описал разграбление Рима империей в 1527 г., используя в качестве отправной точки действия древних вандалов: «разграбление Рима в варварские времена Гейзериха было гуманным по сравнению с ужасами, причиненными армией Карла V»⁶⁵. Пришествие Карла V, кульминацией которого явилась его коронация в Болонье в 1530 г., стало последней катастрофической главой в славной истории средневековой и ренессансной Италии: «самая темная ночь страданий Италии, опустошение, вызванное разграблением Рима, упадком Милана, гибелью Флоренции, и сотня разрушенных и обезлюдивших городов послужили фоном для императорской коронации Карла V»⁶⁶. С последующей имперской осадой Флоренции и утверждением там династии Медичи в качестве ставленников Габсбургов свободе Италии был нанесен заключительный удар: «Флоренция пала всего через три года после Рима и от рук тех же солдат императора, которые заковали Италию в оковы. <...> С Флоренцией закончилась не только свобода Италии, но и самый блестящий период итальянской культуры». Италия стала отныне «порабощенной страной»⁶⁷. Обвиняя Карла V в порабощении Италии, Грегоровиус выражал национальную враждебность итальянцев к Габсбургам в эпоху Рисорджименто.

«Дон Карлос», поставленный на французском языке в Париже в 1867 г. (и на итальянском, как «Дон Карло» в том же году

в Лондоне и Болонье), был основан на пьесе Фридриха Шиллера 1780-х гг., действие которой происходило после правления Карла V, его отречения в 1556 г. и смерти в 1558 г. Дж. Верди вместе со своими французскими либреттистами Жозефом Мери и Камилем дю Локлем инсценировали правление в Испании сына Карла Филиппа II, который был представлен как политический и религиозный деспот, в отличие от своего более либерального сына Дона Карлоса. Романтическая драма повествует о любви Карлоса к его мачехе Елизавете де Валуа, которая на самом деле вышла замуж за Филиппа II в 1559 г., и опера заканчивается смертью Карлоса, которая на самом деле произошла в 1568 г. Эти исторические даты наводят на мысль, что действие оперы должно было происходить в 1560-х гг. Действие первого акта происходит в Фонтенбло, где показана первая встреча Дона Карлоса с Елизаветой незадолго до ее свадьбы с его отцом, а музыка сосредоточена на дуэте для тенора и сопрано. Действие второго акта переносит действие драмы в Испанию и (в отличие от Шиллера) разворачивается в монастыре Сан-Херонимо-де-Юсте, где Карл V жил монахом после своего отречения.

В инструкции по оформлению сцены указано, что «справа находится освещенная часовня с виднеющейся сквозь золотую решетку гробницей Карла V», а сцена начинается с того, что квартет валторн исполняет торжественную музыкальную фразу, нарастающую в громкости как *крецендо*, а затем понижающуюся и смягчающуюся как *диминуэндо*. Хор монахов в часовне у гробницы Карла тихо поет в торжественном ре-мажор, сохраняя почти монотонный тон – Charles Quint l'auguste Empereur, – а оркестр взволнованно переходит на усиленный ре-аккорд на последнем слоге ⁶⁸. Таким образом, дух покойного Карла V доминирует над сценой с самого начала, когда действие разворачивается рядом с его могилой и начинается хором поминовения, как будто его смерть наступила только что или как будто по нему вечно скорбят. Однако хор извлекает урок из его жизни.

«Карл V, августейший император,
превратился в прах.
И теперь его гордый дух
трепещет у ног Господа»
(Charles Quint l'auguste Empereur
N'est plus que cendre et que poussière.
Et maintenant son âme altière
Est tremblante aux pieds du Seigneur) ⁶⁹

Хор Верди не прославляет Карла, а скорее демонстрирует наказание и смирение покойного императора за его гордый дух. После хорового четверостишия один монах, бас, начинает сольную арию с монотонного си-бемоль на тремоло-струнах.

«Он хотел править миром,
забыв о Том, чья рука
указывала звездам их путь.
Его гордость была велика,
его безумие безгранично!»

(Il voulait régner sur le monde,
Oubliant Celui dont la main
Aux astres montra leur chemin.
Son orgueil était grand,
Sa démente profonde!) ⁷⁰

Таким образом, особое обвинение Карлу V и его гордыне было связано с его политическими амбициями «править миром», которые включали покорение Италии.

В 1860-х гг., когда Габсбурги были унижены, проиграв несколько войн подряд Франции и Пруссии, и вынуждены были уступить свои итальянские территории недавно объединенному итальянскому королевству, Верди создал хор монахов, который с благочестивым упреком пел о ложной гордости Карла V, безумии его веры в то, что он мог бы править миром. В 1867 г., в год постановки оперы «Дон Карлос», император Габсбургов Франц-Иосиф был вынужден отказаться от своих притязаний на политический абсолютизм, предоставить полную автономию своим венгерским землям в рамках австро-венгерского Компромисса 1867 г. и признать конституционное правление в обеих половинах империи Габсбургов. В том же году брат Франца-Иосифа, Максимилиан, был казнен в Мексике после неудачной попытки создать мексиканскую империю Габсбургов (первоначально созданную в 1521 г. Карлом V, когда Эрнан Кортес завоевал Теночтитлан). «Велик только Бог», – пели монахи в «Доне Карлосе», утверждая, что император Габсбургов был самонадеян в своем стремлении к величию. Теперь они пели в торжественной тональности фа-диез мажор – той же, которую Верди использовал для еврейского хора Va Pensiero в опере «Набукко» ⁷¹.

После хоровой арии монахов о Карле V его внук Дон Карлос прибывает в монастырь, «где завершил свою жизнь мой предок Карл V». Дон Карлос ищет убежища от своих личных страданий (любви к мачехе). И все же монах-бас предостерегает его: «Сын мой, земные горести преследуют нас даже здесь». Карлос едва слышит это послание, потому что его поражает голос монаха. «От этого голоса я дрожу», – поет он, перебирая дрожащие струны тремоло: «О ужас, мне показалось, что я увидел тень императора (l'ombre de l'Empereur)». Он задается вопросом, не скрывает ли монашеское одеяние корону и золотые доспехи Карла. Таким образом, уже в этой ранней сцене можно увидеть предупреждение, что либо Карлос исключительно впечатлителен и психически неуравновешен, либо, возможно, бас-монах на самом деле является призраком Карла V, выходящим из могилы и навещающим монастырь и внука. Это вступление ко второму акту стало началом всей оперы, когда Верди в конце концов переработал и превратил свою пятиактную французскую оперу в четырехактную итальянскую, и, поскольку монах и монастырь вернулись на сцену в финальном действии, образ гробницы и призрака Карла V стал ключевым для всей оперы в ее итальянской версии.

Трепетное узнавание голоса деда повергает Карлоса в ужас: «Ужас, ужас» (ô terreur, ô terreur), но голос монаха звучит все более отдаленно ⁷². Затем сцена продолжается появлением Родриго,

большого друга Карлоса, и их голоса соединяются в дружеском дуэте для тенора и баритона. Пока таинственный монах увещевает правителей, подобных Карлу V, желавших править миром, именно Родриго, только что вернувшийся из габсбургской провинции Фландрия, осознает жестокие последствия имперского правления. С 1560-х гг. испанское владычество над Голландией и Фландрией становилось все более напряженным, поскольку католицизм Филиппа, выступавшего за контрреформацию, вступил в репрессивный конфликт с голландским и фламандским протестантизмом. Карл V родился во Фландрии, в Генте, и испытывал сильную привязанность к этой провинции, а у его сына Филиппа II не было подобных сентиментальных ассоциаций. Его войска совершили жестокое и разрушительное «разграбление Антверпена» в 1576 г., спустя полвека после разграбления Карлом Рима в 1527 г., и десятилетия восстаний привели к независимости Голландии, но подчинению Фландрии.

В опере Родриго – великий сторонник дела Фландрии, полный решимости привлечь Карлоса, наследника Габсбургов, к ее спасению. «Голос фламандцев зовет Вас, – поет Родриго. – Помогите им, Карлос, будь их Богом и спасителем». Вместе в дуэте они поют о своей «любви к свободе»⁷⁴. Однако к тому времени, как Верди написал свою оперу в 1860-х гг., проблема Фландрии утратила актуальность, она решилась посредством обретения Бельгией независимости в 1830 г. Для Верди «Фландрия», несомненно, олицетворяла итальянские провинции, принадлежавшие Габсбургам, такие, например, как Ломбардия, которая была освобождена совсем недавно, в 1859 г., или Венеция, освобожденная в 1866 г. – как раз в то время, когда Верди сочинял оперу «Дон Карлос». В письме к своему другу Джузеппе Пироли в 1866 г. Верди утверждал, что огорчен необходимостью уехать в Париж для работы над «Доном Карлосом» как раз в тот момент, когда война с Австрией вот-вот должна была начаться вновь. Верди сочувствовал тревоге Пироли за своего сына, которому предстояло сражаться: «Славное горе, которое, я надеюсь, превратится в радость, когда ты в следующий раз обнимешь сына среди спасителей (redentori) бедной Венеции»⁷⁵. Таким образом, Верди писал Пироли в духе Родриго, советуя Карлосу стать спасителем Фландрии.

Враждебность Верди по отношению к правлению Габсбургов XVI в., усиленная его антиклерикализмом XIX в., пожалуй, наиболее отчетливо проявилась в тревожной сцене аутодафе в третьем акте, где Филипп председательствует на публичной казни еретиков, жертв испанской инквизиции. Вышность и зрелищность аутодафе завершается появлением короля Филиппа и королевы Елизаветы, но тут Карлос прерывает процессию, чтобы, подобно оперному импресарию, представить шестерых фламандских депутатов (все – бас-баритоны), которые в унисон спют Филиппу о страданиях своей родины.

В мрачном сопровождении виолончелей, в проникновенно-выразительной тональности ля-бемоль мажор секстет начинается длинной нисходящей мелодической линией, украшенной жалобной грацией:

«Пробил ли последний час для ваших фламандских подданных?
Весь плачущий народ обращает к Вам свой плач и стенания»
(La dernière heure, a t'elle donc sonné, pour vos sujets flamands?
Tout un peuple qui pleure Vous adresse ses cris et ses gémissements!) ⁷⁶

Когда это прозвучало на итальянском, то стало выглядеть еще более правдоподобным, что фламандские депутаты, по мнению Верди, могли быть итальянцами XIX в., у которых имелись свои претензии к династии Габсбургов.

Действие заключительного акта разворачивается в монастыре Сан-Херонимо-де-Юсте, где Елизавета ждет Карлоса; она преклоняет колени перед могилой Карла V и начинает свою великую арию с драматического обращения к покойному императору *a капелла*: «ты, познавший ничтожество великих мира сего» (toi qui sus le néant des grandeurs de ce monde) ⁷⁷. На итальянском языке она пела: «Ты, кто познал пустоту и тщетность мира» (tu che le vanità conoscesti del mondo). Отречение Карла V в 1556 г. и его последующее уединение в монастыре позволили Верди относиться к нему как к своего рода святому заступнику, и Елизавета под аккомпанемент ангельской флейты просит покойного императора обратить ее слезы к стопам Господа. Когда приходит Карлос, они прощаются, потому что он уезжает сражаться за свободу Фландрии, но, прежде чем он успевает уехать, их застает врасплох Филипп, который приказывает арестовать принца. В этот момент решетка перед гробницей Карла V таинственным образом открывается и монах-бас, который пел в первой сцене в монастыре, снова появляется как призрак Карла V, поднимающийся из могилы. Он берет своего внука Дона Карлоса на руки и укрывает его плащом, спасая принца от людей короля, и под аккомпанемент тромбона и офиклеида поет о том, что душевный покой можно обрести только с Богом на небесах ⁷⁸.

Более позднее итальянское либретто 1880-х гг. недвусмысленно идентифицировало монаха как Карла V, хотя оригинальное французское либретто было достаточно ясным по смыслу со свидетельствами других персонажей сцены. «Это голос императора», – поет слепой Великий инквизитор, узнавая Карла V на слух. «Мой отец!» – восклицает Филипп, подтверждая идентификацию. В пересмотренной итальянской партитуре Елизавета завершает оперу, выражая свое удивление протяжным высоким *си*, обращенным к небесам: «О, небо!» (O ciel). Однако в оригинальной французской версии хор монахов за сценой возвращается к песнопению из более ранней сцены в монастыре: «Карл V, августейший император» (Charles Quint l'auguste Empereur) ⁷⁹.

Таким образом, Карл V играет очень важную роль в опере от начала до конца, и в финальной сцене он предстает перед Елизаветой не только как святой заступник, но и как сверхъестественный спаситель несчастного принца, который тщетно пытается добиться спасения Фландрии. Если призрак Карла V обнимает Карлоса и укрывает его своим плащом, то именно Верди, возможно, неожиданно, принимает облик Карла V, габсбургского завоевателя Италии, в тот самый момент, когда

Италия отказывалась от многовекового господства Габсбургов и провозглашала независимость в духе вердиевских «фламандских депутатов».

Император династии Габсбургов, разграбивший Рим в 1527 г. и установивший габсбургскую власть в Италии на последующие три столетия, предстал в произведениях Верди «Эрнани» и «Дон Карлос» как великодушный, отзывчивый и даже искупительный персонаж в период Рисорджименто, когда Италия освобождалась от многовекового гнета Габсбургов. Эти вердиевские образы Карла V убедительно свидетельствуют о сложной взаимосвязи современной итальянской оперной культуры с давним наследием Габсбургов и о том, что эта история не укладывается в общепринятые формулы Рисорджименто.

Заключение и кодировка: Вена конца XIX в. Культура Габсбургов по-прежнему была тесно связана с Италией даже после периода Рисорджименто и особенно в эпоху модерна в Вене конца XIX в. После премьеры последней оперы Верди «Фальстаф» в театре «Ла Скала» в феврале 1893 г., на 80-м году жизни композитора, миланская труппа отправилась на гастроли и в мае дала два представления в Вене. Однако в Вене не было собственной постановки «Фальстафа» до 1904 г., когда через три года после смерти Верди Густав Малер, будучи музыкальным руководителем придворной оперы Габсбургов, дирижировал постановкой (на немецком языке) с декорациями художника «Венского Сецессиона» Альфреда Роллера. В 1875 г. сам Верди приехал в Вену и дирижировал оперой «Аида» в Государственной опере, однако Малер также неоднократно был дирижером этой оперы в Вене с 1898 по 1903 г. (когда он предложил новую захватывающую постановку), хотя, по всей видимости, он никогда не дирижировал оркестром, исполнявшим «Дона Карлоса»⁸⁰.

Популярность Верди в Вене была такова, что его оперы продолжали исполняться там даже во время Первой мировой войны – после того, как Италия объявила войну Австро-Венгрии в надежде получить, согласно логике Рисорджименто, габсбургские территории Триест, Южный Тироль, Истрию и Далмацию с их частично итальянским населением. Франц-Иосиф охарактеризовал объявление войны Италией в 1915 г. как «предательство (Treubruch), подобного которому не знает история» и призвал «дух Радецкого» в помощь армиям Габсбургов⁸¹. Тем не менее с 1916 по 1918 г. в Главной опере были представлены самые популярные шедевры Верди: «Аида», «Трубадур», «Травиата», «Отелло», «Риголетто» и «Бал-маскарад»⁸².

Несмотря на популярность Верди в Вене, опера «Дон Карлос», сложная вследствие существования многочисленных версий и перделок, была поставлена там только в 1932 г. В то время писатель Франц Верфель, родившийся в Праге при Габсбургах, задумал постановку, в центре которой находилась бы фигура Карла V, появляющегося в золотых доспехах и исполняющего свое отречение в пантомиме во время прелюдии: «Пока монахи поют своим похоронным хором о бренности всего земного, он снимает с себя императорское облачение, кладет шлем, доспехи, пурпурный плащ и скипетр в свой собственный гроб, который стоит открытый

перед ним. Таким образом, он на глазах у зрителей превращается из правителя мира в монаха низшего ранга, служителя Божьего»⁸³. К 1932 г. Габсбурги были изгнаны из Австрийской республики, и Верди в интерпретации Верфеля помог венцам осмыслить свою историю Габсбургов. Композитор Эрнст Крженек, родившийся в Вене в 1900 г., подготовил 12-тоновую оперу «Карл V» для постановки в Венской опере в 1934 г., но она была отменена из-за давления нацистской Германии, и премьера состоялась в Праге в 1938 г. В 1942 г. венский композитор Арнольд Шенберг, живший тогда в изгнании в Калифорнии, создал атональную постановку ироничной «Оды Наполеону Бонапарту» (1814) лорда Байрона, задуманной как обвинительный акт тиранам. В одном стихе Наполеон сравнивался с Карлом V, отрекшимся от своего «трона деспота»: «Испанец, когда жажда власти / утратила свои оживляющие чары, / сменил короны на четки, / Империю на келью». Стих был продекламирован в саркастическом шенберговском стиле в сопровождении фортепиано и струнного квартета. Наиболее очевидными современными деспотическими аллюзиями были Гитлер и Муссолини⁸⁴.

Когда Малер поставил «Фальстафа» Верди в Вене в 1904 г., это было лишь одним из проявлений сложного интереса венской культуры конца века к Италии. Зигмунд Фрейд, посетивший Италию в 1897 г., когда находился на пороге создания психоанализа, писал своему другу Вильгельму Флиссу из Сиены: «Человек наслаждается странной красотой и огромным творческим порывом; в то же время моя склонность к гротескному, извращенному, психологическому получает свое должное». Долгое время Фрейда тянуло в Рим, но он сопротивлялся этим порывам, и то было двойственное чувство, которое он объяснял своей детской идентификацией с Ганнибалом, стремившимся завоевать древний город, но потерпевшим неудачу⁸⁵. Фрейд наконец преодолел внутреннее сопротивление и прибыл в Рим в 1901 г. Визиты Густава Климта в Равенну в 1903 г. и его восхищение мозаиками в византийском стиле, вероятно, повлияли на использование им золота, которое стало определяющей особенностью его более поздней сезонной живописи и нашло отражение в таких шедеврах, как «Поцелуй» и «Портрет Адели Блох-Бауэр I»⁸⁶. Климт, в свою очередь, оказал огромное влияние на флорентийского мастера в стиле ар-нуво Галилео Чини, чья фреска «Весна» (Primavera) на Венецианском биеннале 1914 г. стала данью не столько Боттичелли, сколько Климту и «Венскому Сецессиону» с блестящим золотом, крошечными цветами и загадочными женскими фигурами⁸⁷.

Самый знаменитый поэт Вены конца XIX в., а позднее и самый известный оперный либреттист города Гуго фон Гофмансталь обратился к Италии в ранней пьесе в стихах 1892 г. «Смерть Тициана», исследуя венский эстетизм и обращаясь к художественной культуре Венеции эпохи Возрождения. В 1899 г. Гофмансталь опубликовал свою «Кавалерийскую повесть» (Reitergeschichte), посвященную австрийскому офицеру, жившему в Милане и его окрестностях во время кампании Радецкого против итальянских революционеров в 1848 г.

Бабушка Гофмансталя, Петронелла фон Ро, на самом деле была итальянкой и родилась в габсбургском Милане в 1815 г.⁸⁸

«Какой была для меня Италия?» (Was war mir Italien?), – задавался вопросом Гофмансталь в 1917 г., после великого «предательства» Италии в Первой мировой войне. Сам Гофмансталь был знаковым подданным Габсбургов частично итальянского происхождения, типичным венским деятелем культуры, ценившим итальянское искусство и литературу. В 1917 г. он уже формулировал этот вопрос в прошедшем времени⁸⁹. До войны в Италию было легко добраться; осенью 1913 г. он встречался с Дягилевым в Венеции, чтобы обсудить балетные проекты, после весенней встречи в Риме с Рихардом Штраусом, на которой обсуждались планы оперы⁹⁰. Весной 1912 г. Гофмансталь был во Флоренции и Сиене, в бывшей габсбургской Тоскане и писал Штраусу из Сиены, чтобы обозначить маршрут домой, в Австрию: «Во вторник утром я поеду прямо через горы через Модену в Падую (вечером того же дня буду в Стелла д'Оро, Падую). Вечером 22-го я буду в Кортина д'Ампеццо». Отель Fanti Stella d'Oro в Падуде имел долгую габсбургскую историю и принимал у себя как Меттерниха, так и Радецкого⁹¹.

Сам Гофмансталь поэтично воображал себе былое слияние австрийской и итальянской культур, когда вместе со Штраусом представил оперу «Кавалер Розы» (Der Rosenkavalier), действие которой разворачивалось в Вене во времена Марии-Терезии. Премьера прошла в Дрездене 26 января 1911 г., и еще до первого спектакля в Вене, состоявшегося 8 апреля, опера уже была представлена 1 марта в миланском театре «Ла Скала» в переводе Оттоне Шанцера на итальянский язык под названием *Il cavaliere della rosa*. Дирижер Туллио Серафин был родом из региона Венето, и его родители, вероятно, являлись подданными Габсбургов. Гофмансталь, изображая венское общество с итальянским акцентом, включил в либретто двух коварных итальянских интриганок – Аннину и Вальзакки – и миланцев оскорбил этот стереотип, поэтому для театра «Ла Скала» пришлось изменить имена и национальность интриганок⁹². Также, возможно, стереотипной, но в данном случае очаровательной была роль итальянского тенора, который появился на утренней аудиенции у Маршаллина, чтобы спеть великолепную арию *Di rigori armato* перед тем, как исчезнуть из оперы. Итальянский текст мог быть куплетом из «Метастазио при дворе Марии-Терезии», которая признавалась в своем неизменном пристрастии к итальянской музыке, и Гофмансталь в своем либретто для «Кавалера Розы» показал, что хорошо понимает, что значила Италия для венской знати XVIII в.: “Was war mir Italien?”

На самом деле опера была встречена в Милане неоднозначно, но ничто не могло быть более уместным, чем немедленная постановка «Кавалера Розы» в «Ла Скале», оперном театре, построенном при Марии-Терезии⁹³. Таким образом, у миланской публики, чьи бабушки и дедушки родились подданными монархии Габсбургов, могла возникнуть ностальгия по габсбургскому «Кавалеру Розы». В марте в театре «Ла Скала» партию итальянского тенора исполнял неаполитанец Армандо Марескотти,

а в апреле в Вене эту партию исполнил тирольский тенор Георг Майкль⁹⁴. В итальянском тексте арии говорится о непреодолимости любви – о человеке, который думает, что он вооружил свое сердце против любви, но тем не менее уступает – и миланские, и венские оперные зрители 1911 г. могли сопротивляться, поддаваться или испытывать двойственное отношение в опере к ностальгии по Габсбургам времен Марии-Терезии. Тем не менее итальянская ария тенора стала данью уважения цельной, фундаментальной и сложной итальянской культуре и ее значению в многовековой истории Габсбургов.

ПЕР. С АНГЛ. П.А. ИСКЕНДЕРОВ

Примечания

1. UN ITALIANO [GIUSEPPE MAZZINI]. A Carlo Alberto di Savoia (1831). Republished in: MAZZINI G.A. Carlo Alberto di Savoia. Paris. 1847, p. 7, 14; SARTI R. Giuseppe Mazzini and His Opponents. In: Italy in the Nineteenth Century / Ed. J. Davis. Oxford. 2000, p. 74–84; см. также: HADDOCK B. State and Nation in Mazzini's Political Thought. — History of Political Thought. 1999. Summer. Vol. 20. No. 2, p. 313–336; URBINATI N. Mazzini and the Making of the Republican Ideology. — Journal of Modern Italian Studies. 2012. Vol. 17. No. 2, p. 183–204; HEARDER H. Italy in the Age of the Risorgimento 1790–1870. London. 1983, p. 182–189.
2. UN ITALIANO [GIUSEPPE MAZZINI]. Op. cit., p. 16.
3. BOURELLY G.M. Cento biografie di fanciulli illustri italiani. Milan. 1867, p. 309.
4. CAPPONI G. Storia di Pietro Leopoldo. — CreateSpace. 2012, p. 52; Capponi, Introduzione alla istoria civile dei papi & Storia di Pietro Leopoldo. Florence. 1976; TREVES P. Capponi, Gino. In: Dizionario Biografico degli Italiani. Vol. 19. Rome. 1976.
5. CAPPONI G. Op. cit., p. 8.
6. MACMILLAN M. Paris 1919. NY. 2003, p. 281–287; JUDSON P. Guardians of the Nation: Activists on the Language Frontiers of Imperial Austria. Cambridge, MA. 2006, p. 28–29, 150–151, 165–167; BALLINGER P. History in Exile: Memory and Identity at the Borders of the Balkans. Princeton. 2003, p. 15–45; CATTARUZZA M. Italy and its Eastern Border, 1866–2016 / Transl. D. Gobetti. NY. 2016, p. 7–82.
7. LAMBERTI M. La nuova Austria. URL: <http://liberale.erasmo.it/testi/1891.htm>
8. JÁSZI O. The Dissolution of the Habsburg Monarchy. Chicago. 1971, p. 106.
9. VATES F. Charles V and the Idea of the Empire. In: Astraea: The Imperial Theme in the Sixteenth Century / Ed. F. Yates. London. 1985, p. 10–26; PARKER G. Emperor: A New Life of Charles V. New Haven. 2019, p. 514–524; BOONE R. Empire and Medieval Simulacrum: A Political Project of Mercurino di Gattinara, Grand Chancellor of Charles V. — Sixteenth Century Journal. 2011. Vol. 42. No. 4, p. 1027–1049.
10. GILBERT F. Machiavelli and Guicciardini: Politics and History in Sixteenth-Century Florence. Princeton. 1973, p. 240–242, 282–288.
11. GUICCIARDINI L. The Sack of Rome / Transl. J. McGregor. NY. 1993, p. 60; IBID. Il sacco di Roma. Lucca. 1758, p. 109–110.
12. IBID. The Sack of Rome..., p. 97–98, 114; IBID. Il sacco di Roma..., p. 187, 223; CHASTEL A. The Sack of Rome, 1527 / Transl. B. Archer. Princeton. 1983, p. 115–148; PARKER G. Op. cit., p. 171–175.
13. GUICCIARDINI L. The Sack of Rome..., p. 4; IBID. Il sacco di Roma..., p. xvii.
14. ACKERMAN J. The Architecture of Michelangelo. Chicago. 1986, p. 136–170; DIFURIA A. Maarten van Heemskerck's Rome: Antiquity, Memory, and the Cult of Ruins. Leiden. 2019, p. 105–107; FANTONI M. Carlo V e l'immagine dell'imperator. In: Carlo V e l'Italia / Ed. M. Fantoni. Rome. 2000, p. 101–114.

15. CAVALLI M. Relazione di Marino Cavalli ritornato ambasciatore da Carlo V l'anno 1551. In: Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato. Vol. 4 / Ed. E. Albèri. Cambridge. 2012, p. 215.
16. ROBERTSON W. The History of the Reign of the Emperor Charles V: In: The Works of William Robertson. Vol. 4. London. 1817, p. 308.
17. Ibid., p. 310.
18. ROBERTSON G. La Storia del Regno dell'Imperatore Carlo Quinto. Colonia [Venice]. 1774; IBID. La Storia del Regno dell'Imperatore Carlo Quinto. Milan. 1820.
19. STENDHAL. The Charterhouse of Parma / Transl. M. Shaw. London. 1958, p. 19; IBID. La Chartreuse de Parme. Paris. 1964, p. 39-40. Перевод цит. по: СТЕНДАЛЬ. Пармская обитель / Пер. с фр. Н. Немчиновой. М. 1979, с. 23-24.
20. LAVEN D. The Age of Restoration. In: Italy in the Nineteenth Century..., p. 59; IBID. Venice and Venetia under the Habsburgs 1815-1835. Oxford. 2002, p. 1-7, 67-74; HEARDER H. Op. cit., p. 16-42.
21. VICK B. The Congress of Vienna: Power and Politics after Napoleon. Cambridge, MA. 2014, p. 233-277.
22. WOLFF L. The Singing Turk. Stanford. 2016, p. 305-336.
23. OSBORNE R. Rossini. Oxford. 2001, p. 59-60.
24. WEINSTOCK H. Rossini: A Biography. NY. 1987, p. 120-122.
25. Ibid., p. 251.
26. WOLFF L. Op. cit., p. 326.
27. RICE J. Antonio Salieri and Viennese Opera. Chicago. 1998, p. 258-267; Europa riconosciuta: dramma per musica da rappresentarsi nel nuovo Regio Ducal Teatro di Milano, nella solenne occasione del suo primo aprimento nel mese d'Agosto dell'anno 1778. Milan. 1778.
28. RICE J. Op. cit., p. 9.
29. SAUNDERS S. The Habsburg Court of Ferdinand II and the "Messa, Magnificat et Iubilate Deo a sette chori concertati con le trombe" (1621) of Giovanni Valentini. — Journal of the American Musicological Society. 1991. Autumn. Vol. 44. No. 3, p. 365-370; SEIFERT H. Vienna (up to 1740). In: The New Grove Dictionary of Opera. Vol. 4 / Ed. S. Sadie. Oxford. 1997, p. 989; BUES A. Eleonora Gonzaga, Imperatrice. In: Dizionario biografico degli Italiani. Vol. 42. 1993.
30. EVANS R.J.W. The Making of the Habsburg Monarchy 1550-1700. Oxford. 1979, p. 152-154.
31. SPIELMAN J. Leopold I of Austria. New Brunswick. 1977, p. 55; GOLOUBEVA M. The Glorification of Emperor Leopold I in Image, Spectacle and Text. Mainz. 2000, p. 106-111; SCHMIDT C. "Antonio Cesti's "Il pomo d'oro": A Reexamination of a Famous Habsburg Court Spectacle. — Journal of the American Musicological Society. 1976. Autumn. Vol. 29. No. 3, p. 381-412.
32. GOLOUBEVA M. Op. cit., p. 49-51; BEARE M. The German Popular Play Atis and the Venetian Opera. Cambridge. 1938, p. 4-6.
33. DACOSTA KAUFMANN TH. Court, Cloister, and City: The Art and Culture of Central Europe, 1450-1800. Chicago. 1995, p. 298-300; EVANS R.J.W. Op. cit., p. 442-446.
34. CANNETO S. Il turco, l'assedio di Vienna, la poesia italiana 1683-1720. Rome. 2012, p. 190.
35. FELDMAN M. Opera and Sovereignty: Transforming Myths in Eighteenth-Century Italy. Chicago. 2007, p. 230-233, 258-265.
36. Ibid., p. 263.
37. RICE J. Op. cit., p. 119.
38. WALTON B. Rossini in Restoration Paris: The Sound of Modern Life. Cambridge. 2007, p. 19-21.
39. Ibid., p. 114; WOLFF L. Op. cit., p. 337-358.
40. WALTON B. Op. cit., p. 257-292; ROSSINI. Guglielmo Tell: da rappresentarsi nell'Imp. e R. Teatro in Via della Pergola. Firenze. 1831, libretto; WEINSTOCK H. Op. cit., p. 508; см. также: NEWARK C. "In Italy We Don't Have the Means for Illusion": "Grand opéra" in Nineteenth-Century Bologna. — Cambridge Opera Journal. 2007. November. Vol. 19. No. 3, p. 199-222.
41. ROSSINI. "Guillaume Tell" partition orchestrale. Paris. 1829, acte 4, p. 755.
42. Ibid., p. 39.
43. REINERMAN A. Metternich, the Powers, and the 1831 Crisis. — Central European History. 1977. September. Vol. 10. No. 3, p. 206-219.
44. ROSSINI. Guglielmo Tell: da rappresentarsi nell'Imp. e R. Teatro in Via della Pergola..., libretto, p. 3.

45. Ibid., act 1, p. 10-11; ROSSINI. "Guillaume Tell", partition orchestrale..., acte 1, p. 120-130.
46. ROSSINI. Guglielmo Tell: da rappresentarsi nell'Imp. e R. Teatro in Via della Pergola..., libretto, act 3, p. 29.
47. Ibid., p. 37.
48. ROSSINI. "Guillaume Tell", partition orchestrale..., acte 4, p. 828-833; IBID. Guglielmo Tell: da rappresentarsi nell'Imp. e R. Teatro in Via della Pergola..., libretto, act 4, 45.
49. NEWARK C. Op. cit., p. 199-208.
50. PHILLIPS-MATZ M.J. Verdi: A Biography. Oxford. 1996, p. 39-43; Supplica di Verdi all' I. R. Governo. 22.06.1832. Autobiografia dalle lettere di Giuseppe Verdi. URL: https://www.google.it/books/edition/Autobiografia_dalle_letters/PaQkAQAQBAJ?hl=it&gbpv=1&dq=verdi+1832+perfezionamento&pg=PT56&printsec=frontcover
51. SMART M.A. Liberty on (and off) the Barricades: Verdi's Risorgimento Fantasies. In: Making and Remaking Italy: The Cultivation of National Identity around the Risorgimento / Eds. A. Ascoli and K. von Henneberg. Oxford. 2001, p. 105-109; BUDDEN J. The Operas of Verdi. Vol. 1: From Oberto to Rigoletto (revised edition). Oxford. 1992, p. 89-112; GOSSETT PH. Becoming a Citizen: The Chorus in Risorgimento Opera. — Cambridge Opera Journal. 1990. March. Vol. 2. No. 1, p. 41-64; PARKER R. "Va Pensiero" and the Insidious Mastery of Song. In: Leonora's Last Act: Essays in Verdian Discourse. Princeton. 1997, p. 20-41; RUOZZO S. Membranza Sì Cara e Fatal: Verdi's 'Va, pensiero' as an Icon of Italian Culture from the 1850s to the Present Date. — Italian Americana. 2018. Summer. Vol. 36. No. 2, p. 151-163.
52. PHILLIPS-MATZ M.J. Op. cit., p. 132-134, 145-149.
53. Ibid., p. 144.
54. BUDDEN J. Op. cit., p. 137-172; GOSSETT PH. The Composition of Ernani. In: Analyzing Opera: Verdi and Wagner / Eds. C. Abbate, R. Parker. Berkeley, CA. 1989, p. 42-43.
55. VERDI. Ernani. Milan (n/d), partitura orchestrale, atto 1, p. 202-204.
56. Ibid., atto 3, p. 379-389.
57. Ibid., p. 428-429.
58. VERDI. Lettere / Ed. E. Rescigno. Turin. 2012, p. 191; PHILLIPS-MATZ M.J. Op. cit., p. 225-234.
59. VERDI. Lettere..., p. 193.
60. MAMELI G. Suona la tromba. In: Scritti editi e inediti / Ed. A.G. Barrili. Genova. 1902, p. 464-465.
61. VERDI. Lettere..., p. 199.
62. MAMELI G. Op. cit., p. 464-465; VERDI. Lettere..., p. 197.
63. PHILLIPS-MATZ M.J. Op. cit., p. 388-389; VERDI. Lettere..., p. 383; WAWRO G. Austria versus the Risorgimento: A New Look at Austria's Italian Strategy in the 1860s. — European History Quarterly. 1996. Vol. 26. No. 1, p. 7-29.
64. VERDI. Lettere..., p. 387.
65. GREGOROVIVUS F. History of the City of Rome in the Middle Ages. Vol. 8. P. 2: 1522-1534 / Transl. A. Hamilton. London. 1912; reprint NY. 2004, p. 590; IBID. Storia della città di Roma nel medio evo dal secolo V al XVI / Transl. R. Manzato. Venice. 1872-1876.
66. GREGOROVIVUS F. History of the City of Rome in the Middle Ages..., p. 677.
67. Ibid., p. 686-687.
68. VERDI. Don Carlos. Paris. 1867, partition vocale, acte 2, 48-49; IBID. Don Carlo, 1886 versione, 5 atti. Milan (n/d.), partitura orchestrale, atto 2, p. 89-90; ROBINSON P. Opera and Ideas: From Mozart to Strauss. Ithaca-NY. 1986, p. 155-209.
69. VERDI. Don Carlos..., acte 2, p. 49.
70. Ibid., p. 49-50; IBID. Don Carlo..., atto 2, p. 91.
71. IBID. Don Carlos..., acte 2, p. 52-53.
72. Ibid., p. 53-55.
73. Ibid., p. 55.
74. Ibid., p. 57-58, 68.
75. IBID. Lettere..., p. 493.
76. IBID. Don Carlos..., acte 3, p. 227.
77. Ibid., acte 5, p. 330; IBID. Don Carlo..., atto 5, p. 561.
78. IBID. Don Carlo..., atto 5, p. 614-615; BUDDEN J. The Operas of Verdi. Vol. 3: From Don Carlos to Falstaff. Oxford. 1992, p. 152.
79. VERDI. Don Carlos..., acte 5, p. 358-359; IBID. Don Carlo..., atto 5, p. 615-616.

80. GRANGE H.-L. DE LA. Gustav Mahler: Vienna: The Years of Challenge (1897–1904). Oxford. 1995, p. 14, 596–597, 678–680; PHILLIPS-MATZ M.J. Op. cit., p. 614, 721–722.
81. Emperor Franz Joseph. “An meine Völker!” 23.05.1915. British Library digital collection. URL: <https://www.bl.uk/de-de/collection-items/king-of-italy-declared-war-franz-joseph>
82. Wiener Staatsoper. URL: <https://archiv.wiener-staatsoper.at/search/person/6?since=01.01.1916&until=01.11.1918>
83. KREUZER G. Voices from Beyond: Verdi’s “Don Carlos” and the Modern Stage. — Cambridge Opera Journal. 2006. July. Vol. 18. No. 2, p. 159–160.
84. RVAN J. Schoenberg’s Byron: The “Ode to Napoleon Buonaparte”, the Antinomies of Modernism, and the Problem of German Imperialism. In: Music and the Aesthetics of Modernity / Eds. K. Berger, A. Newcomb. Cambridge, MA. 2005, p. 201–216.
85. FREUD S. The Complete Letters of Sigmund Freud to Wilhelm Fliess 1887–1904 / Ed. J. Masson. Cambridge, MA. 1985, p. 262–263; IBID. The Interpretation of Dreams / Transl. J. Strachey. NY. 1965, p. 229–230.
86. SCHORSKE C. Gustav Klimt: Painting and the Crisis of the Liberal Ego. In: Fin-de-siècle Vienna: Politics and Culture. NY. 1981, p. 266–267.
87. JURINICH G. Spirito Klimtiano: Galileo Chini, Vittorio Zecchin e la grande decorazione a Vienna. URL: <https://www.2duerighe.com/cultura/5660-spirito-klimtiano-galileo-chini-vittorio-zecchin-e-la-grande-decorazione-a-venezia.html>
88. SCHORSKE C. Politics and the Psyche: Schnitzler and Hofmannsthal. In: Fin-de-siècle Vienna..., p. 16–18; WEINZIERL U. Hofmannsthal: Skizzen zu seinem Bild. Frankfurt. 2007, S. 26; HOFMANNSTHAL P. VON (RHÖ VON). Geni. URL: <https://www.geni.com/people/Petronella-von-Hofmannsthal/6000000010259398616>; см. также: WELLESZ E. Hofmannsthal and Strauss. — Music and Letters. 1952. July. Vol. 33. No. 3, p. 239.
89. HOFMANNSTHAL H. VON. Aufzeichnungen. In: Gesammelte Werke in Einzelausgaben. Vol. 15. Frankfurt. 1959, S. 232.
90. A Working Friendship: The Correspondence of Richard Strauss and Hugo von Hofmannsthal / Transl. H. Hammelmann, E. Osers. NY. 1961, p. 173–174; GILLIAM B. Rounding Wagner’s Mountain: Richard Strauss and Modern German Opera. Cambridge. 2014, p. 160.
91. A Working Friendship..., p. 130; Albergo Fanti Stella d’Oro. Lavecchiapadova. URL: http://www.lavecchiapadova.it/O2-TESTI/SANTINA%20BLIN/PDF/Albergo%20Fanti%20Stella%20d_oro.pdf
92. Il Cavaliere della Rosa: Commedia in tre atti di Hugo von Hofmannsthal, traduzione ritmica italiana di Ottone Schanzer, musica di Richard Strauss [libretto]. Milan. 1911.
93. A Working Friendship..., p. 75.
94. Il Cavaliere della Rosa. 01.03.1911. La Scala, Milan. URL: <https://www.worldcat.org/title/cavaliere-della-rosa-commedia-in-tre-atti/oclc/85760937#details-allauthors>; Der Rosenkavalier. 08.04.1911. Hofopertheater. Vienna. Spielplanarchiv der Wiener Staatsoper. URL: <https://archiv.wiener-staatsoper.at/performances/21774>

История переводов «Сань-цзы-цзин» в России в XVIII–XIX вв.

Хэ Цзяшу

The history of translations of “San Zi Jing” in Russia in the 18th – 19th centuries

HE JIASHU

Аннотация. В статье исследуются перевод и распространение произведения китайской классической литературы «Сань-цзы-цзин» («Троесловие») в России с XVIII до начала XIX в. Анализируется академическая ценность сравнительного перевода Н.Я. Бичурина и его влияние на историю русской синологии.

Ключевые слова: Китай, китайская литература, синология, перевод, Россия.

Abstract. This article examines the translation and dissemination of the work of Chinese classical literature “San Zi Jing” (“Three Character Classic”) in Russia from the 18th to the early 19th centuries, and in particular analyzes the academic value of the comparative Russian-Chinese translation by N.Ya. Bichurin and its influence on the history of Russian sinology.

Key words: China, Chinese literature, sinology, translation, Russia.

Хэ Цзяшу – доктор Научно-исследовательского центра изучения русской филологии и культуры Хэйлунцзянского университета. Хэйлунцзян. Китай.
E-mail: 851384374@qq.com.

He Jiashu – doctor of the Research Center for the Study of Russian Philology and Culture of Heilongjiang University. Heilongjiang. China.
E-mail: 851384374@qq.com.

«Сань-цзы-цзин» («Троесловие», “三字经”) является одним из самых известных классических произведений китайской литературы для детей. Эта книга не только проста для восприятия, но и содержит идеи китайской философии, способствующие формированию нравственных ценностей. В глазах представителей западной культуры «Сань-цзы-цзин» – это не только детская просветительская литература, но и классическое пособие для понимания традиционной китайской культуры. Со времен династии Мин эта книга была распространена за границей, переведена на многие языки и стала пособием для изучения китайского языка во многих странах. С XVIII до начала XIX в. синологи Русской духовной миссии в Китае И.К. Россохин, А.Л. Леонтьев, А.Г. Владыкин и Н.Я. Бичурин переводили это произведение. Наибольшую известность получил перевод Н.Я. Бичурина.

Распространение «Сань-цзы-цзин» в России тесно связано с деятельностью Русской духовной миссии в Китае. В 1689 г., после подписания Нерчинского договора, деловые контакты между Русским царством и Империей Цин стали более тесными. С одобрения императора Канси в мае 1715 г. в Пекин прибыла первая Русская духовная миссия. В 1727 г. между двумя государствами был подписан Кяхтинский договор, а с 1729 г. Русская духовная миссия стала постоянным представительством Российской империи в Пекине. Однако в то время, вследствие языковых барьеров и отсутствия учебных материалов для иностранцев, изучающих китайский язык, Русская духовная миссия была вынуждена решать проблему безграмотности традиционными методами, которые использовались для обучения китайских детей. Очевидно, что первоначальной целью перевода «Сань-цзы-цзин» в XVIII в. было изучение китайского языка.

Первый русский перевод «Сань-цзы-цзин» был выполнен И.К. Россохиным (1717–1761), членом второй Русской духовной миссии и первым русским синологом, примерно в 1740 г. И.К. Россохин преподавал китайский язык в российской школе при посольстве в Пекине, применяя традиционный китайский метод обучения китайскому языку, позволяющий студентам сначала изучить «Сань-цзы-цзин», «Тысячесловие» (“千字文”) и «Четыре книги» (“四书”). Он перевел «Сань-цзы-цзин» и «Тысячесловие» на русский язык и использовал эти произведения в обучении студентов. Рукопись существовала на маньчжурском, китайском и русском языках. На одной странице были представлены китайский и маньчжурский оригиналы с транслитерацией русскими буквами, на другой – русский перевод. Традиционные методы обучения китайскому языку И.К. Россохина позволили студентам освоить

классические произведения, содержащие элементы традиционной китайской культуры, такие как «Сань-цзы-цзин». К сожалению, этот перевод, как и большинство рукописей Россохина, не был опубликован. В настоящее время перевод хранится в отделе рукописей Библиотеки Российской академии наук¹. Несмотря на то что перевод И.К. Россохина не был опубликован в то время, не говоря уже о широком распространении, он стал важным вкладом в развитие российской синологии.

Второй русский перевод «Сань-цзы-цзин» был осуществлен русским синологом А. Леонтьевым (1716–1786), членом третьей Русской духовной миссии (1736–1745), направленной в Пекин. А. Леонтьев застал период просвещенного абсолютизма при Екатерине II, продлившийся 25 лет. В этот период социальная и культурная обстановка была более свободной, чем во времена И.К. Россохина, как и книгоиздательство. Кроме того, XVIII столетие в Европе – эпоха увлечения Китаем, восточным искусством, философией, модой, дизайном и архитектурой. В тот период восхищение европейцев китайской культурой дошло и до России, и в российском обществе также возник интерес к Китаю. В 1779 г. в печатном издании Петербургской императорской академии наук был официально опубликован перевод А. Леонтьева «Сань-цзы-цзин» («Букварь китайской, состоящей из двух китайских книжек, служит у китайцев для начального обучения малолетних детей основанием. Писан на стихах, и содержит в себе много китайских пословиц»; “三字经名贤集合刊本”), который стал первым широко известным русским переводом этого произведения (а также первым переводом в Европе). «Сань-цзы-цзин» – один из многих переводов А. Леонтьева произведений китайской классической литературы. Он также переводил книги о китайской культуре и философии, шахматах, шелке и чае. Согласно статистическим данным, в XVIII в. в России было опубликовано 120 книг и трактатов о Китае. Переводы составили одну пятую от этого числа. Многие из них стали первыми в Европе². Переводы А. Леонтьева не имеют равных среди аналогичных работ других синологов того периода.

В конце XVIII в. А.Г. Владыкин (1761–1811), член седьмой миссии, перевел «Сань-цзы-цзин» в качестве учебного пособия с маньчжурского языка на русский. Этот справочник под названием «Руководство для учащихся манджурскому языку» состоит из 46 страниц и включает две части: одна из них является переводом «Сань-цзы-цзин», а другая – переводом «Мин-сянь-дзы» (“名贤集”)³. Однако, как и рукопись Россохина, работа не была официально опубликована. В настоящее время этот перевод хранится в архивном отделе Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения Российской

академии наук и до сих пор привлекает внимание лишь небольшого числа российских синологов.

Самый популярный перевод «Сань-цзы-цзин» на русский язык принадлежит основателю русской синологии Н.Я. Бичурину (1777–1853). В 1807 г. он был избран бригадиром девятой духовной миссии, а в 1808 г. прибыл в Пекин, где прожил 14 лет. Во время своего пребывания в Пекине он специализировался на китайском языке. Объектом его изучения были китайская философия, политика, экономика, история, этика и местные обычаи. Научная деятельность Бичурина охватывала широкий спектр областей. Он был не только синологом, но и тибетологом, монголистом и маньчжурологом. По этой причине уместно называть его востоковедом. В 1829 г. в Петербурге был опубликован его перевод «Сань-цзы-цзин», который он назвал «Китайской детской энциклопедией». Н.Я. Бичурин хотел, чтобы перевод «стал справочным пособием для синологов по китайскому языку»⁴. В его работе используется двуязычная верстка: слева находится русский перевод, справа – китайский оригинал. Его можно читать на двух языках одновременно. Именно поэтому с 1830-х гг. «Сань-цзы-цзин» получил популярность в России.

Полный текст «Сань-цзы-цзин» состоит из 378 предложений и 1 134 слов. Каждые три слова составляют одно предложение, и каждые два предложения рифмуются. Перевод Н.Я. Бичурина не только точен, но и наиболее полно отражает содержание оригинального текста.

人之初, 性本善. 性相近, 习相远

Человек от начала своего

Имеет природу, одарованную благом;

По природе человек с человеком разнится мало,

По учению человек с человеком разнится много⁵.

(пер. А.Л. Леонтьева)

Люди рождаются на свет,

Собственно, с доброю природой.

По природе взаимно близки,

По навыкам взаимно удалены⁶.

(пер. Н.Я. Бичурина)

Перевод А. Леонтьева, хотя и полный по содержанию, не обладает лаконичностью оригинального текста. Н.Я. Бичурин подражал трехсимвольной структуре китайского оригинала. Четыре поэтические строки у него образуют строфу, и перевод максимально воспроизводит красоту оригинального текста.

103 комментария в переводе Бичурина так же замечательны, как и перевод самого произведения, и отражают глубокое

знание переводчиком истории и культуры Китая. «Сань-цзы-цзин» – это энциклопедия, воплощающая все богатство конфуцианства. Чтобы максимально передать все культурные коннотации оригинала, Бичурин добавил множество комментариев к переводу. В его переводе менее одной третьей части текста составляет оригинал с переводом, а две трети – комментарии. Например, “昔孟母, 择邻处” переводится как «В древности мать Мэн-цзы избирала жилище по соседям»⁷. Но истинный смысл двух строк русские читатели не понимают, поэтому в переводе Бичурин подробно комментирует историю о том, как мать древнего китайского философа Мэн-цзы трижды переселялась и воспитывала своего сына так, как гласит русская пословица: «Для обращения выбирай друга, для житья выбирай соседа». Бичурин хорошо знал конфуцианскую классику и культуру и стремился к тому, чтобы читатели, не знакомые с китайской культурой, также могли понять традиционные китайские идеи.

Перевод Н.Я. Бичуриным «Сань-цзы-цзин» является подлинным шедевром. Долгое время он использовался в качестве учебника и справочника для преподавания китайского языка, поскольку русско-китайская двуязычная сравнительная форма очень удобна для изучения лексики и грамматики китайского языка. 12-я миссия в 1839 г. и 13-я миссия в 1848 г. использовали перевод Бичурина как учебник для обучения китайскому языку. Кроме того, он был включен в список учебников по китайскому языку Казанского и Санкт-Петербургского университетов – двух крупнейших центров синологии в России.

Перевод Бичуриным «Сань-цзы-цзин» имеет важное значение для содействия развитию синологии в России. Он уважительно относился к китайской культуре, выступая против теории египетского происхождения китайской культуры, очень популярной в то время на Западе, и не соглашался с западноевропейскими синологами, которые «всегда любят писать о Китае темным тоном»⁸. На протяжении трех десятилетий Бичурин в своих трудах придерживался принципа перевода, основанного на оригинальном китайском тексте, стремился как можно более точно передать культурный и идеологический смысл, заключенный в китайских классических произведениях, а также представить читателям истинный образ Китая. Результаты его исследований в значительной степени развеяли заблуждения и предрассудки европейцев о Китае и оказали положительное влияние на дальнейшее развитие российской синологии.

Таким образом, публикация в России перевода «Сань-цзы-цзин» с XVIII до начала XIX в. стала важным событием в истории российско-китайского культурного обмена. Перевод этого произведения открыл русским китайскую культуру. Распространение этого образца конфуцианской классики

не только способствовало развитию синологии в России, но и укрепило культурные отношения между странами.

Примечания

1. ЦАЙ ХУНШЭН. Хроника Русского павильона. Пекин. 2006, с. 95.
2. Центр документации и информации Китайской академии общественных наук: Пособие по русско-советскому китаеведению. Ч. 1. Пекин. 1986, с. 56.
3. СКАЧКОВ П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М. 1977, с. 398.
4. ЧЖАН ГОГАН. Миссионеры династий Мин и Цин и европейская синология. Пекин. 2001, с. 407.
5. ЛЕОНТЬЕВ А.Л. Букварь китайской, состоящей из двух китайских книжек, служит у китайцев для начального обучения малолетних детей основанием. Писан на стихах, и содержит в себе много китайских пословиц. СПб. 1779, с. 5.
6. «Сань-цзы-цзин», или «Троесловие»: с литографированным китайским текстом. СПб. 1829, с. 2.
7. Там же.
8. ЛИ МИНБИНЬ. История русской синологии. Чжэнчжоу. 2008, с. 28.

Состояние и тенденции развития когнитивной лингвистики в России и ее исследование в Китае

Ши Юйсинь

Аннотация. В статье представлен обзор современного состояния когнитивно-лингвистических исследований в России и тенденции их развития, выделено два этапа развития когнитивной лингвистики в России. В работе, основанной на единой академической концепции и университетской исследовательской платформе, выделено семь школ российской когнитивной лингвистики, особое внимание уделено трем основным из них. Также представлен обзор исследовательских направлений других школ когнитивной лингвистики. Изложено применение методов когнитивной лингвистики в других лингвистических дисциплинах, описаны исследования китайских лингвистов в области российской когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: Россия, Китай, когнитивная лингвистика, китайская русистика, функции языка.

Ши Юйсинь – докторант Института русского языка Хэйлунцзянского университета. Хэйлунцзян. Китай.

E-mail: 785480645@qq.com.

The review of the state and development trends of cognitive linguistics in Russia and its research in China

SHI YUXIN

Abstract. This article provides the overview of the current state of cognitive linguistic research in Russia and its development trends, and identifies two stages in the development of cognitive linguistics in Russia. The research, based on a unified academic concept and university research platform, identifies seven schools of Russian cognitive linguistics, particular attention is paid to three main schools. The article also provides the overview of research directions of other schools of cognitive linguistics. In addition, the study presents the application of cognitive linguistics methods in other linguistic disciplines, and describes the research of Chinese linguists in the field of Russian cognitive linguistics.

Key words: Russia, China, cognitive linguistics, Chinese Russian studies, functions of language.

Shi Yuxin – PhD student of the Institute of Russian Language of Heilongjiang University. Heilongjiang. China.

E-mail: 785480645@qq.com.

Лингвистика, как наука, посвященная исследованию тайн человеческого языка, является мировым достоянием. В контексте глобализации взаимный обмен лингвистическими наработками не только способствует появлению инноваций в лингвистической теории, но также представляет собой неотъемлемую составляющую сотрудничества между странами и регионами.

Распространение когнитивной лингвистики в России началось в конце 1980-х гг. За более чем 30 лет идеи когнитивной лингвистики из США и Европы распространились в России, одновременно интегрируясь с местными исследованиями, что способствовало формированию уникальной научной парадигмы когнитивной лингвистики. Эта парадигма проникла во все области филологии, нашла «точки соприкосновения и взаимовыгодного сотрудничества с другими областями филологических исследований: лексикографией, стилистикой, поэтикой, анализом дискурса, социолингвистикой, этнолингвистикой и пр., что приводит к расширению традиционных областей знания»¹.

Изучение состояния когнитивной лингвистики в России может быть полезным для развития соответствующей дисциплины в Китае.

Этапы развития когнитивной лингвистики в России. Китайский ученый Чжао Годун разделяет процесс развития когнитивной лингвистики в России с 1985 г. до первой половины 2010-х гг. на три этапа: 1) этап введения и ознакомления (с 1985 г. до конца 1990-х гг.), 2) этап тематических исследований (со второй половины 1990-х гг. до конца XX в.) и 3) этап прикладных исследований (с конца 1990-х до первой половины 2010-х гг.).

По его мнению, на первом этапе российские ученые в основном занимались переводом работ американских лингвистов, таких как Р. Лэнкер, Дж. Лакофф, М. Джонсон, Л. Талми, Ч. Филлмор и Р. Джэкендофф, а также популяризацией их идей. Параллельно они анализировали процесс формирования когнитивной лингвистики в западных странах, ее дисциплинарную природу, аксиомы, а также достижения различных зарубежных когнитивных направлений. Среди российских ученых, внесших значительный вклад в эту область, можно назвать В.И. Герасимова, Е.С. Кубрякову, В.З. Демьянкова, А. Ченки, А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского и др.

На втором этапе основной акцент был сделан на теоретическом обобщении и систематизации. Российские лингвисты, усвоив и переработав идеи западной когнитивной лингвистики, приступили к их теоретическому осмыслению, включая анализ и обобщение как общих, так и частных теоретических аспектов. Чжао Годун относит к результатам исследований этого периода такие работы, как «Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода» В.З. Демьянкова (1994), «Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука» Е.С. Кубряковой (1994), «Когнитивные исследования по дискурсу» А.А. Кибрика (1994), «Основные идеи когнитивной семантики» Е.В. Рахилиной (1997).

Чжао Годун также отмечает, что на третьем этапе ученые активно использовали отдельные теории когнитивной лингвистики для анализа конкретных языковых явлений².

На наш взгляд, предложенная Чжао Годуном периодизация имеет определенные недостатки. Во-первых, границы между этапами размыты. Введение идеи западных когнитивных лингвистов, а также их теоретическое обобщение представляют собой неразделимый исследовательский процесс. По этой причине искусственное разделение этих этапов представляется необоснованным. Во-вторых, его анализ ограничивается периодом до первой половины 2010-х гг., тогда как с тех пор прошло уже более десятилетия, и за это время в российской когнитивной лингвистике произошли значительные изменения. В связи с этим полагаем, что необходимо предложить новую периодизацию, которая охватывала бы весь процесс развития российской когнитивной лингвистики.

В 2003 г. была создана Российская ассоциация лингвистов-когнитологов (РАЛК), что стало поистине знаковым событием в истории когнитивной лингвистики в России. Создание этой ассоциации знаменовало вступление российской когнитивной лингвистики в новый период развития. В связи с этим полагаем, что периодизацию этапов развития российской когнитивной лингвистики следует проводить, приняв 2003 г. за ключевой рубеж. На основе этого можно разделить процесс на два основных этапа: 1) этап введения и формирования (1985–2003 гг.) и 2) этап самостоятельного развития (2003 г. – настоящее время).

Первый этап характеризуется активным переводом научных достижений европейских и американских ученых в области когнитивной лингвистики, изучением истории формирования, междисциплинарных истоков и ключевых лингвистических теорий данного научного направления, а также прикладными исследованиями, направленными на адаптацию и применение этих идей в российской лингвистической практике. На данном этапе российские ученые заложили основу для дальнейшего развития когнитивной лингвистики в России. Существует множество работ, посвященных исследованиям этого этапа ³.

Второй этап самостоятельного развития ознаменовался созданием региональных отделений Российской ассоциации лингвистов-когнитологов и последовательным формированием школ российской когнитивной лингвистики.

Согласно статическим данным почетного президента РАЛК Н.Н. Болдырева, в субъектах Российской Федерации функционирует свыше 45 ее региональных отделений. В 2023 г. количество официальных членов ассоциации составило более 300. Научные мероприятия ассоциации проводятся на базе вузов в разных регионах России. В них ежегодно принимает участие свыше 500 языковедов-когнитологов и других исследователей из России и из-за рубежа ⁴.

Профессиональное влияние когнитивной лингвистики в России постепенно растет, а научные достижения страны в этой области имеют влияние в международном академическом сообществе.

Кроме того, стремительный рост количества исследований в области когнитивной лингвистики в России и совершенствование организационной структуры находят выражение в создании школ когнитивной лингвистики.

Школы когнитивной лингвистики в России. Российские ученые пока не пришли к единому мнению относительно выделения школ

русской когнитивной лингвистики. Так, Т.В. Белошапкина отмечает три школы: волгоградскую (В.И. Карасик), воронежскую (З.Д. Попова, И.А. Стернин) и тамбовскую (Н.Н. Болдырев)⁵.

А.В. Рудакова выделяет восемь школ, классифицируя их по исследовательским подходам: общеконцептуальный, психолингвистический, прототипический подход к изучению когнитивных аспектов языковых единиц, лексико-семантический подход в исследовании концептуального содержания единиц языка, дискурсивный анализ, культурологический подход к рассмотрению проблем представления знаний, лингвокультурологический подход к исследованию репрезентации знаний, гендерный анализ представления концептуальных структур в сознании⁶.

Н.А. Дудова выделяет четыре школы по лингвоконцептологическому подходу: волгоградскую (В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин), воронежскую (З.Д. Попова, И.А. Стернин), кемеровскую (М.В. Пименова) и краснодарскую (С.Г. Воркачев)⁷.

Е.В. Дзюбой было выделено 11 школ, согласно географической классификации: Москва, Тамбов, Санкт-Петербург, Волгоград, Краснодар и др.⁸

А.П. Чудинов предлагает два способа классификации. Первый основан на содержании исследований и включает восемь школ: лингвокультурология (Н.Ф. Алиференко, В.В. Воробьев, С.Г. Воркачев и др.), лингвоконцептология (А.П. Бабушкин, С.Г. Воркачев и др.), теория прецедентных феноменов и когнитивной ономастики и т.д. Второй способ классификации берет за основу географический принцип и выделяет пять основных школ: московская школа когнитивной теории (Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков), санкт-петербургская школа когнитивной нейролингвистики, психолингвистики и метафорологии (В.Б. Касевич, Т.А. Клепикова и др.), тамбовская школа когнитивной семантики (Н.Н. Болдырев) и др.⁹

Однако для перечисленных выше способов классификации характерны недостатки. В случае классификации по подходам или содержанию исследований возникает проблема, связанная с тем, что один и тот же ученый может применять различные методы и изучать разнообразные объекты, что теоретически позволяет отнести его к нескольким школам одновременно. Недостаток географического принципа заключается в том, что исследователи, работающие в одном городе, далеко не всегда разделяют общие научные цели и реализуют единую программу исследований. Следовательно, они не могут быть объединены в одну школу исключительно на основании географического принципа.

Школа предполагает единство научной проблематики, которое обеспечивается тем, что базой научной школы становится вуз, в котором работает ученый – руководитель школы. По этим двум критериям нами было выделено семь научных школ: тамбовская (Н.Н. Болдырев), воронежская (З.Д. Попова, И.А. Стернин), белгородская (Н.Ф. Алефиренко), дальневосточная (М.Г. Лебедев), санкт-петербургско-кемеровская (М.В. Пименова), челябинская школа миромоделирования в контексте социального взаимодействия (С.Л. Кушнерук), челябинская школа когнитивного терминоведения (Е.И. Голованова). Рассмотрим подробнее первые три школы.

Тамбовская школа была основана в 1997 г. и является первой и самой стремительно развивающейся школой когнитивной лингвистики в России, а также центром исследований в этой области. Она тесно сотрудничает с Институтом лингвистики Российской академии наук. В настоящее время школа объединяет более 110 членов, включая 15 докторов и более 100 кандидатов филологических наук. Основной базой школы является Тамбовский государственный университет. Теоретическую и методологическую основу школы заложила докторская диссертация «Функциональная категоризация английского глагола» Н.Н. Болдырева, написанная в 1995 г.¹⁰ Руководитель школы Н.Н. Болдырев рассматривает язык и речь как единство, основываясь на когнитивной, коммуникативной и интерпретирующей функциях языка. На этой основе он сформулировал интегративную когнитивную теорию языка, состоящую из теорий языковой репрезентации знаний, языковой семиотизации и языковой интерпретации. Под влиянием его концепции школа стремится через наблюдение и анализ явлений речевой деятельности человека обобщить основные закономерности человеческого познания, сформулировать общую теорию языкового оперирования знанием и в конечном итоге достичь адекватного объяснения различных языковых явлений. По этой причине члены школы уделяют большое внимание взаимосвязи между языковой и когнитивной структурами, форматами знаний, способами первичной и вторичной репрезентаций языковых концептов, первичной и вторичной интерпретациями языка, а также отношениям между системной и функциональной категоризациями языковых единиц.

Воронежская школа базируется в Воронежском государственном университете, является ответвлением теоретической лингвистической школы, возглавляемой З.Д. Поповой и И.А. Стерниным. Школа теоретической лингвистики была официально утверждена в 1999 г. Ее представители уделяют большое внимание изучению различных типов когнитивной репрезентации и их структурированию в лексико-семантических группах и полях, когнитивным аспектам формирования устойчивых выражений в речи, синтаксическим концептам и их этнокультурным особенностям, лакунам в картинах мира разных народов, а также этнокультурным концептам и концептам языкового сознания. Исследователи школы также рассматривают понятие «концепт» как полевое образование с ядром и периферией, предлагая исследовать концептуальные характеристики, репрезентируемые именами нарицательными и собственными, с использованием различных психолингвистических экспериментальных методов. На данный момент в школе насчитывается 17 докторов филологических наук. Членами школы было подготовлено более 100 диссертаций на соискание степеней кандидата и доктора наук в области когнитивной лингвистики.

Белгородская школа была основана в 2006 г. и базируется в Белгородском государственном национальном исследовательском университете. Численность членов школы превышает 60 чел., включая 26 докторов и 35 кандидатов филологических наук. Теоретической основой школы послужила монография Н.Ф. Алефиренко «Поэтическая энергия слова: синергетика языка, сознания и культуры». Интегрируя знания когнитивной науки, семиотики и герменевтики, Н.Ф. Алефиренко предложил оригинальную когнитивно-семиотическую парадигму

исследования лингвокультурологии, целью которой является превращение лингвокультурологии из описательной дисциплины в междисциплинарную науку, изучающую синергетическое взаимодействие языка, семантики, сознания и культуры. Алефиренко считает, что язык, сознание и культура представляют собой синергетический континуум, а культурный смысл – это наносмысл, скрытый в культурном пространстве человеческого сознания, являющийся продуктом человеческих ощущений и косвенно-производной номинации. Языковая система – это результат ценностно-смыслового восприятия картины мира¹¹. В связи с этим члены школы уделяют большое внимание исследованию этнокультурной семантики языковых знаков, изучают языковые механизмы организации, обработки, хранения и передачи культурной информации, а также, анализируя семантику дискурса русского и других славянских языков, раскрывают пути преобразования знаний этнокультурного пространства в компоненты языкового семантического пространства.

Исследователи других школ когнитивной лингвистики также проводят уникальные исследования. В частности, представители дальневосточной школы под руководством М.Г. Лебедеко изучают когнитивные характеристики национальных культурных концептов древних народов и на основе когнитивного подхода исследуют взаимосвязи и конфликты в процессе культурного контакта.

Исследователи санкт-петербургско-кемеровской школы под руководством М.В. Пименовой занимаются исследованием различных структурных характеристик конкретных концептов с исторической и сравнительной точек зрения, стремясь выявить развитие когнитивных характеристик в историческом развитии слова.

Челябинская школа миромоделирования в контексте социального взаимодействия, возглавляемая С.Л. Кушнерук, отталкиваясь от теории когнитивно-дискурсивного миромоделирования, изучает структурирование информации о среде и человеке в дискурсе разных типов вербально-семиотическими средствами.

Представители челябинской школы когнитивного терминоведения под руководством Е.И. Головановой изучают когнитивные терминологические вопросы, акцентируя внимание на характеристиках языковой личности различных профессий и их когнитивных особенностях.

Кроме того, следует отметить, что с распространением идей когнитивной лингвистики западных ученых в России некоторые представители лингвистических школ ищут возможности интеграции когнитивных методов со своими областями исследований, формируя уникальный облик междисциплинарных исследований. Так, например, представители волгоградской школы языковой культурологии под руководством В.И. Карасика интегрируют когнитивные методы в исследования лингвокультурологии, лингвоперсонологии, дискурсологии; уральская семантическая школа под руководством Л.Г. Бабенко сочетает когнитивные методы с лексикографическими исследованиями; уральская политическая лингвистическая школа, возглавляемая А.П. Чудиновым, применяет теорию метафор для анализа политического дискурса.

Исследования в области российской когнитивной лингвистики в Китае. Развитие когнитивной лингвистики в России вызывает

большой интерес у китайских ученых. Ду Гуйчжи стала первой, кто познакомил Китай с достижениями российской когнитивной лингвистики. Она обобщила исследования основоположницы российской когнитивной лингвистики Е.С. Кубряковой в таких аспектах, как морфология, словообразование и теория номинации, высоко оценив вклад исследовательницы в развитие российской когнитивной лингвистики. Также она представила различные подходы и объекты исследования российской когнитивной лингвистики¹².

Впоследствии китайские ученые всесторонне изучили место когнитивной лингвистики в истории русской лингвистики, ее истоки, основные идеи и тенденции развития с разных точек зрения.

Помимо упомянутого ранее Чжао Годуна, развитие российской когнитивной лингвистики изучала Ву Айхуа. Она представила исследования российских ученых по проблемам, связанным с когнитивной лингвистикой, таким как языковая картина мира, роль лексики, словообразования, метафоры и грамматики в языковой картине мира¹³.

Суй Ли описала процесс формирования российской когнитивной семантики, выявила различия между российской теоретической семантикой и американской когнитивной лингвистикой, а также кратко изложила исследовательские тенденции нескольких представителей российской когнитивной семантики и их школ¹⁴.

Лю Цзоянь уделила особое внимание исследованиям российской когнитивной лингвистики в области концептов и концептуальных областей, языковой картины мира, ментальности, языкового сознания и когнитивной лингвокультурологии¹⁵.

Чжао Лян представил различные дисциплинарные истоки российской когнитивной лингвистики, включая когнитивную науку, когнитивную психологию, семантику, лингвистическую типологию и этнолингвистику, а также проанализировал взгляд на язык и концепты российских лингвистов¹⁶.

Суй Жань¹⁷, Чжан Чжэ и Чжао Годун¹⁸, Цзян Ямин¹⁹, Чжи Ючан²⁰, Чэнь Юн²¹ и др. провели всесторонний анализ ключевого термина российской когнитивной лингвистики – «концепта». Анализ включал интерпретацию концепта в различных дисциплинах, анализ особенностей его определения, области и метода исследования в рамках когнитивной науки и лингвокультурологии, а также его классификацию.

Чжао Годун представил рецензию на работу Е.С. Кубряковой «Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира», указав на вклад исследования в область когнитивной лингвистики, а также на некоторые его недостатки²².

Сунь Шуфан и Мао Цзинцзин провели подробный анализ когнитивно-дискурсивной парадигмы Е.С. Кубряковой, интерпретировав понятийное содержание этой парадигмы с точки зрения информатики, семиотики и моделей порождения речи. Они указали на теоретическую ценность данной парадигмы и раскрыли ее методологическую значимость для исследования частей речи и словообразования²³.

Янь Минъюэ и др. на основе программного обеспечения CiteSpace провели количественный статистический анализ публикаций в журнале «Вопросы когнитивной лингвистики» с 2008 по 2020 г.,

проанализировали тенденции развития российской когнитивной лингвистики и выявили, что за 13 лет исследования в этой области в основном касались концептов, метафор, дискурса и других направлений. В области этого исследования были также сформированы такие актуальные темы, как концептуализация, концептуальная метафора и анализ дискурса, что отражает тенденцию интеграции с традиционными областями лингвистики и междисциплинарного взаимодействия²⁴.

Бу Чжэ²⁵, Ли Хайбинь²⁶ и Цзюй Юньшэн²⁷ изучили когнитивную терминологию, подробно описали истоки ее возникновения, представили теоретические основы и доминантные принципы исследований в этой области, обобщили основные направления исследований когнитивной терминологии и всесторонне проанализировали процесс формирования понятийной системы российской когнитивной лингвистики, а также ее ключевые понятия.

Полагаем, что российская когнитивная лингвистика, воспринимая идеи европейской и американской когнитивной лингвистики, наследует национальные традиции лингвистики, психологии, психолингвистики и языковой культурологии. На методологическом уровне она органично сочетает структурную системную, антропоцентрическую и когнитивно-дискурсивную парадигмы, всесторонне исследуя коммуникативную, когнитивную и интерпретирующую функции языка. Это привело к формированию различных когнитивно-лингвистических школ с ярко выраженными национальными и региональными особенностями. Исследовательские интересы и объекты изучения разных школ значительно различаются, что способствует расширению академического поля российской когнитивной лингвистики и лингвистической науки в целом.

В заключение отметим, что подробное изучение состояния и тенденций развития российской когнитивной лингвистики, а также исследований китайских ученых в этой области не только позволяет ученым из России и Китая расширить научные горизонты, но и способствует укреплению двустороннего сотрудничества в области лингвистики, стимулируя устойчивое развитие и появление инноваций в лингвистических исследованиях обеих стран.

Примечания

Статья подготовлена при поддержке крупной программы ключевой научно-исследовательской базы гуманитарных и общественных наук Министерства образования КНР «Исследование современной российской когнитивной лингвистики» (проект № 23JJJD740001) и инновационного научно-исследовательского проекта аспирантов и докторантов Хэйлунцзянского университета «Исследование когнитивной теории языка Н.Н. Болдырева» (проект № YJSCX2022-019HLCJU).

1. СКРЕБЦОВА Т.Г. Когнитивная лингвистика 30 лет спустя. — Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 3, с. 465.
2. 赵国栋. 俄罗斯认知语言学研究的历史 [A] // 俄罗斯语言学通史 [M]. 上海: 上海外语教育出版社. 2009年, 第495—500页. (ЧЖАО ГОДУН. История исследований российской когнитивной лингвистики. В кн.: Общая история русского языкознания. Шанхай. 2009, с. 495—500).
3. Подробнее см.: БЕЛОШАПКОВА Т.В. Когнитивная лингвистика в России: итоги и перспективы развития. В кн.: Славянский мир в третьем тысячелетии. М. 2009. Т. 4; ДУДОВА Н.А. Когнитивная лингвистика в России. — Филологические науки: Вопросы теории и практики. 2014. № 3-2 (33); ЧУДИНОВ А.П. Когнитивная наука – когнитивные науки – федерация когнитивных наук. — Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 1 (42); СКРЕБЦОВА Т.Г. Ук. соч.; ДЗЮБА

- Е.В. Когнитивная лингвистика: Уч. пос. для высших учебных заведений. Екатеринбург. 2018; и др.
4. БЕЛОШАПКОВА Т.В. Ук. соч., с. 435.
5. ДУДОВА Н.А. Ук. соч., с. 70.
6. ДЗЮБА Е.В. Ук. соч., с. 19–29.
7. РУДАКОВА А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика. Воронеж. 2004, с. 22–23.
8. ЧУДИНОВ А.П. Ук. соч., с. 119–120.
9. URL: <https://bigenc.ru/c/rossiiskaia-assotsiatsiia-lingvistov-kognitologov-00268d?ysclid=m7bpmr2yp0579279001>
10. БАБИНА Л.В., ФУРС Л.А. Научная школа Н.Н. Болдырева «Когнитивная лингвистика. Взаимодействие мыслительных и языковых структур». — Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2010. № 7 (87), с. 321.
11. АЛЕФИРЕНКО Н.Ф. Когнитивно-семиологические аспекты лингвокультурологии. — Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 1 (6), с. 37–39.
12. 杜桂枝. 认知语言学在俄语学研究中的状况 // 福建外语. 第2期. 1999年. (ДУ ГУИЧЖИ. Состояние когнитивной лингвистики в исследованиях русского языка. — Фүцзяньский иностранный язык. 1999. № 2).
13. 武瓊华. 世纪末的俄国语言学 // 外语教学与研究. 第4期. 2001年. (ВУ АЙХУА. Русская лингвистика на рубеже веков. — Преподавание и исследование иностранных языков. 2001. № 4).
14. 徐莉. 俄罗斯认知语言学研究现状及流派 // 中国俄语教学. 第4期. 2012年. (СЮЙ ЛИ. Современное состояние и школы российской когнитивной семантики. — Русский язык в Китае. 2012. № 4).
15. 刘佐艳. 俄罗斯认知语言学研究概览 // 解放军外国语学院学报. 第3期. 2019年. (ЛЮ ЦЗОЯНЬ. Обзор исследований российской когнитивной лингвистики. — Вестник Института иностранных языков Народно-освободительной армии Китая. 2019. № 3).
16. 赵亮. 俄罗斯认知语言学的源头和主要思想 // 西南民族大学学报 (人文社科版). 第52期. 2009年. (ЧЖАО ЛЯН. Истоки и основные идеи российской когнитивной лингвистики. — Юго-Западный университет национальностей (Гуманитарные и социальные науки). 2009. № 52).
17. 隋然. 语言认知理论研究中的概念现象问题 // 外语学刊. 第4期. 2004年. (СУЙ ЖАНЬ. Проблемы понятий в теории языкового познания. — Журнал иностранных языков. 2004. № 4).
18. 张喆, 赵国栋. 概念刍议 // 解放军外国语学院学报. 第4期. 2006年. (ЧЖАН ЧЖЭ, ЧЖАО ГОДУН. О концепте. — Вестник Института иностранных языков Народно-освободительной армии Китая. 2006. № 4).
19. 姜雅明. 对“концепт”的解读与分析 // 中国俄语教学. 第1期. 2007年. (ЦЗЯН ЯМИН. Интерпретация и анализ концепта. — Русский язык в Китае. 2007. № 1).
20. 郑友昌, 赵亮, 杨丽芳. 俄罗斯认知研究中的概念分析 // 外语教学. 第6期. 2008年. (ЧЖИ ЮЧАН, ЧЖАО ЛЯН, ЯН ЛИФАН. Анализ концептов в российских когнитивных исследованиях. — Преподавание иностранных языков. 2008. № 6).
21. 陈勇. 俄罗斯语言学界概念分类问题研究综览 // 解放军外国语学院学报. 第6期. 2020年. (ЧЭНЬ ЮН. Обзор исследований классификации концептов в российской лингвистике. — Вестник Института иностранных языков Народно-освободительной армии Китая. 2020. № 6).
22. 赵国栋. 认知话语范式下的认知研究: “语言与知识”评介 // 中国俄语教学. 第2期. 2008年. (ЧЖАО ГОДУН. Когнитивные исследования в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы: рецензия на книгу «Язык и знание». — Русский язык в Китае. 2008. № 2).
23. 孙淑芳, 毛京京. 俄罗斯认知话语范式理论阐释与应用探索 // 外语学刊. 第2期. 2024年. (СУНЬ ШУФАН, МАО ЦЗИНЦЗИН. Теоретическое объяснение и применение российской когнитивно-дискурсивной парадигмы. — Журнал иностранных языков. 2024. № 2).
24. 闫月明, 陈勇, 纪佳听. 俄罗斯认知语言学研究趋势探: 基于CiteSpace的“认知语言学问题”期刊发文可视化分析 // 中国俄语教学. 第3期. 2022年. (ЯНЬ ЮЭМИН, ЧЭНЬ ЮН, ЦЗИ ЦЗЯСИНЬ. Исследование тенденций российской когнитивной лингвистики: визуальный анализ публикаций в журнале «Вопросы когнитивной лингвистики» на основе CiteSpace. — Русский язык в Китае. 2022. № 3).
25. 吴哲. 俄罗斯认知术语研究管窥 // 中国俄语教学. 第3期. 2013年. (ВУ ЧЖЭ. Исследование российской когнитивной терминологии. — Русский язык в Китае. 2013. № 3).
26. 李海斌. 认知术语学: 术语学研究的新方向 // 外语学刊. 第3. 2014年. (ЛИ ХАЙ-БИНЬ. Когнитивная терминология: новое направление в терминологических исследованиях. — Журнал иностранных языков. 2014. № 3).
27. 句云生. 俄罗斯认知语言学术语体系建构研究 // 中国俄语教学. 第4期. 2022年. (ЦЗЮЙ ЮНЬШЭН. Исследование построения терминологической системы российской когнитивной лингвистики. — Русский язык в Китае. 2022. № 4).

История исследований мотива катастрофы в русской литературе в Китае в 2008–2024 гг.

ЮЕ ЦЮАНЬСИНЬ

The history of research on the motive of the catastrophe in Russian literature in China in 2008–2024

YUE QUANXIN

Аннотация. В статье рассматриваются исследования китайских ученых и экспертов мотива катастроф в русской литературе за последние 15 лет. Обобщены направление, содержание, методы и характеристики исследований на разных этапах, раскрыты глубокий смысл и важные функции мотива катастроф в русской литературе.

Ключевые слова: мотив катастроф, русская литература, городские тексты, Китай, Россия, литературоведение.

Abstract. The article examines the research of Chinese experts and scientists on the motive of disasters in Russian literature over the past ten years. The directions, content, methods and characteristics of research at different stages were summarized, and at the same time the deep meaning and important functions of the motive of disasters in Russian literature were revealed.

Key words: the motive of disasters, Russian literature, urban texts, China, Russia, literary critics.

Юе Цюаньсинь – докторант, Институт русского языка Хэйлунцзянского университета. Хэйлунцзян. Китай.

E-mail: 747352617@qq.com.

Yue Quanxin – doctoral student, Institute of Russian Language of Heilongjiang University. Heilongjiang. China.

E-mail: 747352617@qq.com.

Термин «мотив» (от лат. moveo – «двигаю») пришел в литературоведение из музыкальной культуры и применяется для обозначения минимального компонента художественного произведения – неразложимого далее элемента содержания. Известный американский фольклорист Стит Томпсон в свое время классифицировал народные сказки мира и собрал более 100 мотивов человеческих катастроф, из которых 99 – это всемирные катастрофы: наводнения, войны т.д. Можно сказать, что мотив катастроф имеет древнюю историю и богатое содержание.

В русской литературе много произведений, написанных по мотиву катастроф. С одной стороны, это связано с уникальными природно-географическими факторами и социокультурными условиями, из-за которых крупнейшая страна мира часто страдает. Это заложило реалистическую основу для зарождения мотива катастроф в русской литературе. С другой стороны, под влиянием христианства и политеистических потрясений русский народ часто предчувствовал катастрофы. Это переросло в своего рода коллективное бессознательное, укоренившееся в сердцах русских чувство опасности, создав культурный контекст для развития мотива катастрофы в литературе. Н.А. Бердяев отмечал, что «русская литература родилась не от радостного творческого избытка, а от муки и страдальческой судьбы человека и народа, от искания всечеловеческого спасения»¹.

В русской литературе существует традиция фиксировать исторические катастрофы и размышлять о судьбах человечества. Множество произведений содержит мотив катастроф. В них содержатся не только записи об исторических событиях, но и размышления о природе человека, стремлении к стабильной и справедливой социальной среде.

В исследованиях китайских ученых и экспертов мотива катастроф есть два важных поворотных момента. Первый – землетрясение в Вэньчуане в Китае в 2008 г., которое стало самым разрушительным и широкомасштабным со времен основания Китайской Народной Республики и самым сложным для ликвидации его последствий. Учитывая целительную силу литературы, многие китайские эксперты сосредоточили свои исследования на мотиве катастроф в китайской и зарубежной литературе. Таким образом, период с 2008 по 2019 г. стал начальным этапом исследований в этой области. Второй момент – это глобальная катастрофа, вызванная новой коронавирусной инфекцией. Это событие повлияло на жизнь многих людей, заставив их задуматься о катастрофах. 2020–2024 гг. оказались важным этапом развития исследований по данной теме.

Начальный этап: внимание к мотиву катастроф в русской литературе (2008–2019 гг.). Землетрясение в Вэньчуане и поддержка пострадавших привели к появлению исследований мотива катастрофы. Согласно статистике, с июля 2008 по июнь 2009 г. состоялось по меньшей мере четыре семинара на тему «Мотив катастрофы в литературе».

В 2008 г. в Китае прошел семинар «Эстетическая забота и трансцендентность жизни: мотив катастрофы в литературе», на котором эксперты и ученые горячо обсуждали определение мотива катастрофы. Ло Мин из Научно-исследовательского института Сычуаньской академии общественных наук впервые предложил включить в это понятие две составляющие – стихийные бедствия и техногенные катастрофы – и уделять внимание роли людей в бедствиях и катастрофах.

В 2010 г. в работе «Современные исследования мотива катастрофы и восстановления духовной родины» Хэ Шенгли и Су Нин также предположили, что мотив катастрофы – это культурная и духовная рефлексия, основанная на групповой идентичности, которая должна обеспечить «идеальный способ для каждого человека выплеснуть эмоции и залечить травму ради восстановления духовной родины»². Кроме того, Ван Цзунху из столичного педагогического университета в своей статье проанализировал мотив катастрофы в работах Л.Н. Андреева и привел в качестве примера роман «Набат», указав, что автор раскрыл сильное ощущение катастрофы у людей Серебряного века через описание бесконечных звуков набата.

В целом на этом этапе в Китае был сформулирован термин «мотив катастрофы», но объекты исследования находились в основном в китайских произведениях. Только некоторые эксперты исследовали отдельные русские произведения на мотив катастрофы, например «Медного всадника» и «Пир во время чумы» А.С. Пушкина.

Постепенно ситуация изменилась. Дун Цион и Тянь Минь в статье «Анализ симптомов современной китайской литературы по мотиву катастрофы» заявили, что китайским исследователям еще многое предстоит сделать. В настоящее время серьезных работ не хватает. Говоря о работе «Последние свидетели. Соло для детского голоса» Светланы Алексиевич, авторы отмечали: «Описывая трагическую природу катастрофы, в нем больше внимания уделяется изучению национального государства, стоящего за катастрофой, а также размышлениям о религии, природе человека и этике»³. Упомянутые китайские исследователи впервые официально подчеркнули содержание и ценность изучения мотива катастроф в русской литературе, что заложило основу для дальнейших исследований.

Изучение мотива катастроф в русской литературе на начальном этапе в Китае в основном шло по двум направлениям.

С точки зрения городских текстов, мотив катастрофы в русской литературе неразрывно связан с городом. Под влиянием различных факторов катастрофы часто происходят в пределах конкретных городов и регионов. Например, в Сибири часто случаются снежные бури, а в Санкт-Петербурге – наводнения. Выбор города напрямую влияет на логику написания, тон и ритм повествования, направление развития сюжета и т.д. Во-вторых, катастрофы влияют на изменения в городе, такие как повреждение зданий, городских общественных объектов, человеческие жертвы.

В 2014 г. Фу Синхуань упомянул о мотиве катастрофы в городских текстах в статье «Предварительное исследование москов-

ских и петербургских текстов в русской литературе». Он рассматривал пожар как важный составляющий элемент московского мифа, представляющий город-Феникс, возрождение из пепла. В отличие от Москвы, Санкт-Петербург пережил множество наводнений. Ю. Лотман отмечал, что города часто расположены «на краю» культурного пространства: «на берегу моря, в устье реки. Здесь актуализируется не антитеза земля / небо, а оппозиция естественное / искусственное»⁴. Таким образом, катастрофа в Петербурге может быть истолкована двояко: люди побеждены природой, а природа уничтожена человеком. Это толкование ставит Петербург в контекст мифа о конце света.

В статье «Система городских текстов в русской литературе – на примере петербургского текста», вышедшей в 2017 г., интерпретированы мотивы катастроф, проанализированы стихийные бедствия в Санкт-Петербурге с точки зрения мифологии и поэтики и определена взаимосвязь между известным русским пророчеством о том, что «Петербург превратится в пустоту», и слухом о том, что «Петербург будет погребен под водой».

В 2019 г. в докторской диссертации на тему «Современное мифологическое значение Петербурга в русской литературе XIX века» Ду Гоин исследовал мотив катастрофы на основе изучения петербургского текста. С одной стороны, он изучил мифическое происхождение мотива катастрофы, отметил, что православный дух воплощен в концепции русского народа о целостной моральной системе, которая часто проявляется в том, что поведение человека ограничено этическими нормами. Нарушение этики неизбежно приводит к наказанию катастрофой, что также составляет мотив этической катастрофы. С другой стороны, взяв в качестве примеров такие произведения, как «Медный всадник», «Преступление и наказание», автор подробно изучил метод построения мотива катастрофы и пришел к выводу, что русские писатели с помощью мотива катастрофы прояснили различные проблемы современной цивилизации, имеющие важное социально-практическое значение.

Исследование работ, описывающих конкретные виды катастроф. Систематическое изучение мотивов отдельных видов катастроф тесно связано с актуальными вопросами литературной критики и важными событиями международной жизни.

В 2016 г., когда литературоведение обратило внимание на экологические проблемы, интерес у исследователей вызвал мотив стихийных бедствий. Например, Дуань Лицзюнь в статье «Тема метели у классического русского писателя» сравнил и проанализировал мотив катастрофы в произведениях А.С. Пушкина, Н.А. Некрасова, Л.Н. Толстого, М.Ю. Лермонтова, И.А. Бунина, А.А. Блока, Б.Л. Пастернака, К.Г. Паустовского и др. Он считает, что в этих литературных произведениях катастрофа – это мощная, холодная и безжалостная сила природы, вызывающая у людей ассоциации со смертью. Катастрофа управляет действиями человека, влияет на судьбы людей и даже на будущее страны и нации. Кроме того, катастрофа по-прежнему остается испытанием человеческой натуры. Некоторые люди взрослеют, проходя через него, а некоторые раскрывают свою эгоистичную и трусливую натуру.

В 2019 г. на химическом заводе в г. Яньчэн провинции Цзянсу (Китай) произошел взрыв, который привел к человеческим жертвам и серьезным экономическим потерям. В связи с этим многие китайские ученые обратились к теме чернобыльской ядерной катастрофы в русской литературе.

Го Сяоши в статье «Образы руин в романе “Чернобыльская молитва. Хроника будущего”» высказывает мнение, что руины являются одним из важных отражений мотива катастрофы. С одной стороны, это разрушенное физическое пространство. Чернобыль превратился в руины, где правила человеческого общежития уступили место законам природы. Здания заселили животные, а дороги заросли бурьяном. Красивый природный ландшафт и радиация существуют здесь одновременно, что заставляет людей чувствовать страх. С другой стороны, руины – это еще и психологическая травма людей. Жители Чернобыля, пережившие катастрофу, подверглись дискриминации со стороны внешнего мира, а любовь, брак и семья стали недостижимым желанием. Это привело к изменениям в их мышлении и образе жизни. Хотя многие из них переехали, это не уничтожило страх в их сердцах. Го Сяоши считает, что «катастрофа произошла не только в момент ядерного взрыва, она вторглась в их повседневную жизнь и, в свою очередь, превратила ее в катастрофу»⁵. В духовном мире они все еще находятся в ловушке у руин Чернобыля. Таким образом, Го Сяоши объясняет мотив катастрофы на физическом и духовном уровнях.

В работе «Наследуя традиции русской литературы – гуманистическое повествование С. Алексиевич» Ли Цзяньцзюнь описывает, как Светлана Алексиевич взяла интервью у людей, переживших чернобыльскую катастрофу, а также у их родственников и друзей и в многоголосой форме представила картину масштабной ядерной катастрофы, с которой столкнулось человечество. Мотив катастрофы в ее работе не только имеет отношение к конкретному событию, но и несет абстрактное символическое значение, связанное с будущей судьбой человечества. Это запись-предупреждение всему человечеству. «Это демонстрирует своего рода великий дух гуманистического повествования»⁶.

В 2019 г. Чжан Мэн объяснил свое двойственное понимание мотива катастрофы в статье «Как рассказать о катастрофе: исследование поэзии великой блокады Ленинграда». Во-первых, на физическом уровне он сосредоточился на изображении нехватки ресурсов и голода, вызванных блокадой: из-за этого лица людей стали изможденными, со следами болезней и даже смерти. В этом смысле мотив катастрофы стал средством обвинения в жестоких преступлениях. Во-вторых, на духовном уровне многие писатели подчеркивали, что в катастрофе собственное сознание солдат сильнее, чем инстинкт тела. Это свидетельствует о силе воли русского народа. В этих условиях мотив катастрофы стал своего рода символом с богатым подтекстом, символом священной жертвенности советских людей, которые скорее умрут, чем сдадутся, и обязательно победят врага.

Многогранный этап развития исследований мотива катастрофы (2020–2024 гг.) Эпидемия 2019 г. заставила людей во всем

мире осознать разрушительную силу катастрофы. Теперь мир стал единым целым, а судьба человечества – общей.

В 2020 г. на десятом форуме передовых китайских критиков под названием «Местные рассказы, городское воображение и мотив катастрофы в истории современной литературы и искусства» более 30 экспертов обменялись мнениями и провели дискуссии. Было отмечено, что мотив катастрофы основан на воображении и отражает реальность в форме аллегорий, выражающих сильное чувство скорби и дух борьбы.

В 2022 г. на вебинаре «Культура катастроф и китайская литература: новые направления в теоретическом построении и критической практике», организованном отделом мировой литературы Чжэцзянского университета совместно с Гарвардским университетом, эксперты со всего мира провели дискуссии о том, какая литература по мотиву катастрофы нужна. Ло Бо Сун, профессор факультета Восточной Азии и директор Азиатского центра Гарвардского университета, рассказал о роли катастрофы как катализатора литературного творчества. Не Чжэньчао, директор Междисциплинарного исследовательского центра мировой литературы Чжэцзянского университета, предположил, что критика литературной этики может хорошо объяснить мотив катастрофы. В данном случае катастрофа – это моральное испытание для всех. Выбор персонажей в литературных произведениях раскрывает этические и нравственные проблемы, возникающие в экстремальных условиях.

Вышеупомянутые мероприятия способствовали проведению исследований по теме мотива катастроф в русской литературе. Основные направления данных исследований можно разделить на четыре группы.

С точки зрения сравнительной литературы. Китайские исследователи начали изучать взаимосвязь между мотивом катастрофы в России и евразийской и китайской литературой в плане возникновения, происхождения и коммуникации. С одной стороны, это связано с тем, что русские писатели были хорошо знакомы с западной литературой и философией, что повлияло на их творчество; с другой – с переводом и распространением русской литературы китайскими писателями.

В 2020 г. Хо Шифу и Ху Лирон сравнили похожие воспоминания о катастрофах, оставленные писателями из разных стран, в статье «Историческое описание трагедии “Ядерного взрыва” – сравнительное исследование С. Алексиевич “Чернобыльская молитва. Хроника будущего” и Кэндзабуро Оэ “В позднем стиле”». Они отметили, что С. Алексиевич использовала многоголосую форму, чтобы рассказать о безысходной ситуации, сложившейся после чернобыльской катастрофы. А Кэндзабуро Оэ рассказал о катастрофах, вызванных атомными бомбардировками в районах Хиросимы и Нагасаки в Японии, и указал на проблемы нынешней государственной системы и социальной структуры. В целом они оба написали о трагической судьбе современных людей, связанной с катастрофами.

В 2022 г. в статье «Научно-популярное описание катастроф – в книге С. Алексиевич “Последние свидетели. Соло для детского

голоса” и в книге Ян Сяньхуэя “Хроника сиротского дома Дин-си”» Цзян Хэ сравнил, как эти писатели показали силу мотива катастрофы с точки зрения детей.

С эстетической точки зрения. В статье Ван Лидан «Катастрофическое осознание и эстетическое конструирование русской документальной драмы в постсоветский период», основанной на типичных современных российских документальных драмах, рассматривается мотив катастрофы в двух измерениях – пространстве и времени, анализируется выраженное осознание катастрофы. Изображая катастрофу поэтично, драматурги дали ей запутанный сюжет и богатый подтекст, продемонстрировав «позитивное этическое отношение и гуманистическую заботу»⁷.

С точки зрения функциональной роли. В 2023 г. Гу Цзюньлин и Сингатулин обсудили вдохновляющую роль мотива катастрофы в русской литературе на духовном уровне. В статье «Позитивная сила мотива катастрофы» они взяли в качестве примера автобиографический документальный роман К.Г. Паустовского «Повесть о жизни», указав, что в романе описываются война и другие бедствия: бедность и голод, большое количество смертей и эпидемии, а также различные человеческие пороки, которые проявляются в экстремальных условиях. Но Паустовский видел социальную функцию мотива катастрофы, которая давала людям надежду. Поэтому в романе много сцен, где происходит активная борьба с катастрофой. Он верит, «что люди всегда будут сталкиваться с катастрофами того или иного рода в процессе своего выживания и развития, но в конечном счете они преодолеют их»⁸. Страданиям придет конец, и люди выйдут из тумана, морально вырастут в условиях катастроф и увидят смысл жизни перед лицом смерти.

С точки зрения стиля писателя. Некоторые китайские исследователи уделяют особое внимание мотивам и художественным приемам, связанным с катастрофами. Например, в статье «О мотиве катастрофы в творчестве В.Я. Брюсова» Сунь Сюэ отмечает, что Брюсов в своих произведениях создает предельные ситуации, такие как эпидемии, научно-технические катастрофы и экологические катаклизмы. Он показывает борьбу и страдания людей в этих катастрофических ситуациях, раскрывая суть апокалиптической атмосферы начала XX в. В его произведениях «мотив катастрофы тесно связан с ощущением неблагополучия в развитии человеческого общества»⁹, что отражает чувство ответственности и миссии русских писателей. Они всегда заботились о судьбе всего человечества и думали о будущем.

Как уже упоминалось выше, в последние полтора десятилетия, по мере углубления исследований теории мотива катастрофы, многие эксперты и ученые Китая обратили свое внимание на русскую литературу, анализируя мотив катастрофы с точки зрения поэтики, эстетики, литературоведения, географии и т.д. Благодаря их исследованиям, мы видим, что мотив катастрофы в русской литературе включает не только ее описание, но и размышления о реальных проблемах и будущем. Русские писатели не сосредоточивались на изображении печали, а выражали надежду русского народа на жизнь, его приверженность принципу «жизнь превыше

всего» и стремление к стабильной и справедливой социальной среде. Это имеет очень важное исследовательское значение.

Примечания

1. БЕРДЯЕВ Н.А. Русская идея. М. 1990.
2. 何胜莉 [ХЭ ШЕНГЛИ], 苏宁 [СУ НИН]. 灾难母题的现代书写与精神家园重建 [Современные исследования на мотив катастрофы и восстановления духовной родины]. — 中华文化论坛 Китайский культурный форум. 2010. № 3, с. 28–34.
3. 董琼 [ДУН ЦИОН], 田敏 [ТЯНЬ МИНЬ]. 中国当代灾难文学症候分析 [Анализ симптомов современной китайской литературы по мотиву катастрофы]. — 湘潭大学学报 [Вестник Сянтаньского университета]. 2017. № 2, с. 100–104.
4. ЛОТМАН Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города. В кн.: Труды по знаковым системам. Тарту. 1984.
5. 郭小诗 [ГО СЯОШИ]. 《切尔诺贝利的悲鸣》中的废墟意象 [Образы руин в романе «Чернобыльская молитва. Хроника будущего»]. — 俄罗斯文艺 [Русская литература и искусство]. 2019. № 3, с. 84–91.
6. 李建军 [ЛИ ЦЗЯНЬЗЮНЬ]. 对俄罗斯文学传统的完美接续— 阿列克谢耶维奇的巨型人道主义叙事 [Наследуя традиции русской литературы – гуманистическое повествование С. Алексиевич]. — 当代文坛 [Современный литературный мир]. 2019. № 3, с. 4–15. (на кит. яз.)
7. 王丽丹 [ВАН ЛИДАН]. 后苏联时期俄罗斯纪实戏剧的灾难意识书写与审美建构 [Катастрофическое осознание и эстетическое конструирование русской документальной драмы в постсоветский период]. — 外国文学 [Иностранная литература]. 2023. № 1, с. 30–41. (на кит. яз.)
8. 顾俊玲 [ГУ ЦЗЮНЬЛИН], 辛加图林 [СИНГАТУЛИН]. 灾难书写背后的积极力量 [Позитивная сила мотива катастрофы]. — 中国社会科学报. 2023. № 2, с. 10.
9. 孙雪 [СУНЬ СЮЭ]. 论瓦·勃留索夫创作中的灾难书写 [О мотиве катастрофы в творчестве В.Я. Брюсова]. — 语文学刊 [Филологический журнал]. 2023. № 2, с. 104–109.

Этапы развития системы охраны архитектурно-градостроительного наследия г. Аньян

Цюй Жулань, Лю Ци

Аннотация. В статье поднимаются вопросы охраны памятников архитектуры и историко-архитектурного наследия китайского города Аньян с 1920-х по 2010-е гг. Представлен анализ специфики системы охраны исторического города, а также рассмотрены актуальные вопросы охраны объектов культурного наследия. Проанализированы региональные литературные источники, графические подтверждения (чертежи и планы) развития города, нормативные документы в области охраны архитектурного наследия. Использован метод графического анализа. Результаты работы позволят расширить и уточнить уже существующие аспекты теории охраны архитектурного наследия Китая, а также станут источником для формирования новых охранных зон, так как ранее систематические исследования по заявленной теме не проводились.

Ключевые слова: архитектура, памятник архитектуры, предмет охраны, конструктивизм, Китай, архитектурно-градостроительное наследие, культурная ценность.

Цюй Жулань – кандидат архитектуры, старший преподаватель кафедры истории и теории архитектуры Чжэнчжоуского университета. Чжэнчжоу. Китай.

E-mail: qrl@zzu.edu.cn; qgulan@mail.ru;

Лю Ци – кандидат искусствоведения, старший преподаватель Художественного музея Шаньдунского университета искусств и дизайна. Шаньдун. Китай.

E-mail: 1244530909@qq.com.

The stages of development of the architectural and urban heritage protection system of Anyang

QU RULAN, LIU QI

Abstract. This article analyzes the issues of protection of architectural monuments and historical and architectural heritage of Anyang from the 1920s to the 2010s. The study subject is the stages of development of the protection system of architectural and urban heritage of Anyang. The article presents the analysis of the specifics of the protection system of the historical city, considers the current issues of protection of cultural heritage sites. Research methods: the study and the analysis of regional literary sources, graphic evidence (drawings and plans) of city development, regulatory documents in the field of protection of architectural heritage and graphic analysis. The results of this study will expand and clarify the existing aspects of the protection theory of the architectural heritage of China, and will also become an important document for the formation of new protected zones, since no systematic studies on the stated topic have been previously conducted.

Key words: architecture, architectural monument, subject of protection, constructivism, China, architectural and urban heritage, cultural value.

Qu Rulan – PhD (Architecture), senior lecturer at the department of History and the Theory of Architecture of Zhengzhou University. Zhengzhou. China. E-mail: qrl@zzu.edu.cn; qrulan@mail.ru;

Liu Qi – PhD (Art), senior lecturer at Art Museum of Shandong University of Art & Design. Shandong. China.

E-mail: 1244530909@qq.com.

Провинция Хэнань Китайской Народной Республики богата историческим и культурным наследием, включая памятники архитектуры. По мере ускорения темпов городского строительства охрана архитектурно-градостроительного наследия приобретает все большее значение. На сегодняшний момент особенно актуальным является рассмотрение вопросов создания и развития системы по охране городского наследия г. Аньян, а также поиск научных методов для охраны историко-культурного наследия города.

Концепция охраны исторических памятников в Китае начала формироваться в 1920-е гг. в связи с археологическими исследованиями.

Современная система защиты культурных реликвий начала формироваться в 1950-х гг., когда были обнародованы соответствующие указы и созданы центральные и местные регулирующие органы. К началу 1960-х гг. система полностью сформировалась. Временное положение о защите культурных ценностей, обнародованное Государственным советом в 1961 г.¹, предусматривало трехуровневую систему управления:

1) защита наиболее важных, охраняемых государством памятников истории и культуры;

2) защита провинциальных памятников, а также памятников автономных районов и городов центрального подчинения;

3) защита городских объектов историко-культурного наследия.

В 1982 г. Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей принял первую часть закона «Об охране памятников культуры КНР». Был утвержден список исторических городов КНР, в который вошел Аньян. В 1986 г. Китай выдвинул концепцию историко-культурных заповедников (была реализована только в конце XX в.).

В 1993 г. Министерство строительства и Государственное управление культурного наследия совместно разработали Правила по охране исторических и культурных городов, а также провели исследования традиционных китайских жилищ.

В конце XX в. в Китае были официально закреплены три типа объектов историко-культурного наследия:

1) культурные реликвии (движимые и недвижимые);

2) историко-культурные заповедники;

3) исторические города².

В 2000 г. ICOMOS China опубликовал Руководство по защите исторических мест и достопримечательностей Китая, включив в него западные принципы, которые не противоречили восточной системе. Тогда же вышел закон «О защите культурных ценностей», который стал теоретической основой и руководящим принципом для защиты китайского исторического и культурного наследия.

В 2006 г. в список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО был включен Иньсуй³. В 2005 г. Сианьская декларация выдвинула концепцию защиты исторической среды Китая, и термин «памятник культуры» был заменен на «культурное наследие».

В феврале 1932 г. в Аньяне был учрежден Комитет по сохранению древних реликвий⁴. Официально система защиты памятников Аньяна начала формироваться в 1952 г., когда была создана Ревизионная комиссия по охране памятников истории и культуры города. В 1958 г. она была переименована в Управляющий совет по охране памятников. В годы «культурной революции» система защиты памятников Аньяна была ликвидирована и восстановлена только в 1978 г. при поддержке Департамента культуры. В 1988 г. был принят Закон об охране памятников культуры провинции Хэнань. В Аньяне в соответствии со сложившейся ситуацией уже многократно принимались различные указы, призванные защитить местные культурные памятники. В 1985 г. был утвержден список первых памятников, охраняемых на муниципальном уровне. В 1991 г. был утвержден План по защите историко-культурного города Аньян. Согласно этому документу, под охрану попадали в том числе руины столицы Инь, мавзоль Юаньлинь, р. Хуанхэ, весь Старый город, а также памятники культуры и исторические места за пределами города. Также предпринимались попытки установить контроль за плотностью населения и интенсивностью застройки на исторических участках (рис. 1)

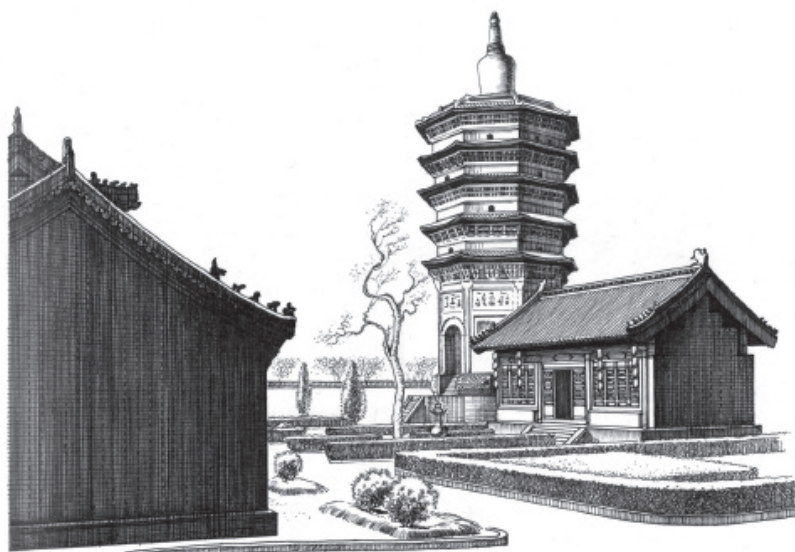

Рис. 1. Храм Тяньнин. Рисунок автора

В 2000 г. изучалась возможность проведения городской транспортной магистрали в старой части Аньяна, но идея подверглась резкой критике градозащитников. В конечном итоге было принято решение проложить кольцевую автотрассу в средней части Старого города, и в том же году было создано Бюро управления памятниками культуры. С 2001 по 2002 г. перестраивались северная часть переулка Танцзы и северо-западная часть Старого города. Новые здания сохранили в себе черты архитектуры династий Мин и Цин и особенности Старого города. Был также построен торговый центр, воссоздающий образы древности. В 2005 г. было разработано Положение об охране историко-культурных городов в провинции Хэнань.

В 2006 г. появился План по защите новых превосходных построек в г. Аньян. Было отобрано 19 «новых превосходных построек», включая здания семи городских территорий (жилой дом № 8 по ул. Тяньшуйцин, прядильная фабрика Гуани, усадьба семьи Ху, жилые дома семей Сун, Се Гочжэнь и Юань). В 2011 г. муниципальное правительство г. Аньян опубликовало Уведомление об объявлении списка новых превосходных построек, требующих охраны. В этот список вошли 23 здания⁵. Охрана объекта включала основной корпус постройки и прилегающую к нему территорию. Были предусмотрены четыре пожарных проезда. Первый уровень защиты включал зоны регулирования застройки и координации окружающей среды; второй уровень – зону регулирования застройки; третий – зону координации окружающей среды.

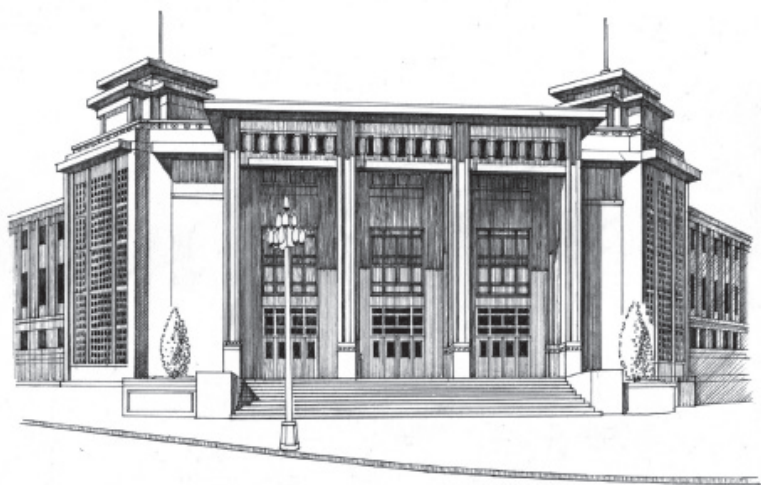

Рис. 2. Большой театр, г. Аньян. Рисунок автора

В апреле 2016 г. в Аньяне был учрежден Комитет по защите и реконструкции древнего города, который разработал и утвердил План защиты и реконструкции старого г. Аньян. С этого момента в Аньяне началось изучение исторических зданий, в ходе которого было исследовано 152 объекта⁶. В 2018 г. муниципальное правительство Аньяна выделило первые несколько выдающихся историко-архитектурных объектов. Ими были признаны девять общественных строений (Большой театр Аньяна (см. рис. 2), гостиница «Сянчжоу», гостиница «Тайхан», Музей истории первой средней школы Аньяна, амбулатория онкологической больницы Аньяна, административное здание Хэнаньского (Юйбэй) проектно-изыскательского института водного хозяйства, административное здание строительной корпорации Аньяна, корпус 4-го Управления общественной безопасности Аньяна, парк Жэньминь⁷). Область защиты объектов, требующих охраны, делится на три части: квартал на Западной улице, храм Чэнхуан (бога-покровителя города) и прилегающие к нему кварталы, квартал на улице Цансян, участок храма бога-покровителя (Чэнхуан) г. Чжандэ, павильона Гаогэ, а также район храма Ханьван и павильона Чжоу

Цзинь. Площадь охранной зоны составляет около 8,3 га. Зона регулирования застройки занимает площадь около 37,0 га ⁸. Любое строительство на данных территориях не должно искажать исторический облик и характер застройки данных участков, а также нарушать природный ландшафт. Строительство новых и перестройка существующих зданий в зоне регулирования застройки должны быть согласованы с властями, а изменения существующих построек или возведение новых не должны искажать облик историко-культурного квартала ⁹.

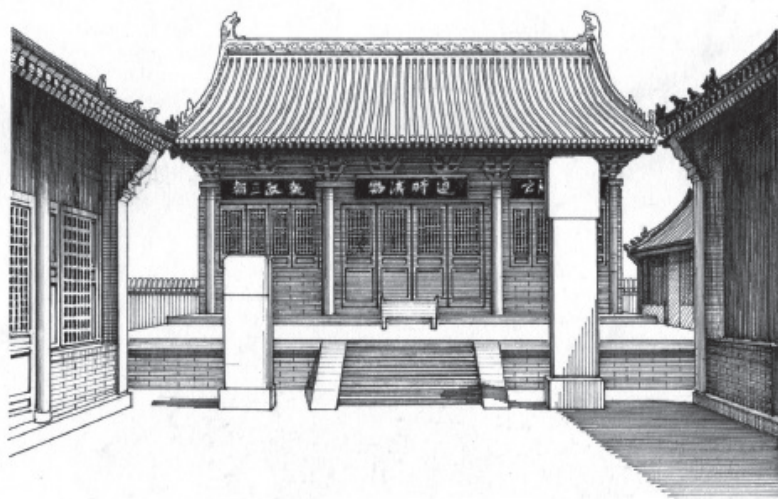

Рис. 3. Храм Ханьван. Рисунок автора

Памятниками культуры являются все культурные объекты, получившие статус охраняемых. Это не только конкретные исторические здания, но и архитектура и исторические элементы окружающей среды в целом. В городском округе Аньяна находится 91 памятник культуры, 23 из которых охраняются на государственном уровне и 68 – на региональном ¹⁰. К ним относятся древние здания, руины, гробницы, пещерные храмы, каменные резные фигуры и другие исторические памятники (см. рис. 1 и 3).

Предыдущий план охраны не содержал информации о соотношении площадей, масштабе застройки, высоте зданий, степени озеленения и т.д. Также не существовало руководства по стилю, форме, цвету зданий, взаимосвязи между улицей и городом в целом, окружающей средой и историческим контекстом. Подготовка исторического и культурного плана защиты города активизировала усилия по защите городского архитектурного наследия г. Аньян ¹¹.

1. За последние 30 лет правительство Аньяна уделяло внимание в основном охране конкретных памятников и редко – историко-культурному ландшафту улиц и городской среды, игнорируя общий контроль и защиту исторических районов города. Аньян

богат архитектурным наследием, которое находится под непосредственным влиянием географических факторов, историко-культурных традиций с архитектурными формами, композиционной планировкой и особенностями городской среды. По этой причине архитектурная среда должна быть защищена на разных уровнях – от охраны отдельных памятников до исторических городов как центров притяжения туристов и дальнейшего развития.

2. Несмотря на то что Китай и Россия имеют разные условия исторического развития, а также разный национальный культурный код и аутентичность, стремительное развитие рыночной экономики, влияние быстро растущих городов на защиту исторического центра города и проблемы сохранения, трансформации и реновации исторического архитектурного наследия объединяют эти страны¹². Об этом свидетельствует опыт коллег, направленный на изучение данной проблемы на примере сохранения и развития историко-культурного ландшафта и городской среды малых и средних городов центральной части России, весомый отпечаток на объемно-планировочной структуре которых оставил период интенсивной индустриализации советского периода, а также реновация промышленного наследия современного периода¹³.

3. Комплексное изучение международного опыта и современных тенденций в стремительном развитии городов, процессах глобальной цифровизации всех сфер общества и урбанизации все больших исторических территорий позволит создать систему охраны архитектурно-градостроительного наследия Аньяна, а также передать опыт мероприятий и мер, направленных на защиту архитектурного и культурного наследия различных исторических этапов развития цивилизации в будущем¹⁴.

Примечания

1. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E7%AC%AC%E4%B8%80%E6%89%B9%E5%85%A8%E5%9B%BD%E9%87%8D%E7%82%B9%E6%96%87%E7%89%A9%E4%BF%9D%E6%8A%A4%E5%8D%95%E4%BD%8D>
2. ЧЭНЬ ВЭЙ. Исследования теории и методик охраны историко-архитектурного наследия Китая: Канд. дисс. 08.13.02 / Рук. Синго Чжан. Чунцин. 2006 | 陈蔚. 我国历史建筑遗产保护理论和方法研究: 硕士论文 08.13.02 建筑设计及其理论 / 导师张兴国. 重庆: 重庆大学. 2006, 262 页
3. URL: <https://whc.unesco.org/ru/list/1114#top>
4. Краеведение города Аньяна. Т. 4: Комиссия краеведения Аньяна. Чжэн-чжоу. 1998 | 安阳市志. 第四卷. 安阳市地方志编纂委员会. 郑州: 中州古籍出版社. 1998.
5. Список новых превосходных построек в городе Аньян. Аньян. 2011. | 安阳优秀近现代建筑保护名录. 安阳市城乡规划建筑设计院. 安阳. 2011年
6. ЧЭНЬ ЮЕ. Объявление о первой партии выдающихся историко-архитектурных объектов Аньяна. – Аньянская еженедельная газета. 2018. 9 марта. 陈玥. 安阳首批历史建筑名录公布. 安阳日报. 3月9日2018年
7. URL: <http://www.anyang.gov.cn/sitegroup/root/html/00000000675e4e2801683a84590062d0/20190111161221292.html>
8. URL: <http://www.anynews.net.cn/news/2018-11/19/cms273709article.shtml>
9. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2016-02/21/content_5044367.htm
10. План по защите историко-культурного города Аньяна. Аньян: Правительство города Аньян. 2018. | 安阳历史文化名城保护规划. 安阳市人民政府. 安阳. 2018.

11. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2016-02/21/content_5044367.htm; План по защите историко-культурного города Аньяна...
12. ПАСТУХ О.А. Развитие креативной индустрии исторического центра Тулы в ходе реновации промышленного наследия. — Известия КГАСУ. 2024. № 3 (69), с. 177–193.
13. PASTUKH O.A. The Creation of Modern Urban Space during the Restoration of the Industrial Heritage in the Historical Center of Tula. In: The 1st International Conference of Resilient Conservation and Sustainable Development of Historical and Cultural Urban Landscape. Zhengzhou. 2024, p. 515–521.
14. АРЕФЬЕВА А.А., ПАСТУХ О.А. Роль информационных технологий в трансформации историко-культурного ландшафта и городской среды (на примере Тулы и области). В сб.: Новые информационные технологии в архитектуре и строительстве: М-лы VII Международной научно-практической конференции. Екатеринбург. 2024, с. 18.

Влияние цифровых технологий на управление проектами в контексте перехода к низкоуглеродной экономике и устойчивым бизнес-моделям

М.М. ИМАМОВ, Н.Б. СЕМЕНИХИНА

Аннотация. Статья исследует влияние цифровых технологий на управление проектами в условиях перехода к низкоуглеродной экономике и формирование устойчивых бизнес-моделей. Цель исследования заключается в анализе интеграции цифровых инструментов в процессы управления проектами, а также в выявлении их вклада в снижение углеродного следа и повышение экологической устойчивости предприятий. Предпосылкой работы является необходимость адаптации традиционных методов управления проектами к новым цифровым реалиям, способствующим реализации экологических инициатив и улучшению операционной эффективности. В методологической основе исследования лежит комбинированный подход, включающий анализ кейс-стади, проведение экспертных интервью и применение количественных методов оценки влияния цифровых технологий. На основе собранных эмпирических данных выполнен сравнительный анализ показателей управления проектами до и после внедрения цифровых решений, что позволило выявить корреляцию между уровнем цифровизации и эффективностью экологических инициатив. Особое внимание уделено изучению практических примеров из различных отраслей промышленности, демонстрирующих успешное применение инновационных технологий для оптимизации процессов и сокращения выбросов углекислого газа.

Ключевые слова: экономика, цифровые технологии, управление проектами, низкоуглеродная экономика, устойчивые бизнес-модели.

Имамов Марсел Мукатдисович – доктор экономических наук, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой проектного менеджмента и оценки бизнеса Института управления, экономики и финансов Казанского федерального университета.

E-mail: cool921815@yandex.ru;

Семенихина Наталья Борисовна – доцент кафедры учета, анализа и аудита Института управления, экономики и финансов Казанского федерального университета.

E-mail: nt.sem@mail.ru.

The impact of digital technologies on project management in the context of transition to a low-carbon economy and sustainable business models

M.M. ИМАМОВ, N.B. СЕМЕНИХИНА

Abstract. This article examines the impact of digital technologies on project management under the conditions of transitioning to a low-carbon economy and the formation of sustainable business models. The aim of the research is to analyze the integration of digital tools into project management processes and to identify their contribution to reducing the carbon footprint and increasing the environmental sustainability of enterprises. The groundwork for this study is the necessity of adapting traditional project management methods to new digital realities that promote the implementation of environmental initiatives and the improvement of operational efficiency. The methodological basis of this research is a combined approach that includes case study analysis, conducting expert interviews, and utilizing quantitative methods to assess the impact of digital technologies. Based on the collected empirical data, a comparative analysis of project management indicators before and after the implementation of digital solutions was executed, revealing a correlation between the level of digitalization and the effectiveness of environmental initiatives. Special attention has been given to the study of practical examples from various industries, which demonstrate the successful application of innovative technologies for optimizing processes and reducing carbon dioxide emissions.

Key words: economics, digital technologies, project management, low-carbon economy, sustainable business models, transition.

Imamov Marsel M. – doctor of Economics, PhD (Law), professor, head of department of Project management and business evaluation of the Institute of Management, Economics and Finance of the Kazan Federal University.

E-mail: cool921815@yandex.ru;

Semenikhina Natalya B. – PhD, associate professor of Accounting, Analysis and Audit department, Institute of Management, Economics and Finance of Kazan Federal University.

E-mail: nt.sem@mail.ru.

Переход к низкоуглеродной экономике ставит перед современными организациями ряд уникальных проблем, требующих не только технологических, но и управленческих преобразований. В условиях возрастающего внимания к устойчивому развитию и необходимости оптимизировать использование ресурсов цифровые технологии становятся ключевым фактором, определяющим успешность проектов, связанных как с экологическими, так и экономическими целями. Именно проектный подход позволяет структурировать сложные процессы внедрения инноваций, распределения ответственности и мониторинга результатов, а цифровые инструменты выступают в роли катализаторов изменений, обеспечивающих прозрачность и гибкость управления. По мере того как государственные и негосударственные институты стремятся снизить выбросы парниковых газов, компании оказываются в положении, где роль менеджеров проектов возрастает и требуются более тонкие механизмы планирования и контроля в реальном времени. Сочетание ESG-принципов (Environmental, Social, Governance) с цифровыми инструментами формирует новую модель корпоративного управления, в которой проекты становятся не просто временными инициативами, а частью долгосрочной стратегии устойчивого роста ¹.

Разработка и реализация проектов в сфере низкоуглеродной экономики включает широкий спектр мероприятий: от модернизации производственных процессов до внедрения инновационных решений в области логистики, энергетики и управления отходами ². Цифровые платформы позволяют объединять данные из разных источников, проводить детальный анализ и прогнозировать динамику вывода продуктов с низким углеродным следом на рынок. При этом критически важно учитывать интересы всех заинтересованных сторон – потребителей, поставщиков, регуляторов и местных сообществ, поскольку несбалансированные проекты, не учитывающие социальный аспект, могут негативно сказаться на репутации компании и вызвать дополнительные риски. Успешная интеграция цифровых технологий с принципами устойчивого развития не только способствует повышению операционной эффективности, но и создает конкурентное преимущество, привлекая лояльных клиентов, инвесторов и партнеров ³. Подобные подходы развиваются в различных отраслях, где заметно смещение фокуса с традиционного «линейного» потребления к циклическим моделям, ориентированным на минимизацию отходов и повторное использование ресурсов.

Важным драйвером становится систематическое внедрение цифровых инструментов, таких как «большие данные», искусственный интеллект и блокчейн, в процесс управления проектами ⁴. «Большие данные» позволяют компаниям проводить глубокую аналитику выбросов CO₂, моделировать различные сценарии развития, а также принимать взвешенные управленческие решения, снижая воздействие на окружающую среду и оптимизируя затраты. Искусственный интеллект, в свою очередь, способен улучшать процесс прогнозирования, помогая менеджерам проектов оценивать риски и корректировать план на ранних стадиях, что особенно важно, когда речь идет о реализации долгосрочных и капиталоемких инициатив, направленных на снижение выбросов. Блокчейн, благодаря

децентрализованной природе и неизменяемости записей, может обеспечить прозрачность цепочек поставок и повысить доверие к данным об экологической и социальной ответственности контрагентов ⁵. Таким образом, цифровые инструменты служат основой для формирования новых моделей взаимодействия, позволяя проводить мониторинг и аудит реально затраченных ресурсов и достигнутых экологических эффектов на каждой стадии проекта.

Цифровая трансформация в управлении проектами подразумевает и пересмотр организационной структуры, а также культуры. Менеджеры должны уметь не просто выбирать технологические решения, но и переосмысливать способы коммуникации, распределения полномочий и систему мотивации сотрудников. Большая свобода действий и высокая динамика процессов создают потребность в гибких методологиях (Agile, Scrum, Kanban), которые позволяют быстрее реагировать на изменения во внешней среде, корректировать проектную документацию и задачи с учетом новых данных ⁶. Такой подход особенно актуален, когда речь заходит о поисках и разработке новых продуктов, ориентированных на минимизацию углеродного следа, ведь рынок и технологическая база меняются очень быстро. Гибкие методологии позволяют приближаться к целевым показателям более эволюционно, тестируя решения и оперативно получая обратную связь. Ключевой аспект здесь – прозрачная коммуникация между командами и заинтересованными участниками, что делает применение различных цифровых платформ для совместной работы (доски задач, системы совместного редактирования документов и т.д.) практически обязательным (табл. 1).

Одновременно с этим возрастает значимость оценки рисков, связанных с устойчивостью проектов. Среди основных вызовов можно выделить неопределенность регуляторной среды, колебания цен на энергоносители, изменения в поведении потребителей и возможный дефицит критически важных ресурсов. Цифровые решения в виде программных комплексов для управления рисками могут автоматизировать выявление проблемных зон, анализ исторических данных и формирование рекомендаций по смягчению рисков ⁷. Такой подход повышает качество планирования и точность бюджетирования, а также снижает вероятность появления незапланированных затрат, вызванных, к примеру, ростом цен на сырье или штрафными санкциями за нарушение экологических норм. В условиях, когда государственные органы ужесточают требования к отчетности об экологической и социальной ответственности, компании, способные оперативно формировать детские (подробные) отчеты о ходе проектов, уровне выбросов и прогрессе в достижении целей устойчивого развития, получают преимущества на рынке.

Еще одна существенная задача – обеспечить синергию между различными проектами в рамках одной компании, чтобы избежать дублирования ресурсов и достичь более комплексного эффекта. Использование интегрированных цифровых систем позволяет руководителям держать под контролем целый портфель проектов, распределять человеческие и материальные ресурсы согласно приоритетности и экологической значимости ⁸. Такие системы дают возможность оценивать промежуточные результаты в режиме реального времени, сопоставлять их с целевыми показателями

Таблица 1 Цифровые технологии как драйвер управления проектами для низкоуглеродной экономики

Цифровая технология	Описание	Роль в управлении проектами
IoT (Интернет вещей)	Использование сенсоров и подключенных устройств для мониторинга данных в реальном времени	Оптимизация энергопотребления, снижение выбросов CO ₂ и контроль ключевых показателей экологической устойчивости на каждом этапе проекта
«Большие данные» (Big Data)	Анализ и обработка огромных объемов данных для выявления закономерностей и оптимизации процессов	Улучшение прогнозов рисков и анализ тенденций для внедрения сложных инициатив, связанных с сокращением углеродного следа
Искусственный интеллект (AI)	Автоматизация принятия решений и обработки сложных данных	Распознавание эффективных сценариев реализации проектов с минимальным углеродным следом, выявление «узких мест»
Облачные вычисления	Доступ к удаленным мощностям для обработки и хранения данных	Улучшение совместной работы распределенных команд, предоставление единой платформы для управления проектами в реальном времени
Блокчейн	Технология распределенного реестра для обеспечения прозрачности и безопасности транзакций	Учет выбросов углерода в проекте, сертификация «зеленых» операций, отслеживание устойчивых цепочек поставок

и при необходимости вносить корректировки. Руководители, опирающиеся на анализ «больших данных», могут быстрее принимать решения о перераспределении финансов или кадров, выявляя потенциальные точки роста или снижения эффективности. В конечном итоге подобное управление проектным портфелем вкупе с практикой устойчивого развития формирует основу для формирования сильного бренд-имиджа и устойчивых конкурентных преимуществ.

Важно отметить, что внедрение цифровых технологий в управление проектами не всегда происходит безболезненно. Часто возникает необходимость в переобучении персонала, формировании новой корпоративной культуры, усилении внимания к кибербезопасности и защите данных ⁹. Для решения этих задач многие организации выбирают партнерские отношения с технологическими провайдерами или консалтинговыми компаниями в области цифровой трансформации и устойчивого развития. Такой подход помогает сократить время внедрения и избежать множества ошибок, которые могут обойтись слишком дорого, особенно в условиях жесткой конкуренции и ограниченных сроков реализации экологических проектов. При этом организациям приходится искать баланс между стандартизацией процессов и сохранением гибкости, поскольку слишком жесткие регламенты могут замедлить темпы инноваций, а недостаточная регламентация – привести к хаосу в проектной деятельности (табл. 2).

Одним из ключевых аспектов, связанных с ролью цифровых технологий в проектах низкоуглеродной экономики, является сти-

Таблица 2. Переход к устойчивым бизнес-моделям на основе цифровых технологий в проектах

Цифровая технология	Преимущества для устойчивого управления проектами	Пример внедрения
Цифровые двойники (Digital Twins)	Создание виртуальных копий физических объектов или процессов	Тестирование сценариев минимизации энергопотребления, моделирование различных эксплуатационных условий для выбора наиболее экологически эффективных решений
Платформы управления проектами	Интеграция инструментов планирования, контроля и анализа данных в реальном времени	Использование таких платформ, как Microsoft Project или Asana, для управления ресурсами, включая экологические параметры проекта
AR (дополненная реальность)	Визуализация и интерактивное планирование устойчивых процессов и решений	Обучение сотрудников экологическим стандартам и визуализация влияния каждого этапа проекта на углеродный след
3D-печать	Снижение производственных отходов и сокращение транспортных выбросов	Производство деталей и компонентов локально для сокращения CO ₂ , а также тестовые сценарии проектирования

мулирование сотрудничества между государственным и частным секторами¹⁰. Объединяя усилия, правительства могут активно поддерживать развитие необходимой инфраструктуры, устанавливать льготные тарифы для «зеленых» проектов, а бизнес – приносить в эти инициативы капитал и управленческий опыт. Совместные платформы по обмену данными позволяют разным участникам координировать действия, согласовывать показатели и вести отчетность об экологических эффектах в едином стандарте. Таким образом, цифровые технологии становятся механизмом, облегчающим диалог и партнерство, создавая единое пространство доверия и прозрачности, что особенно важно при мониторинге реальных результатов в снижении выбросов парниковых газов и повышении энергоэффективности.

При этом нельзя недооценивать и вероятные препятствия. Одно из них – это цифровое неравенство, которое может проявляться и внутри страны, и между различными регионами мира. Если крупные корпорации и развитые страны могут позволить себе доступ к передовым цифровым решениям, то малый бизнес и менее обеспеченные регионы зачастую остаются в стороне, что снижает общую эффективность глобального перехода к низкоуглеродной экономике. Для преодоления этого барьера требуется стимулировать распространение открытых платформ, доступных инструментов анализа данных и образовательных программ, которые помогли бы расширить круг участников устойчивых проектов¹¹. В числе прочих мер может быть применение субсидий или налоговых льгот для компаний, внедряющих цифровые решения, которые способствуют сокращению углеродного следа. Так формируется инклюзивная среда инноваций, в которой появляется возможность набора

критической массы участников, необходимых для достижения масштабного эффекта в области декарбонизации.

Эффективность цифрового управления проектами в низкоуглеродной экономике во многом определяется тем, насколько глубоко метрики устойчивости интегрированы в общий процесс планирования и контроля. В традиционных моделях проектного управления успех часто определялся с точки зрения времени, бюджета и качества, однако в современных условиях нельзя игнорировать экологические и социальные параметры. Таким образом, появляется дополнительный слой KPI, связанных с выбросами, эффективностью использования энергии, удовлетворенностью и вовлеченностью местных сообществ ¹². Цифровые инструменты позволяют собирать и анализировать данные для таких индивидуальных метрик, обеспечивая менеджеров проектами более полным набором показателей, необходимых для принятия взвешенных решений. Это приводит к формированию более комплексного подхода к понятию «успешности» проекта, когда результаты рассматриваются в более широком социально-экологическом контексте.

Также отдельного внимания заслуживает вопрос о том, каким образом компании могут внедрять инновационные бизнес-модели в рамках устойчивых проектов, используя преимущества цифровизации. Речь может идти об экономике совместного потребления, когда благодаря цифровым платформам люди совместно используют ресурсы (например, автомобили, электроинструмент, жилье), снижая общее количество задействованных товаров и уменьшая углеродный след. Аналогично в цепочке поставок цифровые сервисы помогают осуществлять оптимизацию логистики – определять наиболее эффективные маршруты, минимизировать пустые пробеги транспорта либо совершенствовать систему обратной логистики для переработки и повторного использования материалов ¹³. Все это трансформирует взгляд на управление проектами и побуждает менеджеров расширять границы планирования и контроля, выходя за рамки классической иерархической структуры. По сути, мы видим постепенное превращение управленцев в «оркестровщиков» экосистемы, где каждый участник вносит свой вклад в достижение общей цели – сокращение выбросов и формирование устойчивых продуктов и услуг.

Однако внедрение таких экосистемных подходов возможно только при условии, что данные остаются точными, достоверными и своевременными. Именно поэтому так велика роль различных цифровых платформ, позволяющих безопасно и открыто обмениваться информацией между компаниями, университетами и правительственными органами ¹⁴. В дальнейшем такие платформы могут стать ядром, вокруг которого формируются региональные или даже глобальные партнерские соглашения, направленные на создание новых рынков «зеленой» продукции и инновационных услуг. Тем самым цифровизация выступает не только как инструмент оптимизации и рационального использования ресурсов, но и как революционный фактор, меняющий горизонт планирования и саму логику взаимодействия в сфере проектного управления (табл. 3).

Дополнительный импульс развитию устойчивых проектов дает повышение интереса со стороны инвесторов, ориентированных

Таблица 3. Цифровые инструменты для мониторинга и достижения целей низкоуглеродной экономики

Цифровой инструмент	Функционал	Эффект на управление проектами
Системы автоматизированного анализа данных	Мониторинг выбросов парниковых газов, потребления энергии и управление отходами	Предоставление точных данных для анализа эффективности мероприятий по снижению углеродного следа
Платформы устойчивого развития	Оценка и управление проектами с учетом ESG (экологические, социальные и корпоративные аспекты)	Облегчение процесса внедрения стандартов ESG в проекты и отслеживание их соблюдения
Углеродные калькуляторы	Расчет выбросов углерода для разных операций внутри проектов	Реализация более точного планирования сокращения выбросов и компенсации углеродного следа
Геоинформационные системы (ГИС)	Анализ и прогнозирование изменений в окружающей среде	Определение оптимальных зон реализации проектов с учетом минимизации экологического воздействия

на ESG-критерии. Финансовые институты усиливают требования к компаниям по раскрытию экологических показателей и доказательству реального вклада в снижение выбросов ¹⁵. Цифровые решения упрощают процесс сбора, верификации и предоставления такой информации, формируя у инвесторов уверенность в прозрачности и надежности проектов. Это, в свою очередь, повышает доступность капитала для инициатив, связанных со снижением углеродного следа, и стимулирует появление специализированных «зеленых» финансовых инструментов вроде облигаций для проектов в сфере возобновляемой энергетики, экологического строительства или водосбережения. Поэтому и крупные корпорации, и стартапы, работающие в области устойчивого развития, все чаще закладывают в стратегию цифровую составляющую как неотъемлемый элемент конкурентоспособности и привлекательности для инвесторов.

Поворот к низкоуглеродной экономике проявляется и в бизнес-подходах, ориентированных на «экодизайн» продуктов. Здесь цифровые инструменты позволяют проводить моделирование жизненного цикла продукции, рассчитывать совокупный углеродный след от добычи сырья до утилизации, и выявлять, на каких этапах можно внести улучшения ¹⁶. Подобная глубокая аналитика помогает проектным командам еще на стадии проектирования закладывать фокус на экологичность, а не исправлять недостатки уже после запуска в производство. Такой проактивный подход снижает риск дорогостоящих переделок в последующем, а значит – повышает экономическую эффективность бизнеса и укрепляет его репутацию. В дополнение к этому компании могут активно привлекать клиентов к обсуждению и тестированию экологических инициатив, используя цифровые каналы для коммуникации и сбора обратной связи. Такая открытость усиливает доверие между организацией и аудиторией,

укрепляя лояльность и формируя основу для долгосрочных взаимоотношений.

Одним из наиболее показательных примеров успешного применения цифрового управления проектами в сфере устойчивого развития является переход от линейной к замкнутой экономике, где отходы рассматриваются как ценный ресурс, замыкающий цикл производства. Реализация таких проектов сопряжена со сложностями во взаимной координации производителей, переработчиков, логистических компаний и конечных потребителей. Цифровые технологии способствуют налаживанию каналов обмена данными, выявлению потенциальных точек взаимодействия и управлению разветвленными цепочками поставок ¹⁷. При прозрачном обмене информацией проектные команды могут точно знать, сколько сырья доступно, в каком виде оно существует, как его можно переработать или вторично использовать. Это особенно важно на фоне растущего регулирования в сфере обращения отходов и давления на компании со стороны общества, требующего более ответственного подхода к ресурсам.

Все сказанное выше свидетельствует о том, что цифровая трансформация играет фундаментальную роль в совершенствовании проектного управления, ориентированного на переход к низкоуглеродной экономике и созданию устойчивых бизнес-моделей ¹⁸. Новые технологии открывают путь к объединению разрозненных данных, созданию комплексной аналитики, гибкому планированию и прозрачному взаимодействию между стейкхолдерами. Однако успех во многом зависит от того, насколько глубоко будут переосмыслены организационные процессы, принципы лидерства и корпоративная культура. Цифровые инструменты – это всего лишь средство, тогда как конечной целью остается сбалансированный экономический рост в гармонии с окружающей средой и социальными интересами. Компании, которые своевременно понимают это и внедряют цифровые методы управления проектами с учетом ESG-принципов, формируют прочный фундамент для будущего конкурентного преимущества.

Рассматривая перспективы развития управления проектами в этой области, можно ожидать дальнейшего роста интереса к интегрированным решениям, сочетающим возможности искусственного интеллекта, блокчейна и интернета вещей (IoT). Уже сейчас IoT-технологии позволяют собирать данные в реальном времени о работе оборудования, выбросах, расходе энергии, и на их основе формировать точные модели оптимизации ¹⁹. С каждым годом растут вычислительные возможности систем анализа «больших данных», что делает прогнозирование более точным и полезным для принятия стратегических решений. Вместе с тем происходит постепенное переориентирование кадровой политики: на первый план выходят специалисты, обладающие междисциплинарной компетенцией в цифровых технологиях, экологии, экономике и социальной политике. Именно такие кадры способны возглавить проектные офисы будущего, став проводниками изменений и формируя устойчивую повестку в компаниях (табл. 4).

Несмотря на положительные перспективы, риски сохраняются. Кибербезопасность остается острым вопросом, особенно учитывая,

Таблица 4. Риски и вызовы цифровизации управления проектами в контексте устойчивости

Вызов / риск	Описание	Влияние на управление проектами
Высокие затраты на внедрение	Разработка и интеграция цифровых технологий требуют значительных финансовых ресурсов	Увеличение бюджета проекта, необходимость долгосрочного планирования и оценки стоимости внедрения устойчивых решений
Недостаток экспертизы	Ограниченное понимание технологий и их применения к задачам низкоуглеродной экономики	Инвестиции в обучение специалистов, привлечение консультантов и экспертов в области устойчивого цифрового управления
Киберугрозы	Риски утечек данных и блокировки критически важных процессов вследствие кибератак	Создание систем кибербезопасности и регулярное тестирование инфраструктуры управления проектами
Трудности нормативно-правового регулирования	Мировые стандарты по устойчивому развитию и цифровизации могут быть разрозненными и противоречивыми	Усложнение процессов управления проектами вследствие необходимости соответствия различным правовым нормам
Устойчивость инфраструктуры	Применение цифровых технологий может увеличивать энергопотребление (например, дата-центры)	Необходимость оптимизации энергетической инфраструктуры и контроля выбросов при использовании цифровых платформ

что управление проектами в низкоуглеродной экономике предполагает активное использование распределенных баз данных, онлайн-платформ и облачных сервисов. Успешная реализация проекта может быть поставлена под угрозу, если злоумышленники получают доступ к информации о выбросах, финансовых транзакциях или экологических сертификатах ²⁰. Поэтому при выстраивании цифровых решений менеджерам приходится уделять особое внимание защите информации, шифрованию данных и формированию четких протоколов действий в случае кибератак. Все это требует дополнительных инвестиций, а также привлечения специалистов в области информационной безопасности, что, с одной стороны, увеличивает затраты, но с другой – уберегает компании от репутационных и финансовых потерь.

Еще один вызов заключается в том, что не все участники рынка готовы к скорой цифровой трансформации. Некоторые компании по-прежнему придерживаются консервативных методов управления проектами, основываясь на бумажных документах и ручной аналитике. Это может замедлить общую динамику перехода к низкоуглеродной экономике, так как цифровые решения особенно эффективны, когда охватывают весь цикл – от проектирования до эксплуатации и утилизации ²¹. Подобное отставание нередко обусловлено отсутствием знаний о потенциале цифровых технологий, страхом перед сложной интеграцией и созданием дополнительных расходов. Нужны программы обучения и популяризации лучших практик, чтобы стимулировать предприятия разного масштаба переходить

на более современные модели проектного управления, ориентированные на стабильный и ответственный рост.

Однако уже сейчас наблюдается тенденция, когда рыночные и социальные механизмы подталкивают и менее технологичные компании к переменам. Потребители предъявляют более высокие требования к прозрачности происхождения товаров, к экологической ответственности брендов, к реальным доказательствам снижения углеродного следа. В итоге даже те предприятия, которые отставали в цифровизации, видят прямую выгоду от внедрения современных инструментов управления проектами. Это позволяет им собирать и анализировать информацию об использовании ресурсов, формировать достоверную отчетность и, в конечном счете, укреплять связь с конечным клиентом ²². Именно этот культурный и промышленный сдвиг свидетельствует о том, что цифровые технологии уже перестали быть просто дополнительным фактором конкурентной борьбы и стали неотъемлемой частью корпоративной стратегии в эру глобальных изменений климата.

Все более актуальным становится вопрос, каким образом цифровые решения могут помочь в масштабировании успешных экологических проектов. Если раньше пилотные инициативы реализовывались в узких рамках и воспроизводить их было непросто, то сегодня существует возможность быстро масштабировать проект, если он доказал свою эффективность ²³. Например, платформы на базе облачных технологий, позволяющие управлять проектами из любой точки мира, в режиме реального времени обеспечивают возможность копировать успешные примеры на другие регионы, рынки или подразделения компании. Это особенно важно для крупных корпораций, имеющих глобальную сеть поставщиков и клиентов. Быстрое развертывание типовых решений помогает унифицировать процессы, повысить их эффективность, при этом учитывать локальную специфику благодаря модульному принципу настройки. В сумме все это повышает скорость трансформации и ее глубину, закладывая основу для систематической декарбонизации.

В то же время подчеркнем, что управление проектами в контексте перехода к низкоуглеродной экономике – это непрерывный процесс, поскольку технологические решения и регуляторные нормы эволюционируют. То, что работает сегодня, может оказаться недостаточным завтра из-за появления новых стандартов, инноваций или социального запроса ²⁴. Цифровые инструменты позволяют следить за этими изменениями в режиме реального времени, но менеджеры должны закладывать в свои планы гибкий подход к управлению изменениями, предполагающий возможность оперативно пересматривать цели, бюджет, формировать новые альянсы и привлекать дополнительные ресурсы. Это порождает своеобразную «спиральную» модель развития, где каждый завершённый проект становится базой для нового витка, обогащая организацию и ее участников опытом, знаниями, социальной и экологической ценностью.

Важность командной работы и обмена знаниями между участниками проектов также возрастает благодаря цифровым технологиям. Современные платформы позволяют не только координировать расписание и контролировать исполнение задач, но и формируют базы знаний, где фиксируются все наработки, лучшая практика

и уроки, извлеченные из предыдущих этапов. Это особенно важно при работе синергетических команд, которые могут быть распределены по нескольким странам и континентам. Развивая культуру постоянного обучения, организации достигают большей зрелости в проектном управлении, что дает им возможность оперативнее реагировать на вызовы низкоуглеродной экономики²⁵. Отслеживание KPI в динамике, их анализ и мгновенная ответная реакция способствуют формированию саморегулирующихся проектных команд, где каждый участник понимает свою роль и вклад в общее дело.

Немаловажную роль в продвижении проекта на новой цифровой основе играет наличие адаптированной инфраструктуры связи и вычислительных мощностей. Без высокопроизводительных серверов, надежных каналов передачи данных, современной сетевой архитектуры и программного обеспечения использовать потенциал «больших данных» и искусственного интеллекта будет проблематично. Поэтому государства и крупные корпорации все чаще инвестируют в развитие облачных центров, сетей пятого поколения (5G), оптоволоконных магистралей – это формирует своего рода «скелет» цифровой экономики²⁶. В то же время важно, чтобы подобная инфраструктура сама опиралась на «зеленые» источники энергии, иначе потенциал снижения выбросов обнуляется вследствие высокой энергоемкости центров обработки данных. В связи с этим некоторые компании уже начинают интегрировать системы энергетического менеджмента в свои дата-центры, отслеживая показатели расхода электричества и уровня выбросов, связанного с их деятельностью.

Не стоит упускать из виду и образовательный аспект. Для внедрения цифровых решений в управление проектами требуются специалисты с профильными знаниями как в сфере информационных технологий, так и в экологической тематике. Университеты и корпоративные академии начинают предлагать новые учебные программы по цифровой трансформации, устойчивому развитию, управлению инновациями, формируя междисциплинарные компетенции. Выпускники таких программ получают преимущества на рынке труда и могут занять ключевые позиции в проектных офисах компаний, ориентированных на низкоуглеродную экономику²⁷. Кроме того, большое значение имеет непрерывное обучение уже работающих специалистов: менеджерам, инженерам, экологам важно понимать возможности цифровых инструментов и уметь эффективно применять их на практике. Так формируется прослойка профессионалов, готовых внедрять экологически ответственные и при этом экономически эффективные решения.

В ближайшем будущем мы, вероятно, станем свидетелями установления еще более сильной взаимосвязи между цифровыми технологиями и «зеленой» экономикой. Можно ожидать появления специализированных цифровых экосистем, ориентированных на биржи торговли углеродными кредитами, системы отслеживания происхождения материалов и углеродного следа продукции, платформы краудфандинга для экологических проектов и др.²⁸ Каждая из таких систем будет основываться на идее прозрачности, общего доступа к данным и возможности независимой аудиторской проверки. Собранные на одном месте данные о выбросах, переработке

отходов, энергии, полученной из возобновляемых источников, станут основой для нового витка развития аналитических сервисов, позволяющих строить детальные прогнозы и выявлять «слабые звенья» в больших комплексах проектов. С точки зрения управления проектами это означает появление еще более гибких и мощных инструментов, позволяющих доказывать экологичность решений, формировать развернутые отчеты и вести мониторинг в реальном времени.

Однако, чтобы все эти инновации приносили реальную пользу, необходимо формировать четкую систему показателей и критериев успеха, которая была бы признана отраслевым сообществом, регуляторами и общественностью. Стандарты отчетности (например, GRI, SASB, TCFD) уже принимаются многими корпорациями, но их необходимо адаптировать под новые цифровые платформы²⁹. К тому же одной формальной отчетности может быть недостаточно, если данные в ней остаются далекими от реального положения дел. Цифровые решения в управлении проектами дают шанс преодолеть эту проблему, поскольку позволяют автоматически собирать значимую информацию с производственных линий, транспортных средств, сенсоров, устройств и фиксировать ее в центральной базе, недоступной для недобросовестных корректировок. В итоге формируется прозрачная среда, где каждая метрика может быть проверена, сопоставлена с международными нормами и динамикой рынка, что создает тот уровень доверия, без которого невозможен полноценный переход к устойчивым бизнес-моделям.

Важнейшим элементом успешного перехода к низкоуглеродной экономике является осмысленный и продуманный менеджмент изменений, ведь любая трансформация затрагивает интересы работников, вызывает перестройку рабочих процессов и может встретить сопротивление. Цифровые инструменты в этой связи позволяют проводить сквозные программы внедрения, отслеживая вовлеченность персонала, результаты обучения, уровень стресса и другие параметры, влияющие на успешность изменений³⁰. Комплексный подход к управлению проектами, где фокус делится между техникой, экономикой и человеческим фактором, становится необходимым условием для того, чтобы инновации не остались на бумаге, а были встроены в повседневную практику организаций. Инструменты коммуникации (онлайн-площадки, мессенджеры, форумы, платформы совместной разработки) помогают разрушать барьеры и создают условия для более плодотворного обмена идеями.

Роль заинтересованных сторон при этом заключается не только в пассивном принятии решений, но и в активном участии: передовые компании начинают включать в свои проекты элементы краудсорсинга, когда идеи по снижению выбросов или улучшению социальной практики предлагают сами сотрудники или клиенты. Цифровые платформы и мобильные приложения облегчают сбор и отбор таких предложений, формируя банк идей, который может стать отправной точкой для новых проектов или существенных улучшений в текущих инициативах³¹. Правильная организация этого процесса позволяет выявлять скрытый потенциал, повышать мотивацию коллектива и формировать более гибкую и инновационную корпоративную культуру. В то же время это стимулирует более

широкое общественное участие, поскольку люди видят реальное влияние своих идей на развитие компании и улучшение экологической обстановки.

Важную роль играет комплексный системный анализ, который становится возможным благодаря цифровым технологиям и детальной модели учета выбросов и потребляемых ресурсов. Проектные офисы могут учитывать не только прямые, но и косвенные выбросы, возникающие в результате деятельности подрядчиков, транспортировки сырья и поведения конечных потребителей. Это ведет к появлению концепций Score 1, Score 2, Score 3, которые все активнее применяются в корпоративной отчетности об углеродном следе ³². С точки зрения управления проектами, такой подход означает расширение зоны ответственности и пересмотр цепочек создания стоимости, которые из линейных постепенно превращаются в циклические. Если раньше компания могла ограничиваться контролем за непосредственной производственной деятельностью, то теперь в фокус попадает вся жизненная цепочка продукта, включая этапы использования и утилизации. Цифровые решения помогают обрабатывать обширные потоки данных и формировать аналитические отчеты, которые менеджеры могут использовать для принятия взвешенных решений о том, как скорректировать проектные параметры, партнерские соглашения и методы производства, чтобы минимизировать общий уровень эмиссии.

С такой тотальной прозрачностью в управлении проектами растет и важность правильного взаимодействия с органами государственной власти и регуляторами. В целом правительственные органы во многих странах пытаются стимулировать переход к низкоуглеродной экономике с помощью субсидий, налоговых льгот, квотирования заданного уровня выбросов и обязательного раскрытия данных о состоянии окружающей среды ³³. Цифровые инструменты облегчают подачу и проверку таких данных, делая процесс более быстрым и достоверным. Некоторые правительства идут дальше и создают национальные платформы обмена информацией, где все участники рынка могут видеть актуальные значения показателей, связанные с выбросами и соблюдением экологических норм. В итоге сложные контрольные функции, ранее требовавшие обширных проверок на местах, частично автоматизируются, снижая административные барьеры и коррупционные риски.

Нельзя забывать и о глобальном аспекте: переход к низкоуглеродной экономике – это не просто локальная стратегия отдельной страны, а общемировая повестка, обусловленная Парижским соглашением, Целями устойчивого развития ООН и другими международными документами. На международном уровне цифровые инструменты должны способствовать обмену лучшими практическими примерами и результатами научных исследований, сокращая дублирование усилий и ускоряя распространение инноваций ³⁴. Организации могут сравнивать свои показатели не только с внутренними планами, но и с международными бенчмарками, стремясь достичь или превзойти общепризнанные стандарты. Этот процесс имеет положительную обратную связь, поскольку достижение высоких показателей и признание международного сообщества укрепляют репутацию компании и открывают двери к новым рынкам и инвестициям.

Все перечисленные тенденции подчеркивают ключевую роль цифрового управления проектами в создании более ответственных и эффективных бизнес-моделей в контексте низкоуглеродной экономики. Цифровые инструменты уже не воспринимаются как излишняя роскошь или дополнительная статья расходов, а становятся частью фундаментальных компетенций компаний, определяющих их выживание и рост в будущем ³⁵. Проекты, ранее объемные и сложные в управлении, могут теперь быть дезагрегированы, детально проанализированы и скоординированы с большой точностью, что повышает шансы на успех в условиях неустойчивой рыночной среды и быстрого изменения предпочтений потребителей. При этом тесная интеграция с принципами ESG гарантирует, что цифровая трансформация не останется чисто технологическим явлением, а будет направлена на реальные улучшения в социальной и экологической сферах.

Таким образом, можно сделать вывод, что переход к низкоуглеродной экономике формирует новые стандарты в управлении проектами, где цифровые технологии становятся неотъемлемым условием конкурентоспособности и долговременной устойчивости компаний. Тесное переплетение IT-решений, анализа данных, принципов agile-управления и ESG-подходов создает уникальную экосистему, которая помогает преодолеть проблемы декарбонизации, мотивирует к инновациям и формирует открытую среду для кооперации. В условиях, когда общество ждет от бизнеса все большей ответственности, а регуляторы устанавливают новые правила игры, способность управлять проектами в цифровом формате, привязанном к «зеленым» целям, становится уже не просто конкурентным преимуществом, а элементарным условием выживания ³⁶. Успешные примеры внедрения подобных подходов в разных секторах экономики демонстрируют, что вместе с цифровыми реформами и изменениями в корпоративной культуре можно достичь заметных результатов в снижении выбросов и оптимизации потребления ресурсов. И если комплексная цифровая трансформация продолжит развиваться теми же темпами, уже в ближайшем будущем мы сможем увидеть новые формы кооперации, инновационные модели ведения бизнеса и полноценное масштабирование устойчивых проектов, ведущих к более безопасному и сбалансированному будущему для всех участников мировой экономики ³⁷.

Примечания

1. ЕГОРОВ Д.Н. Новые вызовы для руководителей проектов в цифровизации экономики. — Проблемы развития предприятий: теория и практика. 2023. № 1–2, с. 145–150.
2. КРЮКОВ В.В., РАЗУМОВА Ю.В., СОЛДАТОВА Л.С. Проектное управление цифровой трансформацией как условие устойчивого развития компаний. — Креативная экономика. 2022. Т. 16. № 11, с. 4251–4264.
3. МАКСУБОВА Д.М., УМАРГАДЖИЕВА Н.М. Модель управления проектами в условиях цифровой трансформации. — Экономика и предпринимательство. 2023. № 2 (151), с. 756–758.
4. ДОЛГОВ А.А. Исследование и пути повышения эффективности российских проектноориентированных организаций на основе технологий цифрового менеджмента. — Тенденции развития науки и образования. 2023. № 99–4, с. 93–97.

5. ИЮПОВА Л.К. Управление проектами на базе искусственного интеллекта: глобальная революция. — Инновации и инвестиции. 2023. № 11, с. 119–122.
6. ДЕНИСОВ С.Г. Технологические тенденции, определяющие будущее управления жизненным циклом продукции в условиях цифровой трансформации. — Бюллетень инновационных технологий. 2024. Т. 8. № 2 (30), с. 10–13.
7. СЕМБИН А.Б., ТУСУПОВА Л.А., СЕЛЕЗНЕВА И.В., ШТИЛЛЕР М.В., ТУЛЕГЕНОВА М.С. Специфика управления проектами в современных условиях цифровой трансформации экономики. — Электронное правительство. 2023. Т. 19. № 4, с. 509–518.
8. МАГОМЕДБЕКОВ Г.У., РАБАДАНОВ М.Х., ЭЛЬДАРОВ Э.М. Проектное управление в эпоху цифровизации и социализации экономики. — Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 3: Общественные науки. 2023. Т. 38. № 4, с. 7–15.
9. ПЕТРОВ М.Н. Расширенная концепция цифровых двойников как основа методического инструментария управления инновационными проектами в современных условиях хозяйственной деятельности. — Горизонты экономики. 2022. № 6 (72), с. 139–148.
10. ТОВБ А.С., ЦИПЕС Г.Л. Управление проектами в эпоху цифровой трансформации. — Управление проектами и программами. 2023. № 3, с. 240–241.
11. КРУГЛОВ В.Н., ЛЕВИНЗОН В.С. Некоторые особенности проектного управления в условиях цифровизации общества. — Вестник образовательного консорциума. Среднерусский университет. Сер.: Экономика и управление. 2023. № 22, с. 32–35.
12. ЛАВРЕНТЬЕВ В.А., СУХОДОЕВА Л.Ф., РОГАНОВА С.Ю., ЯШКОВА Е.В., ЛАВРЕНТЬЕВА Е.В. Цифровая трансформация управления проектами в бизнес-процессах. — Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2022. № 9, с. 107–110.
13. САФАРОВА Ш.Д. Цифровая трансформация проектного управления. — Актуальные вопросы современной экономики. 2024. № 6, с. 559–567.
14. ТУМИН В.М., ЗЕНКИНА Е.В. Влияние цифровых технологий на процессы управления бизнесом компаний. — Экономика и предпринимательство. 2022. № 10 (147), с. 750–754.
15. ИРОДОВА Е.Е., СОКОЛОВ А.М. Управление бизнесом в условиях цифровой экономики. — Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Экономика. 2022. № 3 (53), с. 47–52.
16. КРУГЛОВ В.Н., ЛЕВИНЗОН В.С. Ук. соч., с. 32–35.
17. ЛАВРЕНТЬЕВ В.А., СУХОДОЕВА Л.Ф., РОГАНОВА С.Ю., ЯШКОВА Е.В., ЛАВРЕНТЬЕВА Е.В. Ук. соч., с. 107–110.
18. ДЕНИСОВ С.Г. Ук. соч., с. 10–13.
19. ЕГОРОВ Д.Н. Ук. соч., с. 145–150.
20. КРЮКОВ В.В., РАЗУМОВА Ю.В., СОЛДАТОВА Л.С. Ук. соч., с. 4251–4264.
21. ДОЛГОВ А.А. Ук. соч., с. 93–97.
22. СЕМБИН А.Б., ТУСУПОВА Л.А., СЕЛЕЗНЕВА И.В., ШТИЛЛЕР М.В., ТУЛЕГЕНОВА М.С. Ук. соч., с. 509–518.
23. МАГОМЕДБЕКОВ Г.У., РАБАДАНОВ М.Х., ЭЛЬДАРОВ Э.М. Ук. соч., с. 7–15.
24. МАКСУБОВА Д.М., УМАРГАДЖИЕВА Н.М. Ук. соч., с. 756–758.
25. ПЕТРОВ М.Н. Расширенная концепция цифровых двойников как основа методического инструментария управления инновационными проектами в современных условиях хозяйственной деятельности. — Горизонты экономики. 2022. № 6 (72), с. 139–148.
26. ДЕНИСОВ С.Г. Ук. соч., с. 10–13.
27. ЛАВРЕНТЬЕВ В.А., СУХОДОЕВА Л.Ф., РОГАНОВА С.Ю., ЯШКОВА Е.В., ЛАВРЕНТЬЕВА Е.В. Ук. соч., с. 107–110.
28. ТОВБ А.С., ЦИПЕС Г.Л. Ук. соч., с. 240–241.
29. ИЮПОВА Л.К. Ук. соч., с. 119–122.
30. КРЮКОВ В.В., РАЗУМОВА Ю.В., СОЛДАТОВА Л.С. Ук. соч., с. 4251–4264.
31. ДОЛГОВ А.А. Ук. соч., с. 93–97.
32. КРУГЛОВ В.Н., ЛЕВИНЗОН В.С. Ук. соч., с. 32–35.
33. ДЕНИСОВ С.Г. Ук. соч., с. 10–13.
34. МАКСУБОВА Д.М., УМАРГАДЖИЕВА Н.М. Ук. соч., с. 756–758.
35. САФАРОВА Ш.Д. Ук. соч., с. 559–567.
36. ТУМИН В.М., ЗЕНКИНА Е.В. Ук. соч., с. 750–754.
37. ИРОДОВА Е.Е., СОКОЛОВ А.М. Ук. соч., с. 47–52.

Исследование роли межкультурной коммуникации в преодолении языковых и социальных барьеров среди иностранных студентов российских университетов

Н.В. Кондрашова

Аннотация. Статья посвящена анализу роли межкультурной коммуникации в преодолении языковых и социальных барьеров среди иностранных студентов российских университетов. Языковой барьер и культурные различия создают риски академической неуспеваемости и психологического дискомфорта, что требует системного подхода к интеграции. Особое внимание в статье уделено роли интерактивных методик (групповые дискуссии, культурные проекты) и институциональной поддержки (кураторство, психологические службы). Подчеркивается, что успешная межкультурная коммуникация не только повышает академические результаты, но и укрепляет международный имидж российских вузов.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, иностранные студенты, языковой барьер, социокультурная адаптация, образовательная среда.

Кондрашова Наталия Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент Центра изучения иностранных языков, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет ИТМО».
E-mail: nvkondrashova@mail.ru.

Research on the role of intercultural communication in overcoming linguistic and social barriers among international students of Russian universities

N.V. KONDRASHOVA

Abstract. The article is devoted to studying the role of intercultural communication in overcoming language and social barriers among international students of Russian universities. Language barrier and cultural differences create risks of academic underachievement and psychological discomfort, which calls for a systematic approach to integration. Special attention is paid to the role of interactive methods (group discussions, cultural projects) and institutional support (mentoring, psychological services). It is underlined that successful intercultural communication not only improves academic performance but also strengthens the international image of Russian universities.

Key words: intercultural communication, international students, language barrier, socio-cultural adaptation, educational environment.

Kondrashova Natalia V. – PhD (Pedagogy), associate professor, ITMO University.

E-mail: nvkondrashova@mail.ru.

Межкультурная коммуникация в российском образовательном пространстве находит все более широкое признание как неотъемлемая составляющая успешной социокультурной адаптации иностранных студентов, которые выбирают российские вузы для получения высшего образования. Одним из ключевых вопросов, возникающих в процессе их интеграции, является преодоление языкового барьера, сопровождаемого рядом социальных трудностей. Для эффективного решения этих проблем необходимо комплексное рассмотрение факторов, влияющих на формирование коммуникативных навыков, а также анализ того, насколько культурные особенности российских университетов способствуют или, напротив, препятствуют процессу вхождения иностранных студентов в новую образовательную и культурную среду. Исследования показывают, что межкультурная коммуникация, рассматриваемая как система взаимодействий между носителями различных культур, может быть результативным инструментом в создании благоприятного поля для саморазвития и профессионального становления молодых людей, приехавших на учебу из-за рубежа. При этом чрезвычайно важно учитывать индивидуальные особенности восприятия, уровень владения языком, социальные установки студента, его предшествующий опыт учебы и проживания в других странах, а также систему его ценностей и убеждений. Многие аспекты, связанные с этими вопросами, нередко уходят на второй план в университетской среде, где основной акцент делается на формальное усвоение знаний¹. Между тем без надлежащего внимания к компонентам межкультурной коммуникации и к психологической поддержке иностранных студентов успех их обучения и комфортность пребывания в России оказываются под угрозой.

Фактические трудности, с которыми сталкиваются приезжие, вызываются не только естественным языковым барьером, но и культурными различиями в повседневном общении. Например, многие иностранные студенты отмечают, что в России по сравнению с их родными странами преподаватели и администрация могут демонстрировать более формальный или неформальный стиль общения, в зависимости от контекста². Понимание культурно обусловленных норм взаимодействия становится критически важным для правильной трактовки высказываний собеседников, а также для эффективного налаживания связей в новой среде. В ситуациях, когда необходимые механизмы адаптации отсутствуют, чуткое внимание со стороны преподавателей и студентов-кураторов может существенно повысить шансы на успешную адаптацию новичков. Однако межкультурная коммуникация не сводится лишь к вопросам языковой практики; она связана с принятием различий в системе ценностей, привычек, стилей общения и подходов к решению учебных и бытовых задач. Эти различия не обязательно вызывают конфликты, однако при неправильном управлении ими могут возникать многочисленные недоразумения. Регулярное освещение тем, связанных с культурными традициями, национальными праздниками и особенностями повседневной жизни, стимулирует рост межличностных связей и снижает напряжение, связанное с непредсказуемыми ситуациями и непривычными ритуалами.

Пристальное внимание к межкультурной коммуникации необходимо еще на этапе подготовки иностранных студентов к обучению в российских университетах, когда формируются первые ожидания и стратегия взаимодействия. Важнейшим фактором является наличие или отсутствие предварительной языковой подготовки на родине студента. Если уровень владения русским языком оказывается недостаточным, то происходит замедление учебной деятельности и студент оказывается перед выбором: инвестировать дополнительные силы и время в языковые курсы или попытаться приспособиться к учебному процессу, недопонимая часть информации. Во втором случае возникает множество проблем, связанных с самостоятельным изучением материалов, необходимостью чтения научной литературы, написанием контрольных работ и подготовкой презентаций³. Языковой барьер, помимо прочего, может ограничивать социальные контакты, создавая своеобразный вакуум, который отрицательно сказывается на психоэмоциональном состоянии студента. Аспекты культурного взаимодействия, будучи недооцененными или вовсе игнорируемыми, усугубляют эти проблемы и формируют негативный опыт, способствующий отдалению иностранного студента от местного академического и студенческого сообщества.

Обращаясь к социальным барьерам, стоит понимать, что они могут проявляться в разных формах – от непонимания некоторых жестов до возникновения стереотипных представлений о представителях иных культур. В университетском пространстве, где студенты проходят период интенсивного самоопределения, стереотипы могут формироваться на основе единичных случаев или недостоверной информации, в результате чего появляется предвзятое отношение. Атмосфера закрытости, которая подчеркивает различия между «своими» и «чужими», приводит к еще большему отдалению⁴. В противовес этому практика открытого диалога и коллективная реализация культурных проектов позволяют переломить сложившиеся шаблоны и продемонстрировать ценность разнообразия. Организация культурных вечеров, взаимное участие в национальных праздниках и создание мультикультурных студенческих объединений укрепляют межличностные связи, формируя у каждого участника осознание важности толерантного и уважительного общения. Таким образом, межкультурная коммуникация способствует трансформации среды, в которой социальные барьеры становятся менее ощутимыми и постепенно преодолеваются.

Роль университета как института, ответственного не только за академическую подготовку, но и за воспитание гражданских установок и профессиональных качеств будущего специалиста, должна проявляться в создании механизмов, способствующих развитию межкультурных компетенций. Применение интерактивных методик обучения, основанных на групповых дискуссиях, совместных проектах и ролевых играх, помогает иностранным студентам привыкать к культурным паттернам, доминирующим в российском сообществе, и одновременно обогащает российское студенчество знаниями о других странах⁵. Вопросы, связанные с этикой, религией, национальными традициями, могут быть включены в учебные планы гуманитарных дисциплин, что укрепит теоретическую

базу межкультурной коммуникации. Однако подобные меры будут малоэффективны, если в университете отсутствует институциональная поддержка, выражающаяся в работе психологических служб, кураторских программ и административной готовности решать конкретные проблемы студентов из-за рубежа. Необходима постоянная обратная связь, позволяющая оперативно корректировать планы и мероприятия в соответствии с реальными потребностями обучающихся.

Сложности в процессе межкультурной коммуникации нередко усугубляются тем, что иностранные студенты, приехавшие в Россию, сталкиваются со значительными различиями в организационном устройстве вузов. Различия в академических правилах, процедурах оценивания, форматах экзаменов и зачетов могут вызывать стресс и тревогу, особенно на первых курсах ⁶. Непонимание того, как функционируют бюрократические структуры, куда следует обращаться в случае возникновения непредвиденных обстоятельств или проблем со здоровьем, провоцирует дополнительные эмоциональные нагрузки. Если при этом иностранный студент не получает достаточной поддержки и не может найти коммуникационные каналы, позволяющие ему оперативно решать возникающие задачи, то напряжение усиливается. В итоге у некоторых студентов формируется негативное отношение к обучению в российском вузе, снижается учебная мотивация, а у части из них может даже появляться желание досрочно покинуть страну. Примечательно, что серьезные противоречия в одних и тех же ситуациях возникают реже, если университет проводит системную работу по информированию иностранных студентов об академических и бытовых аспектах жизни. При этом важно учитывать постоянный прирост количества людей, нуждающихся в подобной ориентации.

Эффективная межкультурная коммуникация предполагает гибкость и готовность сторон учитывать двойственный характер адаптации. Иностранный студент должен стремиться к освоению российских культурных норм, но и университетская среда обязана идти ему навстречу, стараясь понимать, какие привычки и традиции новоприбывшим даются особенно трудно. Нередко у иностранцев возникает ощущение «культурного шока», что связано не только с новизной окружения, но и с недостаточным набором инструментов и ресурсов для безопасной интеграции ⁷. Для того чтобы этот шок не перерастал в культурный разрыв, необходимо проводить различные ориентировочные занятия, посвященные истории, культуре, обычаям России, а также приглашать российских студентов к участию в диалогах о культуре стран, откуда приехали их новые сокурсники. Важно, что процесс обучения в таких случаях обретает двунаправленное измерение: местные студенты узнают много нового о жизни за границей, а иностранные – более глубоко проникают в менталитет России. Эта взаимная открытость, подпитанная уважением и интересом к инаковости, содействует налаживанию тесных дружеских связей, которые выходят за рамки обычных учебных контактов.

Одним из перспективных направлений развития межкультурной коммуникации является внедрение в образовательный процесс специальных элективных курсов, дисциплин или модулей,

нацеленных на углубленное освоение теоретических и практических аспектов взаимодействия культур. Идея состоит в том, чтобы не только обеспечить иностранцев знанием русского языка, но и дать им ориентиры в понимании культурного кода страны, в которой они будут жить и учиться. Одновременно с этим важно систематически включать местных студентов в деятельность таких курсов, чтобы они самим фактом своего участия учились воспринимать окружающее культурное многообразие как норму⁸. Методики интерактивного обучения позволяют моделировать реальные ситуации, с которыми может столкнуться студент в повседневной жизни: от общения в университете до самостоятельных поездок по городу и взаимодействия с представителями различных учреждений. Подобная практика способствует тому, что участники начинают лучше понимать, какие жесты, слова и формы поведения уместны в тех или иных обстоятельствах. При этом они учатся реагировать на потенциальные конфликтные ситуации более осознанно, учитывая взгляды представителей разных культур.

Социальная интеграция иностранных студентов во многом зависит от того, насколько доступными для них оказываются внеклассные формы деятельности: спортивные секции, культурные мероприятия, творческие объединения. Многие университеты уже уделяют внимание организации международных студенческих клубов, где люди из разных частей мира могут собираться, общаться без формального академического контекста, делиться личным опытом пребывания в России⁹. Это помогает создавать неформальную сеть взаимодействия, позволяющую студенческому сообществу стать более толерантным и открытым. Кроме того, участие в социальных проектах местного масштаба – волонтерская помощь в благотворительных организациях, экологических акциях, культурных фестивалях – дает иностранным студентам возможность максимально раскрыться, обретая социальную значимость в глазах окружающего общества. Когда индивид видит, что его усилия ценят и он может вносить вклад в общее дело, у него улучшается эмоциональный фон, снижается уровень тревожности, и, соответственно, эффективнее формируются навыки межкультурной коммуникации.

Большое значение в укреплении межкультурной коммуникации играет формирование общего информационного пространства, где студенты могут получать актуальные сведения на разных языках, а также высказывать свои предложения по совершенствованию учебного и воспитательного процесса. В эпоху цифровых технологий это может быть реализовано через создание электронных площадок и групп в социальных сетях, адаптированных для разных категорий студентов, включая иностранцев. Наличие многоязычных инструкций, справочников и видеоуроков упрощает жизнь тем, кто недавно приехал в Россию, поскольку позволяет им в любой момент найти ответы на интересующие вопросы¹⁰. Однако эксплуатация таких платформ будет эффективной лишь тогда, когда университет уделяет достаточное внимание их обновлению и наполнению актуальными материалами. Кроме того, отдельная задача – стимулировать иностранцев к самостоятельному участию в создании контента, делиться личными наблюдениями, помогать другим адаптироваться. В результате формируется своеобразная

«виртуальная эко-система» межкультурного диалога, которая дополняет живое общение и создает дополнительные условия для преодоления языковых и социальных барьеров.

Межкультурная коммуникация выходит за рамки учебной аудитории и влияет на качество повседневной жизни иностранных студентов. Например, при неграмотном подходе к вопросу студенческих общежитий, когда не учитывается языковая и социальная гетерогенность проживающих, возможны ситуации, ведущие к конфликтам или возникновению групповых противоречий. Если соседи по комнате не владеют общим языком на достаточном уровне или имеют противоположные культурные привычки (от регламента пользования общей кухней до норм поведения гостей), то взаимное непонимание может перерасти в систематические конфликты¹¹. В то же время опыт показывает, что при создании продуманных правил общежития, при организации совместных мероприятий и активном участии кураторов конфликты сводятся к минимуму, а жители общих комнат начинают сотрудничать, уважая права друг друга. В этом контексте университеты могут выступать в роли просветителей и медиаторов, объясняя общежитиям принципы разумной координации совместной деятельности и проведения коллективных собраний, где каждый может высказаться на понятном ему языке или с использованием перевода.

Особого внимания заслуживает также гендерный аспект межкультурной коммуникации, поскольку в разных культурах взаимодействие между мужчинами и женщинами может иметь свои особенности и ограничения. Традиции, связанные с религиозными нормами или нормами патриархального уклада, могут вступать в противоречие с более либеральными установками, принятыми в российской студенческой среде¹². Иностранные студентки нередко сталкиваются с двойными стандартами, когда в их родной стране им были привиты одни привычки в общении и поведении, а в России они наблюдают совершенно другие нормы. Однако, благодаря вовлеченности в межкультурный диалог, многие из них учатся балансировать между этими системами, обогащая свой личностный опыт. Университеты могут поддерживать этот процесс путем организации женских клубов и встреч, на которых женщины из разных стран делятся своим опытом учебы, проживания и профессионального самоопределения. Это не только укрепляет взаимопонимание, но и позволяет находить новые модели поведения, соответствующие быстро меняющимся реалиям глобализированного мира.

Распространенная проблема адаптации в чужой стране – чувство одиночества и изоляции, особенно в первые месяцы проживания. При отсутствии родных и знакомых, которые могли бы поддержать в сложные моменты, студент может чувствовать сильный культурный и эмоциональный дискомфорт¹³. Огромную роль здесь играет сплоченное студенческое сообщество, способное уловить сигналы того, что кому-то нужна помощь. Создание атмосферы взаимной поддержки и товарищеских отношений обеспечивает благоприятную среду для обучения и самореализации. Многие университеты славятся традициями взаимопомощи, когда старшекурсники берут шефство над первокурсниками, помогая им разобраться с учебными процессами. Применение этой традиции в отношении иностранных

студентов позволяет значительно упростить адаптацию. Подобные форматы – это, по сути, проявление межкультурной коммуникации, поскольку стимулируют взаимный интерес, доверие и открытость, что снижает уровень конфликтности и улучшает академическую успеваемость.

Успешная интеграция во многом определяется способностью унифицировать культурные ценности или по меньшей мере обеспечить их гармоничное сосуществование. Нередко в вузах практикуют организацию «круглых столов», где собираются представители разных национальностей и обсуждают проблемы, связанные с межкультурным взаимодействием. Подобная практика оказывается эффективной, так как участники формируют общий дискурс, находят точки соприкосновения, восстанавливают и укрепляют взаимоотношения. В процессе подобного общения возникает возможность делиться наследием своих стран, рассказывать о кухне, обычаях и особенностях языка ¹⁴. Любопытно, что нередко обнаруживаются схожие элементы в культурах, которые кажутся друг другу абсолютно чуждыми. Такая практика не только снимает напряжение, но и формирует более глубокий интерес к изучению иностранных языков и традиций, служит толчком к саморазвитию участников и часто обнаруживает уникальные потенциальные формы сотрудничества.

Исследователям, занимающимся вопросами межкультурной коммуникации, необходимо уделять внимание индивидуальному опыту студентов, фиксируя их впечатления, затруднения и стратегии преодоления барьеров. Интервью, анкеты, наблюдения в естественных условиях позволяют выявить скрытые механизмы адаптации и понять, какие психологические факторы оказывают положительное или отрицательное влияние. В частности, большое значение имеет мотивация к обучению: если студент изначально приехал, проявляя интерес к культуре и языку, он с большей вероятностью преодолеет барьеры и станет полноправным членом университетского сообщества ¹⁵. Если же им двигала лишь практическая цель, например получение диплома без особого интереса к российской специфике, то процесс адаптации зачастую протекает медленнее и сопровождается осложнениями. Проникновение в суть таких различий помогает разрабатывать адресные программы межкультурной коммуникации, учитывающие разнообразие целей и ожиданий зарубежных студентов. Эти программы могут включать различные формы консультирования, тренинги по конфликтологии, межкультурные воркшопы и многое другое.

Важно отметить, что межкультурная коммуникация не ограничивается взаимодействием «иностранец – россиянин». В крупных университетах можно встретить представителей десятков и даже сотен народов, которые общаются между собой. Некоторые группы образуют так называемые диаспоры, то есть объединения выходцев из одной страны или региона. С одной стороны, это способствует сохранению культурной идентичности и создает для участников диаспоры зону комфорта, где они могут говорить на родном языке и праздновать свои праздники ¹⁶. С другой же стороны, чрезмерное углубление в такую субкультуру может затормозить процесс интеграции и даже вызвать трения с другими группами. Здесь важно, чтобы представители университета и сами студенты искали баланс

между сохранением национальных традиций и желанием быть полноценными членами широкого студенческого сообщества. Расширение круга знакомств и общения за пределами диаспоры помогает иностранцам взглянуть на культурное пространство русских университетов более открыто и уменьшает риск формирования изолированных групп, настороженно относящихся друг к другу.

Подготовка кадров, способных грамотно обеспечивать межкультурную коммуникацию, также имеет большое значение. Недостаточно ограничиваться только преподавателями русского языка. Нужны психологи, социологи, культурологи и другие специалисты, обладающие компетенцией в области кросс-культурной психологии, толерантности и управления культурным разнообразием¹⁷. Они могут проводить консультационные занятия, обучая российских и иностранных студентов методам эффективного общения, предупреждения конфликтов, понимания культурных символов. Привлечение опытных экспертов к разработке учебно-методических материалов и методик сделает образовательный процесс более качественным и многосторонним. Кроме того, университеты могут разрабатывать программы повышения квалификации для своих сотрудников, преподавателей и административного персонала, чтобы те были готовы к работе с мультикультурной аудиторией. Особое значение это имеет для сотрудников деканатов, отделов международных связей и общежитий, так как именно они первыми сталкиваются с потребностями и проблемами зарубежных студентов.

Социальные и языковые барьеры, безусловно, сложны, но при правильном управлении их возможно не только снизить, но и использовать как стимул для роста. Студенты, сталкиваясь с иными культурными парадигмами, часто пересматривают собственные взгляды, становятся более толерантными, учатся работать в командах, где каждый участник отличается по своим культурным характеристикам¹⁸. Эти навыки чрезвычайно актуальны на современном рынке труда, где ценится умение взаимодействовать с людьми из разных стран, понимать их особенности и находить компромиссы. Формирование такой мультикультурной компетентности может рассматриваться университетом как часть своей миссии по выпуску специалистов мирового уровня. Не случайно в последние годы многие вузы стремятся позиционировать себя как «интернациональные», организуя программы академической мобильности, международные конференции и другие мероприятия, способствующие расширению межкультурных связей.

Несомненно, вектор развития российской высшей школы подразумевает дальнейшее расширение глобальных контактов. Этот процесс будет сопровождаться ростом количества иностранных студентов, которые выбирают российские университеты как площадку для получения востребованных знаний. Соответственно, вопросы межкультурной коммуникации станут еще более значимыми. Одной из перспективных задач является внедрение инновационных форм дистанционной коммуникации, таких как онлайн-консультации для абитуриентов из-за рубежа, виртуальные экскурсии по кампусам и общежитиям, а также интегрированные мультимедийные курсы, дающие представление об академических правилах и нормах поведения в российском вузе¹⁹. Такой подход позволит частично

снять стрессовые факторы, связанные с резким переходом из одной культурной среды в другую. Однако следует помнить, что никакие цифровые инструменты не заменят живого общения, поэтому системное внедрение онлайн-ресурсов должно сочетаться с реальными мероприятиями.

Эмпирические данные, полученные из разных источников, говорят о том, что ключ к успешному преодолению языковых и социальных барьеров лежит в комплексном подходе. Университеты должны обеспечивать поддержку на всех этапах: от рекламы и набора иностранных студентов до окончания обучения и трудоустройства выпускников. При этом крайне важно учитывать культурные отличия разных групп, разрабатывать индивидуализированные программы адаптации и стимулировать диалог. Еще одной важной задачей становится формирование позитивного имиджа России и ее высшей школы в глазах иностранных сообществ. Положительные отзывы самих обучающихся, вернувшихся на родину, могут сыграть свою роль в привлечении новых потоков заявлений на поступление ²⁰. Таким образом, чем выше уровень межкультурной коммуникации, тем более эффективно университет выполняет свою миссию и укрепляет связи с другими странами.

Анализируя процесс обучения иностранных студентов, можно заметить, что наиболее проблемные ситуации зачастую возникают при отсутствии дидактических материалов, адаптированных к уровню языковой подготовки, или при использовании методик преподавания, не учитывающих культурный фон обучающихся ²¹. Многие студенты жалуются, что им сложно ориентироваться в теоретических концепциях, если преподаватель или учебные материалы предполагают знакомство с определенными темами российской истории, литературы или культурных контекстов, о которых студент может не иметь представления. Отсюда возникает необходимость в специальных курсах по введению в российскую культуру и историю, которые позволят студентам лучше изучить фундамент местных реалий, не тратя при этом слишком много времени на самообучение. Когда такие курсы сопровождаются дискуссиями, творческими заданиями и ролевыми играми, уровень вовлеченности вырастает, а вместе с ним повышается и результативность образовательного процесса ²². Важно также подумать о том, как наладить обратную связь со студентами, чтобы оперативно корректировать и совершенствовать программу в зависимости от их реальных потребностей.

Одним из индикаторов успешной межкультурной коммуникации является уровень участия иностранных студентов в общественной и академической жизни вуза. Если они ограничиваются только обязательными занятиями и не проявляют инициативы во внеклассных мероприятиях, это может свидетельствовать о том, что внутренние барьеры еще не преодолены. Напротив, активное участие в научных конференциях, студенческих соревнованиях, культурных фестивалях показывает, что процесс адаптации идет успешно и воспринимается студентом позитивно ²³. При этом для некоторых иностранцев более комфортно будет сначала влиться в небольшие объединения по интересам, где общение идет на близком уровне, а уже затем, набравшись уверенности, выходить на более широкую аудиторию. Поддержка со стороны руководства университета,

преподавателей и местных коллег-студентов в этом деле чрезвычайно важна. Зачастую достаточно простых поощрений и рекомендаций: пригласить новоприбывшего на репетицию коллектива, помочь оформить необходимые документы, объяснить, как добраться до места проведения мероприятия. Все эти мелочи на самом деле формируют базу для укрепления межкультурных связей.

Сбалансированная межкультурная коммуникация предполагает не только преодоление барьеров, но и формирование новых позитивных смыслов и ценностей, которые обогащают и местное, и иностранное сообщество. Сближение культур часто способствует появлению уникальных проектов и инициатив, которые были бы невозможны без содействия представителей разных наций. Это может касаться как научных исследований, так и творческих коллабораций. Молодые ученые, работая в интернациональных командах, объединяют разные научные традиции, стили мышления и взгляды на проблему ²⁴. В итоге вырабатывается более комплексное понимание предмета исследования. Аналогично и в сфере искусства: общие музыкальные, танцевальные и художественные проекты, рождающиеся благодаря встрече и диалогу культур, приобретают особую глубину и оригинальность. В последние годы многие российские вузы стимулируют такие формы творчества, предоставляя площадки и гранты для международных коллективов, что, в свою очередь, способствует позиционированию университета как центра культурного обмена.

Наблюдения показывают, что не существует универсального шаблона, по которому должна развиваться межкультурная коммуникация в высшем учебном заведении. Каждый университет, имеющий свои традиции, ресурсы и географические особенности, разрабатывает собственные подходы и механизмы. Но общим остается понимание того, что без осознанного управления культурным многообразием достичь высокого уровня интеграции и академического прогресса будет довольно сложно ²⁵. Иностранные студенты, не будучи достаточно вовлеченными, могут испытывать серьезный дискомфорт и даже становиться катализаторами межкультурных конфликтов, если их проблемы и потребности игнорируются. В то же время грамотно организованная система поддержки и диалоговых площадок делает процесс их вхождения в новую среду более мягким и конструктивным. В университетах, где такие условия созданы, как правило, наблюдается позитивная динамика в академических результатах и повышается общая удовлетворенность студентов процессом обучения.

Для исследователей, которые продолжают изучать тему межкультурной коммуникации в российских вузах, перспективными направлениями могут стать детализированные аналитические отчеты, основанные на многолетних длительных исследованиях. В них стоит учитывать динамику изменения отношений к иностранным студентам со стороны преподавателей и местных учащихся, а также анализировать, какие инструменты и методики оказывают наибольшее влияние на уменьшение языковых и социальных барьеров ²⁶. Кроме того, важно включать в исследования разнообразные культурные группы, чтобы выявить специфические факторы, влияющие на тех или иных представителей. Такая

дифференцированная картина поможет оптимизировать работу университета, делая межкультурную коммуникацию не формальным элементом, а живым, постоянно развивающимся процессом. Информация, почерпнутая из подобных исследований, будет полезна не только для академического сообщества, но и для структур государственной власти, занимающихся формированием образовательной политики и продвижением интересов Российской Федерации на международной арене.

Упрочнение связей между иностранными и российскими студентами может быть достигнуто путем вовлечения семейного и местного сообщества. К примеру, некоторые университеты практикуют дни открытых дверей, куда приглашают семьи иностранных учащихся, проживающих в стране, или организуют поездки по соседним городам, демонстрируя исторические и культурные достопримечательности региона ²⁷. Подобные мероприятия позволяют расширить круг общения и показать, что университет воспринимает обучающегося не только как академическую единицу, но и как личность со своей социальной средой. Тем самым обеспечивается более глубокое знакомство с местными традициями, снижается вероятность возникновения негативных стереотипов и укрепляется позитивный образ учебного заведения. Однако здесь нужно действовать тонко и уважительно, чтобы не вторгаться в личное пространство и не создавать у иностранцев ощущения навязчивого контроля или попыток ассимиляции.

Особо следует упомянуть аспекты, связанные с религиозным разнообразием. Российские университеты, принимая студентов самых разных конфессий, должны быть готовы предоставить условия для их духовных практик в рамках действующего законодательства, а также проявить толерантность к специфическим потребностям и традиционным обрядам ²⁸. В этом плане чрезвычайно полезным могут оказаться университетские общества взаимного уважения и диалога, где студенты разных верований совместно ищут пути лучшего понимания друг друга. Подобные сигналы того, что вера и культура каждого почитаются и признаются, создают атмосферу доверия и безопасности, благодаря чему существенно снижается риск девиантного поведения, вызванного чувством непринадлежности. При наличии ответственного подхода религиозное многообразие может стать источником обучающего опыта, углубляющего культурные горизонты и поддерживающего идею открытого академического пространства.

Сложность и многогранность межкультурной коммуникации требуют от всех участников образовательного процесса систематической рефлексии, то есть осмысления собственных действий и убеждений. Без этого невозможно построить действительно продуктивный диалог, который будет приносить пользу всем сторонам. Обратную связь можно получать через анонимные анкеты, фокус-группы, индивидуальные консультации, позволяющие студентам высказываться о качестве адаптационных программ и предлагать шаги по их улучшению ²⁹. Важно подчеркивать, что эта обратная связь должна быть не формальной, а запрашивающей реальное мнение людей. Только в этом случае можно говорить о постоянном развитии системы межкультурного взаимодействия. Совмещение

подобного анализа с данными об академической успеваемости и психологическом благополучии студентов помогает получить более полную картину и своевременно корректировать стратегию университета, ориентируясь на эффективность и гуманистические принципы.

С учетом всего сказанного межкультурная коммуникация становится фундаментальным фактором, который определяет не только успешность обучения иностранных студентов, но и конкурентоспособность российских университетов на международном уровне ³⁰. Способность создавать условия для комфортной адаптации, обеспечивать качественную языковую подготовку и уважать культурные особенности делает вуз привлекательным для абитуриентов из разных стран. В долгосрочной перспективе такие университеты формируют разветвленные сети выпускников по всему миру, способных выступать в роли «культурных послов», укрепляя международные связи и репутацию российской системы образования. Таким образом, комплексное освоение технологий и инструментов межкультурной коммуникации – это инвестиция в будущее, придающая стратегическое значение каждому университету, стремящемуся сделать собственный вклад в формирование гармоничного глобального общества, уважающего разнообразие и способного к совместному поиску решений насущных проблем.

Совершенствование межкультурной коммуникации требует от российского образовательного истеблишмента не только организационных изменений, но и переоценки ценностей, глубокой перестройки подходов к обучению и воспитанию. Восприятие иностранного студента не как «иног», а как полноценного участника образовательного процесса, чей опыт и культура только обогащают университетскую жизнь, должно стать нормой ³¹. Это предполагает выход за рамки привычных педагогических моделей и внедрение принципов и технологий, ориентированных на взаимодействие в форме диалога и уважение к идентичности каждого. По мнению многих специалистов, основу такого подхода закладывают принципы толерантности, взаимопонимания и рефлексии, а также осознание того, что культура – это динамическое явление, неизбежно меняющееся под влиянием контактов и исторического развития. В подобном ракурсе межкультурная коммуникация перестает восприниматься как обязательная формальность и становится источником постоянного личностного и профессионального роста для всех участников образовательного сообщества.

Таким образом, процесс преодоления языковых и социальных барьеров среди иностранных студентов российских университетов лежит в поле интенсивной межкультурной коммуникации, способной смягчать культурные различия и раскрывать потенциал каждого участника образовательного процесса ³². Принятие культурного разнообразия, развитие диалоговых форм обучения, обеспечение институциональной поддержки и поощрение социально значимого взаимодействия – все это создает условия для формирования более гармоничного образовательного пространства, в котором каждый студент, иностранец или россиянин, чувствует свою значимость и может в полной мере реализовать свой академический и личностный потенциал.

Примечания

1. НАЗАРЕНКО Т.Ю. Обучение иностранным языкам в вузе как средству межкультурной коммуникации. — Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 3-3 (90), с. 209.
2. КОСТИКОВА Л.П. Межкультурная коммуникация в поликультурной образовательной среде вуза. — Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2020. Т. 9. № 2, с. 17.
3. ВОЛКОВА М.С., ПЕРЕВЕРЗЕВА Н.А. Роль иностранных языков в гуманитарном образовании учащихся университета спорта. — Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2023. № 2, с. 66.
4. ГРОМОВА Л.Г., ГУРИН А.Б., ГАСКОНЬ Е.А. Международные студенческие конференции в практике обучения русскому языку как иностранному. — Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Педагогика и психология. 2023. № 3 (64), с. 235.
5. ЛАЗУТИНА М.М. Процесс преподавания иностранных языков и межкультурная коммуникация. — Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики в современном иноязычном образовании. 2023. № 1, с. 267.
6. БЕЗНОСОВА М.И. Социокультурная среда как фактор привлекательности российских вузов (на примере Удмуртского государственного университета, Россия). — Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2020. Т. 4. № 4, с. 467.
7. VOLCHENKOVA K.N. Studying Challenges Faced by International Students Enrolled in English Medium Instruction Programs at Russian University. — Science for Education Today. 2023. Vol. 13. No. 2, p. 192.
8. АКИШИНА Т.Е. Обучение межкультурной коммуникации в программе русского языка: предмет и задачи обучения. — Cross-Cultural Studies: Education and Science. 2022. Vol. 7. No. 1, p. 52.
9. РЕЗВАЯ Ю.В. Межкультурная коммуникация в контексте преподавания русского как иностранного. — Вестник Луганского государственного университета имени Владимира Даля. 2023. № 6 (72), с. 178.
10. КОРШУНОВА Н.М. Межкультурная коммуникация студентов факультета иностранных языков в период обучения в вузе. — Актуальные проблемы языкознания. 2024. Т. 1. № 1, с. 184.
11. ДОЛЖИКОВА А.В. Трансформация подходов к социокультурной адаптации иностранных студентов в условиях современных внешнеполитических вызовов. — Обзор НЦПТИ. 2023. № 3 (34), с. 28.
12. СОКОЛОВА Е.В. Академические стрессоры иностранных студентов в России. — ЦИТИСЭ. 2021. № 4 (30), с. 386.
13. ПЕТРОВА Л.Г., ЕЛФИМОВА А.В., ПЕТРОВ Р.Д. Коммуникативные неудачи и учет их причин при обучении иностранных студентов в российских вузах. — Проблемы современного педагогического образования. 2024. № 84-1, с. 247.
14. СОКОЛОВА Е.В. Языковая коммуникация и адаптация иностранных студентов в условиях российского вуза. — Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 8 (100), с. 277.
15. ФРОЛОВА Н.Н., ПАНОВА Е.П. Формирование межкультурной коммуникации средствами социализации иностранных студентов в Московском политехническом университете. — Парадигмы управления, экономики и права. 2022. № 2 (6), с. 86.
16. КОСТИКОВА Л.П. Ук. соч.
17. БЕЗНОСОВА М.И. Ук. соч.
18. ЛАЗУТИНА М.М. Ук. соч.
19. КОСТИКОВА Л.П. Ук. соч.
20. ВОЛКОВА М.С., ПЕРЕВЕРЗЕВА Н.А. Ук. соч.
21. АКИШИНА Т.Е. Ук. соч.
22. ГРОМОВА Л.Г., ГУРИН А.Б., ГАСКОНЬ Е.А. Ук. соч.
23. СОКОЛОВА Е.В. Академические стрессоры иностранных студентов в России....
24. НАЗАРЕНКО Т.Ю. Ук. соч.
25. ЛАЗУТИНА М.М. Ук. соч.
26. БЕЗНОСОВА М.И. Ук. соч.
27. VOLCHENKOVA K.N. Op. cit.
28. ДОЛЖИКОВА А.В. Ук. соч.
29. КОРШУНОВА Н.М. Ук. соч.
30. РЕЗВАЯ Ю.В. Ук. соч.
31. ВОЛКОВА М.С., ПЕРЕВЕРЗЕВА Н.А. Ук. соч.
32. БЕЗНОСОВА М.И. Ук. соч.

Влияние русского академического образования в области скульптуры на современное китайское художественное образование

Хуо Пэнфэй

Аннотация. Российские традиции реализма и романтизма в преподавании оказали значительное влияние на художественные концепции, творческие стили и подготовку кадров в китайском скульптурном образовании, способствуя инновациям как в системе образования, так и в практике. Цель статьи – представить теоретическую основу для обмена опытом в сфере художественного образования между Китаем и Россией, а также рассмотреть перспективы сотрудничества двух стран в этой сфере. Результаты исследования имеют важное значение для понимания интеграции межкультурных образовательных моделей и их роли в продвижении глобальных реформ художественного образования.

Ключевые слова: Россия, Китай, скульптурное образование, современность, художественные концепции, монументальная скульптура, межкультурный обмен.

Хуо Пэнфэй – доцент, Чжэнчжоуский университет легкой промышленности. Чжэнчжоу. Китай.

E-mail: huopengfei1982@163.com.

Influence of Russian academic sculpture education on contemporary Chinese art education

HUO PENGFEI

Abstract. This article demonstrates that Russian traditions of realism and romanticism in teaching have significantly impacted artistic concepts, creative styles, and teacher training in Chinese sculptural education, promoting innovations in both educational systems and practices. The purpose of this article is to provide a theoretical foundation for the exchange of experience in art education between China and Russia, as well as to examine prospects for future cooperation. Furthermore, the research findings are important for understanding the integration of cross-cultural educational models and their role in advancing global art education reforms.

Key words: Russia, China, sculptural education, modernity, artistic concepts, monumental sculpture, cross-cultural exchange.

Huo Pengfei – associate professor, Zhengzhou University of Light Industry. Zhengzhou. China.

E-mail: huopengfei1982@163.com.

При рассмотрении вопроса о транснациональном влиянии искусства скульптуры нельзя игнорировать давние и устойчивые связи между Россией и Китаем, наличие единых глубинных ценностных оснований искусства двух стран ¹. В XX в. российское скульптурное образование значительно преобразило облик современного китайского скульптурного образования. Это влияние проникло во все аспекты образовательной системы, охватив методики преподавания, художественные концепции, творческие стили и подготовку педагогических кадров ². В настоящей статье исследуется влияние советского и российского скульптурного образования на китайское и его внутреннее значение, что послужит теоретической основой и практическим ориентиром для российско-китайского обмена в сфере художественного образования.

Исторические предпосылки и культурный обмен. Россия и Китай, две страны с богатым культурным наследием, имеют уникальные традиции в образовании в области скульптуры ³. На разных исторических этапах между ними происходил плодотворный обмен, который способствовал взаимопониманию и дружбе между народами. С начала XX в. эти связи постепенно укреплялись, особенно в сфере художественного образования ⁴.

Российская система скульптурного образования известна своей строгой структурой и богатым художественным наследием. Ее история восходит к XVIII в., когда были основаны специализированные школы по скульптуре, уделявшие особое внимание развитию базовых навыков студентов и их всестороннему художественному воспитанию. Высшее образование современной России занимает ведущие позиции в мировых рейтингах. Академические заведения, специализирующиеся на изобразительном искусстве, такие как Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина (Институт имени Репина) и Московский государственный академический художественный институт имени В.И. Сурикова (МГАХИ имени Сурикова), пользуются мировой известностью. При этом доля китайских студентов, обучающихся по направлению «скульптура», ежегодно составляет в среднем 30 %. Эти учебные заведения не только воспитывают высококвалифицированные кадры, но и завоевывают многочисленные награды в области скульптурного образования.

Монументальная скульптура России славится своими впечатляющими эстетическими достижениями и глубоким идейным содержанием, она также отличается ярко выраженной социологической направленностью, несет историческую миссию ⁵. Многие памятники отражают историю и культуру российского народа. Современное скульптурное образование в Китае начало развиваться относительно поздно, но быстрыми темпами. В 1929 г. Министерство образования Китайской Республики организовало в Шанхае Первую национальную художественную выставку, которая стала первой в истории Китая общенациональной экспозицией произведений искусства, организованной правительством ⁶. На этой выставке четыре скульптурные работы профессора Ван Цзинъюань ⁷, включая «Бюст премьер-министра»,

привлекли внимание многих профессионалов. Тогда же крупный барельеф, созданный Ли Цзиньфа⁸ для Большого Нанкинского театра в Шанхае (1933), стал первым китайским монументальным скульптурным произведением с обнаженными фигурами, размещенным на открытом воздухе. «Это произведение, известное в китайских художественных кругах множеством персонажей и внушительными размерами, стало зарождением крупномасштабной монументальной скульптуры в современном Китае»⁹. Два мастера – Ван Цзинъюань и Ли Цзиньфа – заложили основу для развития скульптурного образования в Китае.

Контакты между Россией и Китаем в области скульптурного образования восходят к началу XX в. После возникновения Китайской Народной Республики, особенно с началом политики реформ и открытости, культурный обмен между двумя странами стал интенсивнее. Сегодня многие китайские студенты выбирают обучение скульптурному искусству в России, а российские скульпторы часто приезжают в Китай для чтения лекций и организации выставок. Российская (советская) модель обучения скульптуре, благодаря своим уникальным педагогическим концепциям и практическим методам, сыграла важную роль в развитии китайского скульптурного искусства и заложила основу для многообразия системы художественного образования в Китае¹⁰. Российская скульптура, ориентированная на реалистическое изображение, внесла вклад в формирование целой плеяды китайских скульпторов, которые обучались в Институте имени И.Е. Репина. Влияние советской скульптуры способствовало развитию монументальной китайской скульптуры в стиле социалистического реализма с национальной окраской и символикой¹¹. Например, российский реалистический стиль оказал глубокое влияние на китайских скульпторов, в то же время китайские мастера включили элементы традиционной китайской культуры в современное скульптурное творчество, формируя уникальное художественное направление.

Многие китайские университеты на сегодняшний день установили партнерские отношения с российскими художественными академиями для совместной реализации проектов в области скульптурного образования. Эти проекты включают как обмен студентами и преподавателями, так и совместное проведение выставок и научных семинаров. Особенно плодотворным оказалось сотрудничество с Академией художеств имени И.Е. Репина. Благодаря этому взаимодействию, китайские студенты смогли перенять опыт ведущих русских специалистов, что позволило нескольким поколениям использовать эти ценные навыки в своей практике¹². Развитие сотрудничества продолжается и сегодня. Так, в октябре 2023 г. Центральная академия художеств Китая и Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина подписали меморандум о сотрудничестве (рис. 1), который предусматривает долгосрочное и тесное взаимодействие в различных областях, включая обучение, научные исследования, выставочную деятельность и культурный обмен¹³. После подписания меморандума о сотрудничестве обе стороны

занились повышением уровня преподавания и наращиванию китайско-российского культурного обмена посредством организации студенческих выставок, взаимных визитов преподавателей, проведения мастер-классов и реализации программ обмена студентами. Кроме того, преподаватели обоих учебных заведений регулярно проводят академические обмены как в онлайн-, так и в офлайн-формате, обсуждая направления развития скульптурного образования и методики преподавания. Благодаря этим обменам, уровень скульптурного образования в обеих странах повышается, а искусство скульптуры развивается на основе взаимного обогащения.

Рис. 1. С.И. Михайловский, ректор Санкт-Петербургской академии художеств им. И.Е. Репина, и Линь Мао, ректор Центральной академии художеств Китая, подписали меморандум о сотрудничестве

Влияние художественных концепций. Социалистический реализм: внедрение техник натурализма. В процессе обучения китайское скульптурное образование заимствовало реалистические техники российской скульптурной школы, уделяя особое внимание развитию наблюдательности и формообразующих способностей студентов ¹⁴. Благодаря многочисленным рисункам, наброскам и практическим занятиям по скульптуре, китайские студенты постепенно овладевали основами формообразования, создавая скульптурные произведения в реалистическом стиле. Например, в работе китайского скульптора Пань Хэ «Тяжелые годы» (1956, Хайнань) запечатлены мужественные образы китайских красноармейцев ¹⁵, чья выразительность мимики и естественность поз явно отражают влияние советской школы.

Российские скульпторы представляют исторические события и образы героев живо и масштабно, их произведения производят сильное впечатление и проникнуты глубоким чувством национального самосознания. В процессе обучения китайские скульпторы интегрировали подобные идеи в свои работы и стали уделять внимание отражению социальной реальности через произведения, изображающие жизнь народа. Например,

Образование: прошлое, настоящее и будущее

барельеф известного скульптора Хуа Тянью ¹⁶ «Рабочие и крестьяне строят новый Китай» (рис. 2) отражает влияние соцреализма и через изображение обычных рабочих и крестьян ярко передает социальную заботу. Скульптор Цянь Шаоу при создании работы «Песнь большой дороги» (рис. 3), вдохновился реалистическим направлением в советских скульптурных произведениях, сделав акцент на эмоциональной составляющей произведения.

Рис. 2. Хуа Тянью. Рабочие и крестьяне строят новый Китай. 1950 г. Дворец собрания народных представителей, Пекин

Рис. 3. Цянь Шаоу. Песнь большой дороги. Копия. Национальный музей Китая, Пекин. Оригинал (1959 г.) хранится в Санкт-Петербургской академии художеств имени И.Е. Репина

Пробуждение «романтического» настроения. Китайское скульптурное образование под влиянием российских романтических идей постепенно стало уделять больше внимания эмоциональному выражению, поощряя студентов передавать собственные чувства и мысли в творчестве, стремиться к выразительности ¹⁷. Это влияние обогатило китайских скульпторов, сделав эмоциональную выразительность более тонкой и глубокой, усилив художественную привлекательность и гуманистическую направленность произведений. В качестве примера можно привести скульптуру «Конфуций» (2010 г., площадь перед Национальным музеем Китая, Пекин) авторства У Вэйшаня (吴为山, род. 1962).

Развитие индивидуальности и инновационного мышления. Российское скульптурное образование также послужило ориентиром для китайского в стремлении к индивидуальности и новаторству. Китайское скульптурное образование предоставило учащимся платформу для демонстрации и обмена опытом. Посредством организации творческих курсов и художественных

выставок оно стимулировало творческий энтузиазм студентов, побуждая их выражать собственные уникальные взгляды и художественный стиль в своих работах. Это не только обогатило формы китайского искусства, но и воспитало группу скульпторов с уникальным художественным стилем. Например, работа молодого скульптора Чжи Минь (鄧敏) «24 солнечных термина – Большой холод» (2021 г., Пекинский художественный музей Имэй), в которой использована комбинация различных материалов для создания динамичной абстрактной формы, демонстрирует достижения китайского образования в области инноваций.

Проникновение художественных концепций в китайское скульптурное образование представляет собой сложный процесс, который отражает как обмен и сотрудничество между Россией и Китаем, так и способность китайского скульптурного образования перенимать и усваивать передовые идеи и методы. Через изучение художественных концепций и образовательных моделей российского скульптурного образования мы можем лучше понять историю развития и текущее состояние подобного образования в Китае.

Ключевая роль в подготовке педагогических кадров. Российское скульптурное образование оказало решающее влияние на подготовку педагогических кадров для современного китайского образования в области скульптуры¹⁸. В первые годы после основания Китайской Народной Республики многие выдающиеся китайские скульпторы отправились учиться в Советский Союз, где получили всестороннюю подготовку. Эти художники, вернувшись из-за рубежа, не только привезли с собой передовые педагогические концепции и научные методы обучения, но и стали пионерами скульптурного образования в Китае. Они передавали студентам сущность советского скульптурного образования, преподавали в ведущих художественных академиях страны и сыграли решающую роль в процессе модернизации скульптурного образования в КНР.

Развитие профессиональных навыков педагогических кадров китайского скульптурного образования. Российское скульптурное образование акцентирует внимание на базовой подготовке и практическом обучении, подчеркивая значение изучения анатомии человека, пространственного формообразования и применения скульптурных материалов. Благодаря изучению и адаптации методик преподавания и системы подготовки российского скульптурного образования, профессиональный уровень педагогических кадров в Китае значительно повысился. В области базовой подготовки преподаватели помогают учащимся узнавать структуру человеческого тела и законы формообразования через многочисленные упражнения в набросках и лепке¹⁹. Китайские педагоги, изучая и адаптируя российские методики преподавания и систему подготовки, повысили собственный профессиональный уровень. Например, Цянь Шаоу²⁰ изучал скульптуру в Советском Союзе, а после возвращения на родину долгое время был профессором Центральной академии художеств, внедряя методы базовой подготовки российской школы в китайское скульптурное образование. Благодаря внедрению

российской системы подготовки, китайские педагоги стали уделять больше внимания верной передаче в искусстве человеческой фигуры, что позволило воспитать целую плеяду выдающихся скульпторов современного Китая.

В области практического обучения российское скульптурное образование делает акцент на участии студентов в проектах для развития их творческих способностей и навыков через практический опыт. Китайские педагоги также организуют участие студентов в различных выставках и творческих мероприятиях, позволяя им совершенствоваться через практику. Например, Академия изящных искусств университета Цинхуа в сотрудничестве с китайско-российским скульптурным творческим лагерем подготовила студентов к участию в международных скульптурных проектах в России. В этих проектах китайские студенты работали совместно с российскими скульпторами, получая профессиональный опыт и расширяя кругозор.

Содействие совершенствованию и развитию системы китайского скульптурного образования. Российское скульптурное образование обладает богатым опытом и зрелыми моделями в области структуры учебных программ, методов преподавания и систем оценки. Китайское скульптурное образование, основываясь на заимствовании и усвоении успешного российского опыта, непрерывно совершенствует собственную образовательную систему.

Китайское образование включило в свое содержание историю русского искусства, теорию скульптуры и другие аспекты, позволяющие студентам всесторонне изучить историю развития и художественные особенности российской скульптуры²¹. В области методики преподавания китайское скульптурное образование внедрило практические методы обучения и индивидуализированные модели российского скульптурного образования, уделив особое внимание развитию новаторских подходов и практических навыков студентов. Китайское скульптурное образование заимствовало российские диверсифицированные способы оценки, понимая важность учета комплекса качеств и творческих способностей студентов.

Влияние российского скульптурного образования на современное китайское образование многогранно: оно не только способствовало его становлению и совершенствованию, но и оказало глубокое воздействие на художественные концепции, творческие стили и подготовку педагогических кадров.

Анализируя этот процесс, можно отметить, что китайское скульптурное образование продемонстрировало уникальную избирательность и творческий подход, сформировав свою модель культурного обмена «усвоение – трансформация – инновация». Влияние российского скульптурного образования вышло за рамки техники, подтолкнув китайских художников к глубоким размышлениям о сущности скульптуры и ее социальной функции. Это способствовало переходу китайской современной скульптуры от поиска формы к единству содержания и формы, от личного выражения к принятию социальной ответственности.

История российско-китайского обмена в области скульптурного образования предоставляет важный ориентир для понимания

того, как различные культурные традиции могут дополнять друг друга и развиваться вместе, сохраняя при этом индивидуальные особенности. В современном контексте глобализации это межкультурное художественное взаимодействие продолжает обогащать скульптурное искусство обеих стран.

В будущем китайское скульптурное образование должно найти баланс между традицией и современностью, между национальным и международным, сохраняя открытость мировому опыту и одновременно глубоко исследуя ресурсы собственной культуры, внося уникальный вклад в многообразное развитие мирового скульптурного искусства. Исторический опыт показывает, что международный обмен в художественном образовании – это процесс двустороннего взаимодействия и совместного роста, и только культурный обмен, основанный на равенстве и уважении, поможет создать идеальную модель для будущего развития глобального художественного образования.

Примечания

1. ВАН ЯНЬ. Городская скульптура Китая и России: процессы межкультурной интеграции и дифференциации. — Экономика строительства. 2023. № 5.
2. ТЭН ЖУНЬХУН. Исследование образного выражения в современном китайском искусстве на примере Чжао Уцзи. — Дунфан Соцан. 2014. № 11, с. 74–76.
3. ЧЖАН ЖУЙ. Пути повышения комплексных навыков студентов в области скульптурного образования. — Исследования художественного образования. 2021. № 13, с. 126–127.
4. ЛИ ЮЙТУН, ЦАО ЦЗЯЦИ, ВЭЙ ФЭН. Культурная память, преодолевающая пространство и время: восприятие и распространение классической русской литературы в Китае. — Сравнительные исследования культурных инноваций. 2024. № 20, с. 109–111.
5. ЛЮ ФАН. Процесс ориентализации городской скульптуры в Китае с середины XIX в. — Вопросы истории. 2024. № 3, с. 170–177.
6. ШИ ЧЭНЦЗЭ. Развитие современной металлической скульптуры на Тайване и материковом Китае в XX веке: Дисс. ... докт. искусств. Китайская академия искусств. 2015.
7. Ван Цзинъюань (王静远, 1884–1970) – китайский скульптор и педагог. Преподавала скульптуру в Государственном институте искусств в Ханчжоу и Пекинском институте искусств, внесла значительный вклад в развитие современного скульптурного образования в Китае.
8. Ли Цзиньфа (李金发, 1900–1976) – китайский скульптор и педагог. Работал в Шанхайском художественном училище, Национальной академии искусств в Ханчжоу и Университете Сунь Ятсена.
9. ШАО ЦЗИН. Исследование развития современной городской скульптуры Китая: Дисс. ... докт. искусств. Сучжоуский университет. 2013.
10. СЕ ШАОБО, ЛЮ ФАН. Влияние советской модели обучения 1950-х гг. на преподавание скульптуры в Китае. — Вопросы истории. 2024. № 10, с. 150–159.
11. У ВЭЙ. Влияние советских деятелей искусств на развитие скульптуры соцреализма в КНР. — Университетский научный журнал. 2020. № 59, с. 122–131.
12. ВАН ШУЦЗИН. Художественное образование в Китае в XX веке: национальные черты, международные тенденции и российское влияние (на примере Центральной академии изящных искусств). — Культура и искусство. 2021. № 4.
13. Центральная академия изящных искусств – один из ведущих художественных вузов в Китае. Основана в 1950 г., Пекин.
14. ЛЮ СЯНДУН. Исследование влияния русской и советской живописи на развитие китайской масляной живописи: Дисс. ... докт. искусств. Хунаньский педагогический университет. 2020.
15. ХЭ ЦЗИН. Учебник по эстетическому воспитанию для военных училищ. Сиань. 1995.

Образование: прошлое, настоящее и будущее

16. Хуа Тяньёу (滑田友, 1901–1986) – китайский скульптор и педагог. Преподавал в Центральной академии изобразительных искусств, где возглавлял кафедру скульптуры.
17. ФАНЬ ПАНЬПАНЬ. Восточное письмо Пушкина – на примере романтических произведений 1820-х – 1830-х годов: Дисс. ... магистра. Цзилиньский университет. 2022.
18. ГАО МАН. Переключка душ. Пекин. 2005.
19. ДУН КАЙ. Влияние классической европейской реалистической живописи на художественную практику на примере рисунков Дюрера и Рубенса. – Художественная литература. 2024. № 7, с. 79–82.
20. Цянь Шаоу (钱绍武, 1928–2021) – китайский скульптор и педагог. В 1953 г. обучался в Институте имени Репина в СССР, где изучал скульптуру. В 1959 г. окончил обучение и вернулся в Китай, где преподавал в Центральной академии изобразительных искусств.
21. ВАН ФЭЙ. Современное развитие традиционных художественных форм в России и перспективы их развития. – Кинообозрение. 2014. № 19, с. 96–98.

Contents

Articles: **P.A. Iskenderov**. Albania in World War II (part IV). Foreign Colleagues Tell: **A.M. Grudnicka**. Game of Scipios: Habsburg interpretations, adaptations, and uses of Scipio Africanus in early modern Europe; **L. Wolff**. Verdi's Emperor Charles V: Risorgimento politics, Habsburg history, and Austrian-Italian operatic culture. International Scientific Cooperation: **He Jiashu**. The history of translations of "San Zi Jing" in Russia in the 18th – 19th centuries; **Shi Yuxin**. The review of the state and development trends of cognitive linguistics in Russia and its research in China; **Vue Quanxin**. The history of research on the motive of the catastrophe in Russian literature in China in 2008–2024. Contributions: **Qu Rulan, Liu Qi**. The stages of development of the architectural and urban heritage protection system of Anyang; **M.M. Imamov, N.B. Semenikhina**. The impact of digital technologies on project management in the context of transition to a low-carbon economy and sustainable business models. Education: Past, Present, and Future: **N.V. Kondrashova**. Research on the role of intercultural communication in overcoming linguistic and social barriers among international students of Russian universities; **Huo Pengfei**. Influence of Russian academic sculpture education on contemporary Chinese art education.

Учредитель: Искендеров Пётр Ахмедович

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный номер № 894**

Главный редактор П.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

**М.Ц. Арзаканян, Г.А. Гребенщикова, С.И. Данченко, В.Г. Кикнадзе,
М.А. Лагода, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова, М.М. Фролова**

Над выпуском работали:

К.А. Пахомова, А.И. Петрушина, Е.Н. Щербакова

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Присланные материалы после рецензирования не возвращаются

Редакция не имеет возможности вступать в переписку

Редакция не несет ответственности за достоверность публикуемых авторами сведений

Мнение редакции может не совпадать с позицией авторов опубликованных материалов

«Вопросы истории» № 4, 2025

Адрес: Журнал «Вопросы истории»

Селезнёвская улица, дом 11А, строение 2, 7-й этаж, офис 14, Москва, 127473.

Телефоны: (499) 973-32-75, (499) 973-36-95. E-mail: 095history@mail.ru

Сайт: <https://voprosy-istorii.ru>

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 24.03.2025. Формат 70x108¹/₁₆.

Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 14,0. Уч-изд. л. 16,36. Тираж 350. Заказ 0017–2025. Индекс 70145.

Цена свободная.

ООО Журнал «Вопросы истории»

Отпечатано в АО «Красная Звезда».
125284, Москва, Хорошевское шоссе, 38.

Тел.: (495) 941-32-09,
(495) 941-34-72,
(495) 941-31-62
E-mail: kr_zvezda@mail.ru
<http://www.redstarprint.ru>